ОМСКИЙ АЛЬМАНАХ

КНИГА ТРЕТЬЯ

ОГИЗ · ОМГИЗ · 1943

52.14

1116604
св. 2015

ный
дора

ф Я. О-578

«... была раньше Сибирь
каторжная, необъятный край
необъятного зла, край каторжан
и ссыльных. Сейчас сердобо-
любивая Колхозная земля-
Сибирь Советская, край социа-
листического созида-
ния. ...
Из газеты Новосиб. Сибирская правда
29/III-39 г. статья Герасимова
«Максим Горький о Сибири»

ОМСКИЙ АЛЬМАНАХ

КНИГА
ТРЕТЬЯ

ф.П. 1116604

БИБЛИОТЕКА
им. А. С. ПУШКИНА

ОГИЗ

ОМСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОМСК 1943

91

ПИСАТЕЛИ НАШЕГО КРАЯ

1

Когда речь заходит о том, какие писатели, жившие и работавшие в наших краях, получили ту или иную известность за последнюю четверть века, после Октября, то я, наряду с именем Всеволода Иванова, Ивана Шухова, Феоктиста Березовского, Антона Сорокина, Петра Драверта, вспоминаю еще ряд имен и лиц.

Вот они:

Ямщик Илья Черепанов, князь Иван Катырев-Ростовский, Семен Ремезов, сын боярский...

«Но — скажете вы, — разве это советские литераторы?»

Нет, я не говорю, что это советские литераторы. Эти люди жили очень давно, но я говорю, что имена и труды этих людей стали по-настоящему известны только теперь, при советской власти. В дореволюционной России об этих людях знал только весьма узкий круг ученых специалистов. Ныне деятельность упомянутых писателей, оцененная заново, становится достоянием народа. Советские историки, советские литературоведы извлекли из мрака забвения труды Ремизова, Черепанова и многих других незаслуженно забытых. Народ сумеет отдать должное славным предкам. И прежде, чем говорить о современниках, я хотел бы еще раз коротко напомнить о людях былых веков. И вы увидите, что и сейчас, в дни великой отечественной войны, когда решается будущее нашей страны, будущее всего человечества, — и в эти дни стоит кое-что вспомнить о прошлом.

Итак, сначала несколько слов о прошлом.

2

Кто были первые писатели здесь, на территории нынешней Омской области?

Триста двадцать два года назад в Тобольске Киприан, первый архиепископ сибирский, посланный Филаретом за Урал руководить духовной жизнью этой земли, задумал составить историю завоевания

Сибири. К кому же обратился за помощью Киприан? Он обратился к живым еще участникам и свидетелям событий — к старикам-казакам из дружины Ермака Тимофеевича. Киприан собрал их и попросил припомнить, рассказать о том, как было дело. Но старики-казаки не только рассказали Киприану о славных делах дружины, а предоставили в распоряжение архиепископа «письменные сказки», то есть рукописи, заметки, мемуары. Грамотеями и людьми, умеющими живо и связно излагать свои мысли на бумаге, оказались многие из простых воинов, соратников Ермака.

Так была создана первая Сибирская летопись — та летопись, которая послужила для историков ценнейшим источником сведений о великих событиях, та летопись, которую с величайшим интересом читаем и мы теперь.

Простые русские воины — вот кто были первыми русскими писателями здесь, за Уралом. Они создали книгу о завоевании Сибири!

Вскоре после этого, в конце двадцатых годов XVII века, в Москве была закончена неким книжником замечательная «Повесть о начале царствующего града Москвы и о корени великих князей московских и о пресечении корени царского от Августа царя и о начале иного корени царей, о настатье царя Бориса и о приходе богомерзкого еретика Гришки Отрепьева Ростриги на царствующий град и о начале его и об убиении его, и о мятежи, и о настатье царя Василия Шуйского, и о начале мятежи, и о пришествии Литвы, и о разорении царствующего града Москвы от безбожных ляхов, и о взятии царствующего града Москвы собранием и пленением всего православного христианства».

Эта книга, дающая нам ценные сведения о великих исторических событиях, написана Иваном Михайловичем Катыревым-Ростовским. Один из первых русских поэтов, мастер живого художественного слова, мастер изображения русского пейзажа — так отзываются о Катыреве историки литературы.

Далеко не всем известно, что в разгаре описываемых в книге событий Катырев находился в Сибири и, будучи тобольским воеводою, фактически управлял всей русской Азией. Князь Катырев пошел в Сибирь в ссылку, будучи заподозрен в измене, «в шатости» царем Василием Шуйским, но в решающую годину он оказался здесь, за Уралом на высоком командном посту и, в ответ на призыв Минина и Пожарского, организовал из Сибири мощную помощь народному ополчению. А вернувшись в Москву, Катырев стал известен как писатель и не только автор упомянутого труда, но и еще многих. Есть данные предполагать, что он является и автором одной из следующих летописей сибирских, так называемой Строгановской летописи.

Прошло три четверти столетия. Петр Великий решал судьбы новой России. Шла война за выход к морю, война за право быть великой державой, с которой должна считаться Европа. Неузнаваемо менялся облик нашей страны — и столиц, и окраин. Реформы, ко-

нечно, коснулись и Зауралья. Петр придавал огромное значение Сибири, — той части государства, которая оказалась сопредельной со странами Средней Азии, с Китаем, Японией, Америкой. И не случайно Петр велел заново перестроить «стольный град» сибирский Тобольск. На Троицком мысу, на месте былого скопища бревенчатых хижин возник гордый, белокаменный город, не уступающий своим величием многим старинным и славным городам Русского государства.

Кого же уполномочил Петр перестраивать город Тобольск? Принято думать, что Петр поручил это дело пленным шведам. Но ныне стало известно — шведские пленные были только исполнителями, а руководителем работ, душой перестройки, полномочным представителем Петра был талантливый молодой сибиряк, выходец из низшего служилого сословия, внук простого воина, сын казачьего сотника Семен Ремезов.

В юности Ремезов проявил себя как способный живописец. Об этом стало известно Петру, Петр поручил Ремезову составить «чертеж» Сибири — географический атлас русской Азии. Петр вызвал Ремезова в Москву, так сказать, «на курсы» при Оружейной палате, а когда возник план перестройки Тобольска, Ремезову в Москве были преподаны и начала инженерного искусства.

Семен Ремезов, живописец, картограф и инженер, оставил кроме тобольского величественного Кремля, кроме карт, которыми широко воспользовались географы Западной Европы, и еще одно замечательное произведение — книгу, которую принято называть почему-то также «летописью», Ремезовской летописью Сибири. А по нашему мнению, это не летопись, а великолепная героическая поэма, повествующая о жизни молодой Сибири, о делах славных казаков, о встречах русских людей с народами и владетелями соседних стран Азии. И хотя в этой поэме не говорится прямо о петровских временах, но каждое слово книги дает чувствовать, что это произведение писалось в великие дни Петровы, в дни обновления и перестройки Русского государства!

Можно было бы рассказать и еще о целом ряде интереснейших произведений, написанных в наших краях людьми прошлого. Мы не будем сейчас останавливаться на этих произведениях подробно, скажем лишь, что они всегда являлись откликами на большие исторические события, касающиеся не только Зауралья, но всей России. Так, например, труд ямщика Ильи Черепанова создавался в тяжелые мрачные времена бироновщины, немецкого засилия в России и Сибири, и был закончен в дни победоносной войны с пруссаками, в те дни, когда наши предки завладели ключами Берлина. То, чем жила Сибирь в эту эпоху, отражено в сочинениях сибирского грамотея-простолюдина Ильи Черепанова. Как жила Сибирь в годы французской буржуазной революции, мы можем понять, прочтя стихи и речи Петра Словцова, те речи, за которые этот молодой ученый-сибиряк попал в монастырскую ссылку.

Из всех вышеприведенных примеров можно сделать только

один вывод — не случайно, не от скуки, не между делом, но в бурные дни — в дни, когда решались судьбы родины, в эти дни брались за перо книжники нашего края, будь то воевода князь Катырев, или сын казачьего сотника Семен Ремезов, или ямщик Черепанов...

3

Теперь обратимся к современности. Нечего и говорить о том, что за двадцать пять лет Октября небывалое в прежние времена развитие получили природные способности русского человека и людей всех национальностей, населяющих наш Советский Союз. В частности, это распространяется и на область искусства, литературы.

И мы, омичи, можем гордиться тем, что за последнюю четверть века из нашей среды вышли писатели серьезные и значительные.

Выше уже упоминалось о Всеволоде Иванове, писателе орденоносце, авторе ряда замечательных произведений, повествующих о том, как народ боролся за свою свободу и независимость, за свое светлое будущее. Нет нужды перечислять лучшие произведения Иванова — они известны каждому школьнику. Всеволод Иванов в первые годы советской власти жил и работал в Омске до тех пор, пока его не вызвал в Ленинград Алексей Максимович Горький. Мировую известность получили труды Всеволода Иванова.

Широкую известность получили и книги омича, потомка прииртышских казаков, Феоктиста Березовского. Его книги переведены и известны за границей, эти книги прошли через руки миллионов читателей.

Почти в любой библиотеке можно найти и книги Ивана Шухова.

Менее известны, но, безусловно, не заслуживают забвения короткие новеллы оригинального омского литератора Антона Семеновича Сорокина — смело разоблачавшего в своих произведениях язвы капиталистического общества. Кроме того, Антон Семенович был знатоком быта наших друзей и соседей казахов.

В Омске прошла творческая юность талантливого поэта Александра Оленич-Гнененко.

В Омске живет и работает последнюю четверть века старейший поэт Сибири Петр Людовикович Драверт, более известный в последнее время как ученый. Он редко выступает теперь в печати, но мы помним, что этот знаток минералов и искатель метеоритов написал немало стихов о нашей стране.

Если Драверт воспевал главным образом природу, величайшие производительные силы страны, то другие вышеназванные писатели рассказали нам о великих событиях, произошедших здесь, за Уралом в XX веке в жизни людей. Эти писатели показали крушение империи, показали, как народы под руководством Ленина и Сталина боролись со своими врагами, как эти освобожденные народы взялись за строительство новой, светлой жизни, за строительство свободного бесклассового общества.

За последние годы перед войной дали о себе знать и новые имена, новые силы. Хочется много ожидать от молодого омского

писателя Виктора Уткова, автора ряда хороших рассказов, автора книги очерков о чудесной цицинской многолетней пшенице, автора исследовательских статей о создателе «Конька-горбунка» П. Ершове.

На дальнем севере нашей области, на Ямале за последние годы были поставлены две пьесы писателя-гиперборейца, первого ненца-драматурга Ивана Федоровича Ного. Судьба этого зачинателя ненецкой литературы не может не волновать нас.

Перевел «Интернационал» на родной свой язык и написал немало стихотворений молодой хант Лазарев. Свежие, талантливые стихи посвятили родному иртышскому и обскому северу молодые поэты Тебенев и Мотя Вахрушина — дети возрожденных народов.

Нельзя не вспомнить имени безвременно погибшего юноши — омского поэта Н. Калмыкова, имени писателя Евлампия Минина, скромного выходца из пригородного села Чернолучье, написавшего в конце двадцатых годов роман из жизни омских рабочих...

Появились на страницах местной печати стихи молодого иртышского водника А. Нестерова, стихи студента И. Ливертовского, литературоведческие статьи питомца, а затем преподавателя педагогического института имени Горького М. Юдалевича, статьи старого преподавателя этого института Н. Трунева, стихи красноармейца Г. Суворова.

История страны, мирное советское строительство — вот темы произведений второго, так сказать младшего, советского поколения омских литераторов.

4

Грянула великая отечественная война. Перестал существовать литературный клуб под «Омской правдой». Надев военную форму, покинули Омск многие молодые литераторы — беллетрист Виктор Утков, литературовед Юдалевич, молодые поэты Нестеров и Ливертовский. Из лесов севера ушел на фронт борьбы с фашизмом переводчик «Интернационала» на язык хантов Лазарев. В боях с фашизмом превратился из рядового красноармейца в лейтенанта Георгий Суворов.

Но не замерла литературная жизнь нашей области, литературная жизнь Омска.

Звучат по радио и появляются на страницах газет стихи, появляются очерки, статьи. Издательство подготовляет к выпуску в свет новые книги.

Что за люди пишут эти книги? Что за темы волнуют этих людей?

Мы читали в газетах и слышали по радио стихи Елены Рывиной, Марии Толстой, Аси Генкиной, Бориса Ковынева, рассказы и очерки Н. Вигилянского, П. Иоффе, Ф. Березовского, С. Лунина. Приходил к нам в редакцию гвардии капитан Глеб Холоденин, мироновец и орденоносец, бывший студент Омского рабфака; приходил курсант Забинков, бывший студент Ленинградского университета.

Мы увидели новые стихи старого знакомого Георгия Суворова в конверте со штампом полевой почты Действующей Армии. И немало еще молодых и старых писателей увидели мы.

О чем они пишут?

О войне.

О героической работе людей в тылу.

Прекрасные стихи пишет лейтенант Суворов. В войне с фашизмом окреп и вырос его талант, недаром о Георгии Суворове не однажды упоминалось в военной печати, недаром старший собрат — ленинградский поэт Николай Семенович Тихонов тепло встретил нашего поэта-лейтенанта и открыл ему дорогу в большую прессу.

Очень хороши лирические стихи гвардии капитана Холоденина. Его талант также окреп в дни войны.

Другие писатели, как, например, Н. Вигилянский, старый омич Ф. Березовский, берутся за не менее ответственную тему — о жизни тыла. Пытливо изучает жизнь сибирских колхозников в дни великой отечественной войны Н. Вигилянский, в прошлом автор биографической повести о Фрунзе. Брошюры Вигилянского, выпущенные Омгизом, напоминают еще некие дорожные заметки, блокнотные записи, но и эти заметки и записи свидетельствуют о том, что писатель всеми силами старается проникнуть в душу народа. Вигилянский впервые в Сибири. Другие писатели, не зная Сибири или вернувшись в Сибирь после долгого отсутствия, также, повидимому, как бы заново вглядываются в лицо страны...

Да! Лицо страны неузнаваемо изменилось. Так резко, так явственно не менялось лицо Сибири еще никогда прежде во все поворотные эпохи, во все исторические дни! По темпам, широте и глубине событий это нельзя сравнить и с бурными петровскими временами. Много сделал в свое время Петр Великий, но, конечно, гораздо большее, — если вообще можно сравнивать это в историческом плане, — сделали сталинские пятилетки. И особенно изменилось лицо страны теперь, в дни войны. Арсеналом Красной Армии стали наши края. Неизмеримо выросла и роль Зауралья как продовольственной базы Союза. А главное, главное — это человек! Человек, любой человек стал совсем не таким, каким был до войны. Вырос, закалился, встал во весь рост человек!

Глядите на человека!

Попытку изобразить жизнь этого человека и делают авторы предложенных читателю произведений. Насколько удались эти попытки, представляем судить читателям. Мы далеки от мысли считать все произведения, помещенные в данном альманахе, — шедеврами. Гораздо большего ждем мы от наших писателей!

Перо в руках писателя — это такое же мощное оружие, как винтовка, как штык, как граната.

Напомним еще раз: широкую известность получили произведения старшего поколения Октября, произведения свидетелей и участников событий, изменивших лицо мира. Напомним и другое: участники и свидетели великих событий былых веков были старые писатели казаки—

грамотеи, князь Катырев, человек низшего служилого сословия Семен Ремезов, ямщик Илья Черепанов — словом, все те, чьи произведения дошли до нас, чей труд оценил советский народ.

Все ясно. Великие события происходят в мире. Достойное участие в этих событиях принимает и Сибирь. Огромные задачи стоят перед советским писателем в Москве, на фронте, в тылу. Нужно быть на уровне своего времени.

Народ ждет произведений, достойных великой эпохи!

— * —

ПОДРУГЕ

За дни боев я стал на много старше!
Сам у себя я на глазах старел,
Когда в снегу по пояс шел на марше,
Когда о ствол винтовки руки грел!

Когда штыком я пробивал дорогу,
Когда, сражен, противник падал ниц, —
Тебя я видел и читал тревогу
В твоих глазах и в трепете ресниц!

И ты собой мне заполняла душу.
Я сам теперь не вспомню, сколько раз
Хотел я вновь твои рассказы слушать,
Ловить тепло твоих лучистых глаз.

Наш путь тяжел. Но мы близки к победе,
И каждый час мне хочется сильней
Притти к тебе, обнять, тебе поведать
Печаль и радость этих бурных дней.

И я приду. Дым пороха, махорки,
Пыль городов и сказочную даль
Внесу на пожелтевшей гимнастерке,
Где — ордена багряная эмаль.

Западный фронт, 1942 г.

БРАТУ

Брат! Я слышал, ты ранен в неравном бою.
Слышал я, что ты в этом последнем сраженьи
Много немцев положил за рану свою,
Прорывая стальное кольцо окруженья.

Ты с боями прошел в непогоду и мрак,
По дорогам смоленщины смерть рассевая.
Пусть узнают враги, как их бьет сибиряк,
Как незванного гостя Россия встречает!

Ты сапер. Я стрелок. Но единая цель
Нас с тобою в атаках вперед увлекала.
Гнев сибирских бойцов не гасила шрапнель,
Только жаждой победы сердца наполняла.

Шли вперед мы под солнцем палящим, во мгле,
В вихре дыма и рваных осколков металла.
Погибая, друзья припадали к земле,
Как родную руками ее обнимали.

Мы за смерть их с врага получили сполна.
Шли по трупам, пьянея в расплате кровавой.
Это мести народной катилась волна,
И гремела над нами крылатая слава.

Брат! Я горд за тебя. Горд за рану твою.
Горд за то, что мы оба с тобой из Сибири,
Горд за то, что не знали мы страха в бою
И за кровь свою вражеской смертью платили!

И когда над страной отгрохочут бои,
Мы в родную Сибирь, под таежные своды,
На серебряный росплеск широкой Оби
Принесем свою дружбу и песни похода.

Действующая Армия, 1942 г.

НА РАЗЪЕЗДЕ

Тихий ветер с полей запах меда принес,
Вечер в синие тени одетый.
Одинокий разъезд. Мерный рокот колес.
Голубых незабудок букет.

Здесь, на тихом разъезде, где почти каждый час,
Как могучий прибой, эшелоны несутся,
Мне дала его девочка только сейчас
И домой пожелала скорее вернуться.

Я держу его бережно, чтоб не помять,
Я храню полевой аромат его тонкий,
Он мне дорог: не каждый-то может понять,
Этот скромный подарок чумазой девчонки.

Пусть цветы эти даже не так хороши,—
Важно видеть народный подъем перед боем,
Видеть в этом величие русской души,
Знать, что сердце страны бьется вместе с тобою!

Эшелон, июнь 1941 г.

* * *

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ТОНИ ПЕТРОВОЙ

1

Тоня Петрова затаилась за горбылем с редкой щетинкой леса. Отсюда, как на ладони, открывалось село. Хребтово стояло на круглой горе. Белая колокольня буравила полуденное облако. Два порядка изб дугами выгнулись по крутому склону. Внизу расстилались четырехугольники паров и пашен.

«Не пробраться голыми полями в Хребтово! — подумала Тоня. — Как пить дать остановят. Гитлеры!»

В селе укрепились немцы, все подступы охраняются автоматчиками. Схорониться негде. Тоня знала это прекрасно.

Она с тоской оглядела дорогу, узкую дорогу между черными пустыми полями. Поднимая серую пыль, по ней промчались немецкие машины с солдатами. Грузно прошли три броневика, прогремели тягачи с тяжелыми орудиями.

«Стягивают немцы войска и технику на хребтовскую высоту! — подумала Тоня. — Готовят налет на партизан!»

Она нетерпеливо приподнялась за кустом и задумалась. Если бы темной ночью — она бы в один миг проникла в село. Но до темноты долго. Надо обернуться за день.

Снова запылила дорога. Тоня пригнулась, приникла к кусту и в просвет между ветвями увидела на дороге табун скота. Его гнал старик, с большой красной лысиной, в рваном зипуне и с длинной хворостиной в руке. Ему помогал вихрастый, босой парнишка. За погонщиками медленно в отдалении шагали немцы с автоматами. Они сопровождали награбленный у крестьян скот из соседнего села.

У Тони возникла мысль: вместе с табуном проникнуть в село. Она быстро сняла тяжелые сапоги, сбросила куртку, схоронила все это под куст и, оставшись в мужских штанах и рубашке без пояса, бросилась за бурой коровой, которая несколько отбилась от стада. Тоня перенята буренку и вместе с коровой замешалась в табуне. Это произошло так быстро, что немцы, приняв ее за мальчика-погонщика, не обратили никакого внимания.

Теперь Тоня шагала среди тощих коров. Пыль облаком поднима-

лась над стадом, полями и дорогой. Из-за пыли не стало видно ни седого деда, ни мальчика-погонщика, ни немцев с автоматами.

Так среди белого дня юная разведчица проникла в село.

2

Вечером Тоня была уже в землянке партизанского штаба. Командир отряда, высокий, с тяжелыми узловатыми руками, местный колхозник лужанин, щуря лукавые глаза, усваивал данные разведки. Тоня, откинув пряди спадавших на лоб подстриженных волос, торопливо рассказывала о пулеметных гнездах, дзотах, орудийных установках, бронемашинах и танках. Командир усмехался в седые усы, теребил бороду и поддакивал. Сведения тониной разведки были точны. Выслушав, командир улыбнулся юной разведчице и крепко пожал ей руку:

— Ну, спасибо, дочка, в самый раз обернулась. Ловко дело обкрутила!

Тоня покраснела, и круглое девичье лицо ее покрылось густыми пятнами. Странное состояние иногда овладевало ею: смелая в боевых делах, она, когда ее хвалили, легко смущалась и робела. Может это от того, что слишком тесно переплелась ее жизнь с семьей партизан, что никого у нее не было кроме командира и боевых товарищей. Партизаны ее любили и говорили о ней с гордостью и уважением. Они называли ее и «Тоничкой», и «сестрицей», и «нашей маленькой Тосей». Командир всегда спрашивал: «А где наша дочка?»

В отряде Тоня не считалась ни с какой работой: готовила обед, стирала партизанам белье, держала в чистоте посуду и землянку, штопала порванную одежду. Когда этого требовала боевая обстановка, она шла в разведку. Тоня была самой смелой и находчивой разведчицей. Она незаметно проникала в села, занятые немцами. Ее видели и деревенским пастухом-мальчиком, и колхозной девушкой, и поводырем слепой старухи, и мальчиком-подмастерьем у шаповала. Для немцев она была неуловимой «невидимкой». Они искали ее всюду, объявили награду в пять тысяч марок тому, кто выдаст смелую разведчицу. Но трудно было обнаружить Тоню.

3

Многие удивлялись, откуда взялась такая девушка? Но лужские партизаны знали, что Тоня — комсомолка, прошла большой боевой путь. Начался он для Тони неожиданно в тревожную летнюю ночь в районном городке Луге, под Ленинградом. В городе тогда расцветала сирень, запахи ее носились в прохладной ночи. Но людям было не до сирени. В райкоме партии и в райкоме комсомола в эту ночь шла горячая подготовка к предстоящим боям. Немцы подходили к самой Луге и готовились к новым атакам. Чтобы отвлечь силы врага, было решено забросить в тыл гитлеровцам отряды истребитель-

ного батальона. К зданию райкома беспрестанно подкатывали запыленные грузовики. Из-за их высоких бортов торчали дула винтовок и ручных пулеметов. Одна машина за другой двигались за город.

Секретарь райкома партии провожал последнюю машину, когда к нему, запыхавшись, подбежала худенькая девушка в цветной кофте с узелком в руках. Это была Тоня-комсомолка, заведующая учетом райкома. Вид у нее был растерянный и взволнованный.

— Товарищ секретарь, пошлите и меня с истребителями, — попросилась она.

— Да куда тебе, Тоня, подумай хорошенько. Поход длинный, трудный, опасный. Не выдержать тебе. Да и одежонка у тебя легкая, простудишься,— уговаривал секретарь.

— Да ведь мне совсем маленькое местечко надо. Я где-нибудь в уголке прижмусь.

И Тоня смело шагнула к машине.

— Экая ты несговорчивая. Ладно уж, садись. На себя пенять будешь. Товарищи, примите нового бойца, — распорядился секретарь.

Десятки рук потянулись из машины, чтобы подхватить маленькую Тоню. Из кузова на прощанье она крикнула:

— Я, товарищ секретарь, ничего не боюсь. К походам привыкла, и простуда меня не берет!

Успокоилась Тоня только в походе. Утром в лесу стояла необыкновенная тишина. Чуть светлело. На востоке вырисовывалась гряда неподвижных нежнорозовых облаков. Пахло свежестью, цветущими травами, медовой пылью желтого донника и смолой сосны. Такого тихого покоя Тоня никогда не испытывала. Кругом родные, знакомые поляны, синие васильки, голубые нарядные лилии, желтые бубенчики и громада лесов. «Где же страшная война?» подумала тогда Тоня.

Вскоре Тоня увидела войну. Отряд проходил большими полянами. Вдруг словно громом разорвало лесную тишину. Лес загудел, затрещал, как в грозовую бурю. Тоня вздрогнула от залпа нескольких орудий. Вой снарядов проносился над самой головой. Снаряды ложились так близко, что от их гулких разрывов дрожала и стонала земля. Но Тоня шагала рядом с бойцами.

Потом налетели вражеские штурмовики. Они долго кружились над лесом, искали, пикировали так низко, что поход временно пришлось прекратить, чтобы не обнаружить себя. Бойцы укрылись под деревьями и кустами. С Тоней стоял пожилой боец с проседью в висках и усах.

— Вот тебе, дочка, и первое боевое крещение. Небось, страшно показалось? — спросил он.

— Немножко... По коже мурашки побежали, — призналась Тоня.

— Это ничего, спервоначалу всегда так, а потом обвыкнешь. Я всю гражданскую прошел и с германцами дрался еще в первую войну. Сперва страшновато было, а потом прошло, — ободрил Тоню старый боец.

Они стояли под елью, как под зонтом. От фугасок и снарядов загорелся лес. Дымом заволакивало поляны и прогалинки.

— Лес горит! — первая крикнула Тоня. Она видела, как пылал лес, и огненные языки тянулись по земле и стволам деревьев, слизывая все на своем пути.

Пришлось изменить направление. Решено было пробиться болотами через линию фронта.

Необычны и своеобразны лужские леса: в них есть такие места, в которых и знающий человек может пропасть. Вот мельчают ряды дубов, кленов, елей, сосен, тончают стволы, тоще становятся кроны. Неопытному путнику кажется — он вышел на поляну. Ан нет! Он попал в болото, прикрытое зеленой подушкой мхов, кочками и кучавыми березами. Стоит человеку неосторожно поставить ногу — и он в трясине. Все мертво и неподвижно в этих ржавых болотах.

Командир вызвал к себе Тоню:

— Ты легче всех, дочка. Будешь моим связным. Болота будем проходить маленькими отрядами. Ты будешь держать связь, передавать мои распоряжения.

Бойцы, утопая по пояс в гнилой трясине, бесшумно проходили линию фронта. Тоня никогда не видала таких страшных болот. Прыгая с кочки на кочку, она качалась на зыбунах, как на качелях. Тоня смело проходила болота с первым отрядом, потом возвращалась обратно и вела по знакомой тропе новые отряды. С риском для жизни она предупреждала бойцов об опасности, выводила заблудившихся. Почью отряды батальона благополучно прошли линию фронта. Командир благодарил Тоню за хорошую связь и смелость.

Отряды истребителей совершали большой рейд в тылу врага. Там, где проходил батальон, на воздух взлетали мосты, железнодорожные эшелоны, немецкие танки, базы горючего. Тоня участвовала во всех боевых налетах истребителей. Два раза она ходила в опасную разведку и приносила ценные сведения.

В батальоне о ней заговорили как-то сразу. Однажды она направилась с группой бойцов на сложную операцию. Было приказано задержать немецкую автоколонну, следовавшую на фронт.

В лесу только разливалась предутренняя синева, но в ярах еще лежал туман. Туманились ручейки и речки густым паром. Бойцы залегли в кустах у обочин дороги. У каждого наготове была противотанковая граната и на полный диск заряжен автомат. Смелый истребитель танков, боец Сеня Тихонов подполз к Тоне и шопотом сказал:

— Ты не осилишь противотанковую гранату, дай мне. Я заброшу, полетит в цель.

— Нет, я сама буду бросать, — сказала Тоня и отползла подальше от Тихонова.

Она лежала первой у дороги, по которой двигалась автоколонна. Шум моторов Тоня услышала издали. Он нарастал. Двигались грузовые машины с ящиками снарядов. Бойцы-истребители затаились. Тоня пропустила восемь первых машин. «Эти на расправу товарищам! Девятая моя», подсчитала она. Тоня поджидала «свою» машину спокойно. Вот она грузно прошла подле обочины, замедлив ско-

рость у рытвины. Тоня изловчилась, выскочила из-за кустов и в одно мгновение кинула свою гранату. Воздушной волной Тоню отбросило в глубокую канаву. Она лежала, прижавшись к холодной земле. Граната попала в кузов машины. Один за другим взрывались снаряды и гул от их взрывов катился громовыми волнами по лесу. Тоня несколько минут лежала без движения. Ее оглушил грохот.

— Тоня... Тоня! Ты жива?— окликнул ее Тихонов.

Она ничего не слышала.

Тоня подняла голову спустя полчаса, когда прямо на нее бежало несколько немцев. Не вылезая из канавы, она прижала к горячей щеке холодное и мокрое от росы ложе автомата и дала несколько коротких очередей. Трое немцев, взмахнув руками, распластались на дороге, остальные повернули обратно. Тоня вскочила на ноги и закричала:

— Сюда, за мной, товарищи! Бейте немцев...

Она бросилась вперед. Пули ее автомата решетили кабины уцелевших машин, впивались в баллоны, настигали убегающих немцев. Тоню еле остановил Тихонов:

— Бежим скорей обратно, пока нас не окружили.

— Ничего, не окружат. Расстреливай машины!

Тоня и Тихонов вывели из строя все машины. Напуганные немцы запрятались в лесу. Автоколонна на фронт не попала.

Тогда-то и заговорили истребители о комсомолке Тоне Петровой. Командир приказом объявил ей благодарность.

Когда истребительный батальон, выполнив свою задачу, возвратился обратно и соединился с частями Красной Армии, Тоня не ушла, она осталась в тылу врага в партизанском отряде.

Лужские партизаны жили в лесу, в тщательно замаскированных землянках. Они совершали большие походы. Чтобы не обнаружить себя, партизаны оперировали вдали от своих баз. Они организовали хорошую разведку и были осведомлены о всех передвижениях вражеских войск. Партизаны громили коммуникации врага, укрепленные пункты. Нападали неожиданно и сеяли панику в стане гитлеровцев.

4

Ни одной разведки, ни одного налета не обходилось без Тони. И все-таки Тоня попалась немцам в плен. Это произошло в тот день, когда партизаны готовились к неожиданному налету на карательный немецкий отряд. Немцы разместились в деревне Сабцы. Командир утром вызвал Тоню и ее подругу Валю и приказал:

— Выяснить, каков карательный отряд в Сабцах, как и чем он вооружен. Разведку произведете срочно. Данные доставите завтра к вечеру.

Тоня и Валя переоделись в крестьянские куртки, повязали головы платками и направились в Сабцы. В лесу уже пахло осенью, на дороге поблескивали налитые дождем лужи. Кругом лежала грязь,

1116604
Омская ... библиотека им. А. С. Пушкина

дожди размыли дорогу. Тоня и Валя бодро шлепали по грязи тяжелыми мужскими сапогами. Лес кончился. Открылись волнистые поля, а потом показались и Сабцы. Сумрачное небо все ниже спускалось к земле.

В Сабцах стояло несколько уцелевших домиков. Рядом зияли черными пятнами пепелища сгоревших изб, одинокие трубы и опаленные печи.

Тоня и Валя приняли беззаботный вид. Лузгали семечки, смеялись. На дороге их остановил немецкий патруль:

— Хальт! — крикнул солдат. — Кто? Куда?

— На гулянку! — отозвались девушки.

Патруль подозрительно оглядел Тоню и Валю. В глаза бросились их запачканные, облепленные грязью сапоги. Они внушили немцу подозрение.

— Русс партизан? Ходишь из лес? — грубо спросил он.

— Нет, из соседней деревни мы. Дорога очень грязная, — объяснила Тоня.

Немецкий патруль не поверил и отвел девушек в комендатуру.

— Не трусь. Будем говорить, мол, из соседнего села на гулянку, — шепнула Тоня подруге.

— Пытать наверно будут,— вздохнула Валя.

— Пусть... Все равно ничего не скажем!

В комендатуре их допрашивал высокий, костлявый, с большим кадыком немецкий офицер. Он морщился, сопел, нюхал одежду — не пахнет ли дымом, долго разглядывал сапоги. Девушки упорно настаивали на своем.

Костлявый немец решил перехитрить девушек. Он подослал к ним провокатора. Прикинувшись партизаном, провокатор жаловался, что его здесь пытают, бьют. Он, мол, давно решил бежать, но одному сделать это невозможно. Провокатор предложил девушкам бежать вместе и сегодня же ночью. Он знает, как в сарае сделать подкоп, обойти патрулей. Ему знакомы здешние леса, он знает партизанские землянки, где можно укрыться.

Тоня грубо оборвала провокатора:

— Нам незачем бежать. Мы ничего не знаем о партизанах.

Немецкого офицера бесило упорство девушек. Он стал допрашивать их по одиночке. Вале рассказывал, что Тоня во всем созналась. Тоне — что Валя ее выдала и ей нечего запираться. Но девушки твердили одно и то же:

— Мы пришли на гулянку. Мы ничего не знаем.

Немец стучал по столу кулаком, кричал и запугивал. По его приказу Тоню и Валю вывели в хлев и поставили у стены. Пять немцев выстроились напротив с автоматами.

— Даю пять минут... Если не скажете правду, мы вас расстреляем. Я буду считать три раза! — громко отчеканил офицер.

Тоня и Валя попрежнему молчали. Немцы подняли автоматы, но потом опустили их.

Офицер вне себя закричал:

— Завтра мы отведем вас в село. Если там крестьяне не признают фрейляйн за своих, мы вас повесим на площади.

Их заперли в хлев, где было грязно и холодно. Обнявшись, согревая друг друга дыханием, девушки простояли в уголке всю ночь. Они клялись в дружбе, они решили принять вместе смерть, но не выдать партизан. Тоня вспомнила, как в райкоме комсомола мелким, мелким почерком она писала протоколы на заседаниях и мечтала учиться. Она хотела быть инженером на большом заводе, где много машин, станков. Она бы стала там строителем самолетов и построила такую машину, которая управлялась бы сама, имела особые крылья, хвост и садилась, где ей вздумается. Тоня полетела бы на такой машине на Красную площадь. Сталин подошел бы к ней и сказал: «Спасибо, товарищ Петрова, за отличную работу!» Подруги плотней прижимались друг к другу, и Тоня шептала:

— Не унывай, Валя! Умереть героем легче, чем жить трусом и предателем!

Утром их вывели, нагрузили двумя корзинами и под строгим конвоем направили в село. Разведчицы шагали в середине, а по сторонам—четыре караульных. Село находилось далеко. Нужно было итти лесом. Дорога вела через овраги и болота, а по сторонам стеной толпились обнаженные клены, березы, осины. Небо хмурилось и накрапывал мелкий дождь. Дорога становилась все уже, лес густел. Немцы шли настороженно, держа винтовки наготове. Они запрещали девушкам разговаривать и оглядываться по сторонам. Вдруг где-то близко прогремел сначала одиночный выстрел, потом второй, третий... Молчаливый лес словно ожил, встрепенулся и заговорил разноголосым эхом. Перестрелка становилась чаще и гуще. Видимо, немецкий отряд напоролся на партизанскую засаду. Караульные струсили, столпились, не зная что им делать. Тоня воспользовалась замешательством конвоя, бросила корзину и юркнула в кусты. Валя последовала за ней.

Они бежали без оглядки туда, где густел лес. Тоня свернула в орешник, потом в зеленую хвою ельника. Колючие ветви больно хлестали по лицу. Она прыгала через кочки, пни, натыкалась на стволы деревьев, в кровь исцарапала обе руки и ноги. Бежать было трудно, ноги утопали в мховой подушке, скользили, она падала. Немцы гнались за ней. Они стреляли, и пули визжали над ее головой. Все слышней становилось шарканье их ног, явственно слышались крики немцев.

«Не уйти!..» подумала Тоня. Она выбилась из сил, а немцы все ближе и ближе. Тоня увидела большой выворотек—столетнее дерево, сбитое бурей. Оно распласталось на земле. Огромный дерн поднялся на его корнях. Тоня запряталась под дерном, зарылась в землю и затихла.

Совсем близко пробежали немцы. Тоня лежала под дерном, соображая: «Валя побежала вправо, немцы ее тоже не заметили...»

Она дождалась темноты и ночью вернулась в землянку к партизанам. Утром пришла и Валя. Подруги бросились друг к другу, плакали и смеялись от радости.

5

Дерзкий побег юных разведчиц из плена и частые налеты лужских партизан на укрепленные вражеские пункты все больше раздражали немцев. Гитлеровцы неистовствовали. Они решили покончить с партизанами. Над землянкой лужских партизан сгущались тучи. Немцы бросили в лес большие силы.

Как-то отряд после утомительного похода и нескольких стычек с немцами разместился на отдых в землянках, которые накануне покинули другие партизаны. Партизаны улеглись на нарах, не раздеваясь, вместе с оружием. Ночь сгустилась быстро, порывистый ветер раскачивал могучие макушки деревьев. Землянку охранял молодой боец.

Тоня хозяйничала у костра — готовила ужин партизанам. Молодой партизан подносил хворост и все ныл, скулил, жаловался на партизанскую безотрадную жизнь. Тоня давно взяла на заметку этого парня. Он был трус. Партизаны собирались его переправить из отряда за линию фронта. Как ему доверили охрану землянки?

Опасаясь этого парня, Тоня не легла спать. Было черно вокруг, тучи спустились низко над деревьями. Забарабанил по сухим листьям частый дождь. Тоня села у костра. Вдруг она услышала шорох, треск валежника. Тоня быстро погасила костер. В темноте она увидела, как между стволами деревьев перебегали неясные фигуры. Она поняла — это были немцы. Почему же часовой проглядел, не дал знать партизанам? Тоня размахнулась, бросила гранату в наступающих врагов. Немцы было отпрянули назад, но потом кинулись к ней с криками: «Русс, сдавайся!»

Тоня прижалась к дереву, подняла пистолет — и первый фашистский солдат упал с простреленной головой. Другой попытался схватить ее сзади, но Тоня быстро обернулась — и враг получил пулю в живот.

В ту же минуту она услышала рядом дрожащий голос: «Сдаюсь, не убивайте!» Подняв руки, к немцам шел часовой. «Получай, предатель!» крикнула Тоня и выстрелила в труса и изменника.

Немцы, прыгая через кочки, бежали к ней со всех сторон. Тоня выпрямилась: «Лучше смерть, чем фашистский плен!» — и выстрелила себе в грудь.

Утром к месту боя подоспели партизаны другого отряда. Костер еще тлел; около него, уткнувшись лицом в окровавленную землю, лежала Тоня Петрова. Товарищи снесли ее в землянку, где покоились и тела других партизан, положили на нары и замуровали вход в землянку тяжелыми камнями.

Придет час, и народ с почестями похоронит тело Героя Советского Союза Тони Петровой в освобожденной от фашистских варваров Луге.

Действующая Армия

— * —

БОЛОТО

Мрак лесной. Тишина. Ни души.
Погружаются в ночь блиндажи.
От болотины смертью несет.
За болотиной ров, дзот.

За болотиной сучьев треск.
Автомата немецкого блеск.

Над болотом блуждает светляк.
Луч луны закачался в ветвях.
Мрак лесной. Тишина. Блиндажи.
Ночи майские как хороши!

Пара глаз устремилась в лесок.
Мушка в прорези — на висок.

Палец плавно давит крючок.
На болоте погас светлячок.
Над болотом метнулась тень.
Мертвый немец свалился на пень.

— * —

СЛАВЕН ТРУД

Кузнец кует. Полярники плывут
Сквозь снежный шторм. Я воздвигаю зданье.
Я каменщик, и я люблю свой труд,
В нем есть большая радость созиданья.
Как ты, поэт, в безмолвии ночей
Кладешь слова, чтоб зазвучали песней,
Так я кладу дома из кирпичей.
Я каменщик! Что может быть чудесней?
Есть у меня хорошие друзья:
Один в Тюмени служит машинистом.
Он так пленен движеньем, гулом, свистом,
Что жить ему без этого нельзя.
Когда он мчится, все дрожит вокруг,
Звенят рожки, взлетают семафоры...
Готов ли путь? Через минуту скорый.
Вот он идет! Его ведет мой друг.
Мелькнул и — нет. Лишь фонарем сверкнул,
Лишь прокричал гудком горластым: — Смирно!
И все леса на всем пути обширном
Становятся в почетный караул.

Другой мой друг таежный лесоруб.
Богатырем его зовут недаром.
Идет молва, что он одним ударом
Столетний сваливает дуб.
Пусть крепко в землю дерево вросло,
Он знает лес и все его повадки,—
Он три тайги положит на лопатки,
Чтоб возвеличить это ремесло.
Еще крылом не шевельнул рассвет,
А уж его не сыщешь. Непоседа...

Еще скажу про своего соседа:
Он человек задумчивый, поэт!
Его стихи, как радуги горят.

И, кажется, когда закроешь веки,
Что он не сам, а нивы, горы, реки
Через него с народом говорят.
Он написал прекрасные стихи.
И через год в степях и на Байкале
Я слышал, как их пели пастухи
И моряки на Балтике читали.

Учитель учит грамоте детей.
Пилот летит на север сквозь ненастье.
Мы все горды профессией своей
И славим труд, творящий жизнь и счастье.

ВИШНЕВЫЙ БОСТОН

РАССКАЗ

1

Как гром с ясного неба, прозвучало в Жуковке известие о нападении Германии.

Жуковка сразу стала другой. — Война!

Хотя попрежнему пропалывали на редкость обильные в этом году хлеба, попрежнему доили коров, ухаживали за телятами, делали всякое другое в колхозе и дома, но люди ходили сосредоточенные, угрюмые, встревоженные.

В семье Воловер тревожились не только за советскую страну, давшую им права, достаток — все то, о чем евреи могли только мечтать, — у нее и два сына были в армии.

Еще за несколько дней до начала войны Бася Воловер получила письмо от Моисея. Сын радостно писал, что вышла его книжка стихов под названием «На привале», и тут же на столе лежала изящная книжка в коленкоровом переплете стального цвета с олеографией — красноармеец в каске и с ружьем у дороги под березкой читает книгу. За Моисея Бася не беспокоилась, нет! Главной ее заботой был Захар. Его только прошлой осенью взяли в армию, и служил он в Белостоке, совсем недалеко от границы. «Он уж, наверное, там сражается», думала не без тревоги мать. Но в это же время была горда, что «там» два ее сына. «Они родину в обиду не дадут», говорила она.

Между тем война все больше разгоралась. И вот, когда над Жуковкой пронесся первый гитлеровский коршун с черным крестом и свастикой, когда раздался взрыв такой силы, что все домики в селе задрожали, вылетели стекла вместе с рамами, и колхозное зернохранилище на краю села запылало, как костер, тогда только жуковцы поняли, что им грозит непосредственная опасность.

С невыразимой тоской смотрел Давид Воловер на великолепный, им выпестованный, колхозный огород, на обильно дающий уже плоды, им же посаженный, обширный колхозный сад, на прекрасные колхозные поля, на рвущийся к небу кепаф. Сколько тут положено труда!

Сколько пота и крови потратили жуковцы, чтобы худосочная песчаная и болотистая земля так расцвела! Неужели все это теперь растопчут и разграбят гитлеровские банды?

Война приближалась. Уже ясно была слышна канонада. Но все-таки, когда немецкие войска подошли вплотную к селу, это получилось как-то неожиданно. Тут и фронта-то никакого не было. Казалось, враг обошел это место стороной. Но в один знойный июльский день затрещали пулеметы, заухали орудия. В селе началась паника. Люди бежали, не успев ничего захватить из своего добра. Бася схватила только один эмалированный чайник и побежала. Давида и шестнадцатилетнего Лазаря она в суматохе потеряла из виду. Толпа бежала по направлению к областному городу, находящемуся восточнее Жуковки.

Город эвакуировался, и к вечеру Басю и других прибежавших посадили в теплушки — и поезд ушел. Теперь только Бася опомнилась. Она ведь видела Давида и Лазаря среди колхозников, гнавших куда-то колхозный скот. «Куда они делись?» С невыразимой тоской она думала об оставленном колхозном богатстве и своем добре. «Они уже все это там грабят и уничтожают. А где Давид, Лазарь и все мужчины колхозники? Их здесь нет! Неужели попали к этим разбойникам в руки?» Слезы, горячие слезы обильно лились из ее глаз и падали на старенькое ситцевое платье. Рядом с ней сидели на полу такие же несчастные, обездоленные. А ведь вчера еще они все были полными хозяевами своих сел и городов.

На узловой станции Орша, когда какие-то военные принесли им горячую пищу и измученные, изголодавшиеся старики, женщины и дети начали с жадностью есть, вдруг послышалось жужжанье мотора самолета. Люди инстинктивно почуяли беду в этом чужом, зловещем рокоте. И действительно, не успели проглотить и первую ложку щей, как затрещали пулеметы и через крышу и стены теплушки, свистя, полетели пули. Началось безумное метание. Кто-то скомандовал:

— Бегите вон из вагонов!

Люди в ужасе высыпали на железнодорожное полотно, а черный хищник с черным крестом и свастикой несся низко над обезумевшей толпой и обливал ее огнем и смертью.

Состав быстро умчался, люди рассыпались в близлежащем перелеске, появились девушки с красным крестом на рукаве и с сумками через плечо и начали перевязывать раненых.

Только к вечеру подошел состав. Люди сели в теплушки. Раненым помогали подняться в вагоны санитары. В вагоне Баси недоставало четырех, а шестнадцать человек были с белыми в красных пятнах перевязками. Среди них трое детей. Одна девочка лет трех жалобно стонала. Уже немолодая женщина навзрыд голосила:

— Ай-ай-ай! а где же моя Ганька? Где же моя родная, моя единственная!

Никто на нее не обращал внимания, у каждого было свое горе.

Пошли дни тупого безразличия. Поезд куда-то вез этих бездомных, разоренных людей. Никто из них даже не интересовался — куда.

Не все ли равно! Подолгу стояли на станциях или просто на пути, пропуская встречные воинские эшелоны и платформы с тяжелым громоздким грузом. На станциях незнакомые люди приносили пищу. Поезд уходил все дальше от фронта.

Так уж построена человеческая психика. Повседневные мелкие заботы вытесняют, заставляют забыть самые тяжелые, самые трагические переживания. Эшелон неуклонно шел все дальше и дальше на восток. Люди перезнакомились, создали в вагонах кое-какой порядок, сжились со своим горем и казалось, что ничего особенного у них не случилось. И Бася вспоминала не о чем-нибудь ином, а, например, о вишневом бостоне, о вишневом костюме из бостона, том костюме, который все собиралась, но так и не успела себе сделать.

Такой бостон вырабатывала она, Бася, когда-то в юности будучи ткачихой на фабрике в Белостоке. Четыре года проработала она на этой фабрике, а ушла с нее вот при каких обстоятельствах.

Это было в 1914 году. Приближалась пасха — самый торжественный и веселый праздник у евреев. Девушка решила выпросить у дирекции отпуск и съездить домой. Шутка ли сказать, четыре года не была дома и не виделась с родными! Так как она была очень хорошей работницей, к тому еще весьма красивой девушкой, — а мастер цеха, старый поляк, имел слабость к молодым красавицам, — Бася отпуск получила.

Пасха в этом году выпала холодная. По небу плыли тяжелые сизые тучи, дул холодный порывистый ветер, рябивший желтые лужи в низинах, хотя в этих местах обыкновенно теплые солнечные дни приходили именно с пасхой.

Все же еврейский бог, как говорили старухи, не без милости. В последний день праздника, когда было уже приготовлено прощальное, самое лакомое блюдо — сладкие пирожки из толченой мацы, начиненные пережаренной в меду редькой, — погода резко изменилась. После ночного заморозка тяжелые свинцовые тучи бесследно исчезли, словно их кто-то громадной шваброй с неба смыл. Ласковое, давно жданное солнце по-хозяйски заняло свое место среди лазурево-голубого, жуковского неба. После обеда Бася решила пойти к своей подруге Ревекке, жившей в другом конце местечка, — она знала: из всех окон будут на нее смотреть, — но на улице была невылазная грязь, а она так тщательно вычистила ботинки. «Постою, может Ревекка придет сюда».

Глядя в сторону глинистого холма, откуда должна была притти подруга, Бася увидела, что кто-то идет, но как-будто мужчина. Вскоре она узнала в идущем Давида Воловер. Это был молодой человек лет двадцати, среднего роста, с розовым лицом, покрытым редкими, но довольно крупными веснушками. Рыжеватая бородка мягко курчавилась вокруг его свежего, молодого лица, и он

выглядел старше своих лет. Он учился в ешиботе* и усвоил там не только премудрости талмуда, но и некоторые светские знания — научился читать и писать по-русски, изучил грамматику Кирпичникова, арифметику Киселева и считался в Жуковке интеллигентом. Давид состоял домашним учителем у богатого еврея Познера — арендатора имения магната Щеглицкого, обучал его детей еврейским молитвам и русской грамоте, получал за это десять рублей в месяц — громадный по Жуковке заработок.

Неизвестно, вышел ли Давид Воловер специально, чтобы посмотреть на Басю, о приезде которой знало все местечко, или направился куда-нибудь в гости, но, поровнявшись с домиком Михлиных, он снял новый, купленный на праздник картуз и церемонно поклонился девушке. Так как в Жуковке ломали шапку только перед паном Щеглицким и урядником — один уж этот поклон создал сенсацию. Но Воловер этим не ограничился. Постояв с минуту в нерешительности, он круто повернул к крыльцу и подал Басе веснущатую руку.

...Бася в Белосток больше не вернулась. Ровно через два месяца была сыграна свадьба — и она поселилась в маленьком, очень чистом домике на краю местечка, где жил Давид со своей давно овдовевшей матерью. По случаю женитьбы Воловеру на три рубля повысили жалованье: таков был обычай у евреев.

Но через полтора месяца после свадьбы разразилась война — и Давида взяли в солдаты. Три месяца его обучали, а потом отправили на фронт. В первом же бою на полях Галиции он был ранен и взят в плен.

Жить Басе стало нечем. Она, конечно, с радостью уехала бы обратно в Белосток на камвольную фабрику. Но она была беременна, а кто такую взял бы на работу?

Бася знала секрет крашения ниток, и она сделала себе из этого новую профессию. В зимнюю стужу и метель рыскала Бася по окружным деревням, выпрашивала у баб для окраски мотки льняной пряжи, получая за это у кого горсточку ржаной муки, у кого пару картофелин, и этим кормилась сама и кормила полуслепую свекровь.

Вечером Бася приходила домой измученная, озябшая ложилась в постель и предавалась своим горьким думам. У нее под сердцем шевелилось живое существо, и от непривычного этого чувства ей становилось страшно. Молодая женщина осторожно гладила возросший живот и думала о Давиде: «Где ты теперь, мой золотистый! Жив ли?» И слезы, обильные слезы лились из ее лучистых карих глаз.

И вот родился сын Моисейка. Он рос. У него уже появились передние зубки — «первые две лопатки», как говорила восторженно мать. Потом Моисейка стал на собственные ножки, сделал первые, неуверенные, шаткие шаги, а от Давида никакой весточки — точно в воду канул.

Немцы уже приближались к их местам, люди знали, что

---

* Ешибот—еврейское учебное заведение, где обучались преимущественно талмуду.

там, где ступит их поганая нога, — там смерть и разорение. Они не только выводят из хлева и отправляют в Германию последнюю скотину, — они выгребают из амбаров все зерно, шарят по домам, по кухням, забирают все: медный самовар, подпос, кастрюлю — даже ручки с дверей и окон снимают и все грузят в вагоны... Малейшее сопротивление — смерть.

До Жуковки немцы не дошли. Где-то им преградили путь. Но этой ужасной войне, казалось, не будет конца.

Грянула революция.

В больших городах, в столицах происходили волнения, даже настоящие битвы. До Жуковки об этом доходили только смутные слухи. Но наконец, пришла весть, что произошла новая революция. Всемогущий пан Щеглицкий куда-то сгинул. Семья арендатора Познера переехала из имения в местечко. Самого уже не было в живых, а сыновья объявили себя «хлеборобами». Из города приехал какой-то человек в военной форме, переименовал местечко в село, создал сельсовет и приказал этому новому сельсовету раздать землю пана Щеглицкого селянам — тем, которые ее захотят пахать.

В эти-то дни почтальон Филька и принес письмо с незнакомой маркой.

«Любимая моя жена Бася! Я жив и здоров, нахожусь в плену в Австрии. Меня взяли в плен, как только попал на позицию. Я работаю, тяжело работаю, и с одеждой плоховато. Горю нетерпением скорей вернуться домой, повидаться с тобой и со всеми родными. Говорят, скоро нас отпустят, и тогда приеду к тебе. Если у нас есть сын или дочка, то поцелуй его или ее крепко за меня».

В один весенний день, когда пышно цвели каштаны и Бася по-одиночке осторожно вынимала из-под наседки вылупившихся цыплят с нежным шелковистым пушком и клала их в горшок с перьями, она случайно увидела в окно незнакомого человека. Человек этот был бритый, в очень ветхой солдатской одежде, без погонов и с тощим походным мешком выцветшего защитного цвета за спиной.

Когда этот человек завернул к их домику, тогда только Бася догадалась, что это идет ее муж. У нее екнуло сердце. Она бросила на стол жалобно запищавшего желтого цыпленочка, выбежала на улицу и судорожно обхватила худую шею Давида. Спазмы сдавили ей горло, и она ничего не могла сказать.

Давид, растерянный, вошел в дом, остановился у двери и не знал, что дальше делать.

— Вот я и приехал!

Он виновато улыбался, точно своим приездом совершил какой-то не совсем подобающий поступок.

— А мама где? — спросил с тревогой.

В это время вошла мать. Полуслепая, она вовсе не узнала сына.

— Что ему нужно? — спросила она тихо, показывая белесыми глазами на Давида, продолжавшего стоять с походным мешком за спиной.

— Мама! — крикнул сын и обнял ее.

Теперь только пришла в себя Бася.

— Что ж ты стоишь у двери, как нищий? — спросила она, и слезы полились из ее глаз.

3

...При разделе помещичьей земли большие наделы понабрали более крепкие мужики, имевшие скот и инвентарь. Бедные же полученную землю бросали из-за отсутствия инвентаря. Евреи, никогда не работавшие на земле и не имевшие сельскохозяйственного инвентаря, боялись брать землю, хотя могли бы ее получить. Они по-старому занимались своей крохотной торговлей и другими весьма ненадежными профессиями.

Давид Воловер, бывший раньше домашним учителем у Познеров, не нашел к чему применить свои руки. Познеры в домашнем учителе больше не нуждались. Давид брался за разные работы: начал по какому-то рецепту делать квас, но жители Жуковки предпочитали прохладную кринчную воду пахнувшему лекарством квасу. Пробовал чем-то торговать — тоже ничего не получилось: не было, повидимому, к этому призвания.

Кончилась гражданская война, но семье Воловер, где прибавилось еще два рта,— Бася родила еще двух сыновей,— легче не стало.

Давид выписал выходящий тогда журнальчик «Сам себе агроном» и занялся огородничеством. С раннего утра до позднего вечера копался он на своем огороде и, точно выполняя советы знаменитого профессора, добился на малоплодородной песчаной земле хороших результатов. Его длинные и пахучие, как дыни, огурцы, крупные кочаны капусты и картофель, дающий по сорок штук с каждого клубня, были предметом восхищения всего села.

Не сидела сложа руки и Бася. Она как-то случайно купила на селе за бесценок еле живого темнокрасного теленка, оказавшегося очень высокой породы, и вырастила из него прекрасную их «кормилицу». Она от этой коровы не только забеливала щавель, борщ из красных буряков, который очень любили дети, но еще ухитрялась продавать молоко, творог, а иногда и полфунта масла. Несмотря на все это, все же в доме Давида Воловер хлеб считался лакомством.

В 1929 году Давид, взяв на веревку свою «кормилицу», первым записался в колхоз «Червоный шлях». Записалась и Бася.

С этого дня для них началась новая жизнь. Песчаная и суглинистая почва этих мест издавна славилась богатыми урожаями картофеля, овощей и яблок. Знаменитым в колхозе садоводом и огородником стал Давид Воловер.

По его же предложению червоношляхцы осушили большой массив болота, и на бывшей трясине стали разводить новый в крае вид растения — кенаф, из которого, по слухам, делали канаты для морского флота. Это растение и прославило колхоз на всю страну. Гигантского роста жуковский кенаф приезжали смотреть из других об-

ластей, а на Сельскохозяйственной выставке в Москве колхоз за этот кенаф получил золотую медаль.

Если Давид имел, как говорили в Жуковке, неспокойную душу — все искал новшеств, то Бася, в противоположность своему мужу, имела ровный характер, привязывалась к одной работе. С самого вступления в колхоз она стала телятницей.

У Баси был свой метод выращивания телят. Она новорожденного теленка к матери не допускала. Бывало, сразу надоит от отелившейся коровы желтого, еще липкого теплого молока, вольет в миску, вложит туда свой палец — и теленок, не зная матери, сначала возьмет в мягкий беззубый рот палец, а потом начнет и хлебать. Постепенно Бася начинала прибавлять к молоку кипяченую воду, горсточку муки, пшеничные отруби — и так незаметно переводила теленка на более грубые корма. Телята не знали мучительного для них «отнятия» с резкими переходами, не худели, не страдали поносом, быстро росли. Бася не знала, что такое падеж молодняка. Она не один раз была премирована, и этот ее метод выращивания старались распространять в области под названием «басин способ».

Счастливо жила Бася, ни в чем не нуждалась она. Могла исполнять все свои желания. Вот в те-то дни на одном из колхозных торжеств и увидела она тот замечательный вишневый бостоновый костюм на актрисе, на приезжей из города актрисе, исполнявшей национальные еврейские танцы. Очень понравился он Басе. «Ведь сама когда-то делала такой!» вспомнила она.

«Надо осенью съездить в Минск и обязательно сделать такой вот бостоновый костюм вишневого цвета», подумала тогда Бася.

На небольшой, но оживленной станции Бася пошла со своим эмалированным чайником за кипятком. Над перроном негромко звучал голос радио — диктора. Под рупором толпился народ — слушали последние известия. Бася избегала радио. Передачи об оставлении населенных пунктов слишком живо напоминали пережитое. Но тут она все же остановилась. Передавали радостное известие. На одном из фронтов наши войска полностью разгромили вражескую дивизию. Потом начали передавать о награжденных орденами. Вдруг Бася обомлела — из продолговатой зеленой трубы громкоговорителя донеслось: «За образцовое выполнение боевого задания и проявленные при этом доблесть и мужество старший лейтенант Воловер Моисей Давидович награждается орденом Красного Знамени».

С бьющимся сердцем, позабыв о кипятке, Бася влезла в теплушку, бросилась на шею первой попавшейся ей навстречу женщине Анне Ковальчук и стала безумно ее целовать.

— Мой сын герой,— закричала она, обливаясь горячими слезами.

В вагоне вначале подумали, что женщина рехнулась, но, разобрав в чем дело, начали Басю тепло поздравлять.

— Я так и знала — мой Моисейка будет герой,— улыбалась сквозь слезы счастливая мать.

После месячного скитания поезд пришел в большой сибирский город. Объявили, что здесь эшелон и будет разгружаться.

Бася была бесконечно рада концу этой езды. В то же время ее пугала выгрузка из обжитой теплушки. Что ее ждет в этом незнакомом городе?

Выгружать было нечего. Большинство, как и Бася, ехали почти с пустыми руками. Минут через десять все уже стояли на обширной вокзальной площади. Их повели через пыльную улицу на эвакопункт, в большой зал бывшей билетной кассы, где в несколько рядов были расставлены койки. На койках сидели и лежали женщины. Тут же на полу лежал их жалкий скарб.

Когда Бася вымылась под душем, поела горячих щей и легла на чистую койку после месячной тряски в грязной теплушке, она почувствовала блаженство. Родная Жуковка, прекрасные колхозные поля, знаменитый колхозный огород и сад, созданные руками Давида, дом и оставленное имущество, даже сам Давид и Лазарь — все это отошло на задний план. Все ее мысли теперь были заняты вопросом: как устроиться в этом новом, незнакомом городе? Заведующая эвакопунктом при записи ее заявила, что здесь их будут держать только три дня. За это время она должна устроиться.

«Куда кинуться, — думала Бася, — как устроиться?» Будучи на редкость сильна и самоуверенна на работе в своем колхозе, тут она себя чувствовала слабой и беспомощной, как ребенок. Любая работа ей, конечно, была не страшна. Но надо же где-нибудь приклонить голову. И как она пойдет искать работу в таком платье и босая? Она сидела на койке, с ужасом глядя на свои босые ноги.

И вдруг над самой головой разнеслось:

— Слушайте... Передаем информацию... Текстильной фабрике имени Володарского требуются: прядильщики, ткачи, апретурщики... Не владеющих этими профессиями женщин будут обучать. Условия...

Бася встрепенулась. Она же ткачиха! Правда, она двадцать семь лет этим делом не занималась. Но она же может подучиться. С новой силой в ней ожили те мысли и чувства, которые охватили ее тогда на их колхозном концерте, когда она сидела рядом с актрисой в бостоновом костюме. «Буду опять работать на большой фабрике у ткацкого станка среди настоящих рабочих», думала Бася с надеждой.

С утра она начала готовиться к тому, чтобы пойти на фабрику. Бася испытывала такое же волнение, как в те дни, когда готовилась пойти под венец с Давидом. Она раздобыла таз, теплую воду и, оставшись в одной сорочке, выстирала единственное свое, ситцевое платье, быстро на солнце высушила его, достала утюг, аккуратненько

ко выгладила и одела. Спавшая с ней рядом украинка Фрося одолжила ей свои сапоги — и Бася с бьющимся сердцем вышла из общежития.

Знойное августовское солнце сильно палило непокрытую голову Баси. Она стояла в длинной очереди ждущих трамвая на той же вокзальной площади, на которой они вчера высадились. Сегодня площадь эта выглядела совсем другой — вся залитая солнцем, она казалась привлекательной.

Подошел трамвай, но народу в очереди было так много, что Басе сесть не удалось. На второй она села, но состав оказался добавочным и до фабрики не дошел. «Вот не везет», подумала Бася, выходя на конечной остановке. Ее приподнятое настроение упало. Она постояла на перекрестке и затем начала расспрашивать, как пройти на текстильную фабрику. И как это часто бывает, одни указывали в одну сторону, другие в противоположную. С полчаса она крутилась по накаленным, дышащим горячей пылью улицам и уже пришла в отчаяние. Наконец, нашелся человек, который шел в ту же сторону; он довел ее до самой фабрики.

На улице, носящей название Октябрьская, она с радостью увидела солидные кирпичные корпуса, величаво возвышающиеся над деревянными домишками.

Заведующая отделом кадров, женщина невысокого роста, немолодая, но молодящаяся при помощи косметических средств, приняла Басю не совсем участливо. Не предложив даже сесть, Наталья Ивановна начала придирчиво допрашивать Басю: где раньше работала и почему не имеет никаких справок с прежних мест работы. Не помог рассказ Баси, как она бежала с одним чайником в руке, не помогла бумажка эвакопункта, что «предъявительница сего эвакуирована из прифронтовой полосы...»

— Если вы работали в колхозе, то должны иметь справку из колхоза, — твердила запальчиво заведующая отделом кадров.

«Не примут, не примут», стучало в голове у Баси в такт колотившимся сердцем. Но когда начальница, записав ее, велела притти завтра, у Баси мелькнул луч надежды.

В эту ночь Бася уже спала. Но сон ее был тревожный, кошмарный. Снилось, что стоит она у высокого ткацкого станка. Машина стучит равномерно, основа как будто натянута как полагается, но прыгающий, как чертенок, челнок не попадает в зев. При каждом ударе погонялки челнок то выскочит наверх, то запутается где-то внизу, и пряжа рвется, рвется без конца. Она бегает, суетится вокруг станка, пробует и так и этак, ничего у нее не получается. «А я ведь сказала, что работала четыре года ткачихой — значит, обманула, и не напрасно эта подкрашенная женщина так строго требовала справки...»

Бася проснулась вся в поту. Она старалась отогнать от себя остатки кошмарного видения, но плохое настроение ее не покидало. Не помогали даже объяснения Фроськи, что такой сон к лучшему.

Зная уже дорогу, Бася на этот раз пошла бодрым. Город бы

в эту пору очень оживлен. Люди шли на работу, домохозяйки спешили на рынок. В просветах поперечных улиц серебрился широкий многоводный Иртыш. Настроение у Баси поднялось. Она была рада, что попала в этот город.

В девять часов Бася уже была в конторе фабрики. С бьющимся сердцем она вошла в комнату заведующей кадрами. Та на этот раз без слов направила ее к начальнику ткацкого цеха.

Начальник цеха Никита Ефремович Цветков, старый ткач, коренастый, широкоплечий, с желтоватым болезненным лицом, принял Басю очень тепло. Узнав, что два сына у нее на фронте, а один из них командир орденоносец, Никита Ефремович мягко улыбнулся, пожал Басе руку и сказал:

— Раз сын герой — мать обязательно будет стахановкой.

Расспросив, где и как она думает устроиться с жильем, Никита Ефремович ввел Басю в цех.

Давно забытая, но теперь опять ожившая, милая сердцу Баси картина открылась перед ее глазами. Бесконечно длинный зал. Стройные ряды массивных, крепко прикованных к своим местам ткацких станков. Фабрика встретила Басю мерным гулом машин, ритмичными короткими ударами погонялок о бешено летающий челнок. Как завороженная смотрела Бася на натянутую, как струна, основу, на пухлые товарные валики бесцветного суровья у подножья машин.

— Варя, — крикнул Цветков вошедшей в цех девушке, — устрой эту женщину в комсомольское, молодежное общежитие.

— Там же нет места, — ответила недовольно девушка.

— Никаких разговоров! Ты секретарь комсомола! Так вот даю тебе партийное задание... Поняла?

— Наверно, из Москвы! — буркнула тут же подметавшая пол уборщица Дуня. — Им все удобства...

Эту реплику услышала только настороженная Бася. Она горько улыбнулась.

— Приходите в три двадцать. Кончит первая смена, и девушки помогут вам перетащить вещи, — сказала Варя, обращаясь к Басе.

— У меня нет вещей, — ответила смущенно Бася и покраснела, как девочка.

— Не забудь матрац, простыни и одеяло, — крикнул Никита Ефремович вдогонку уходящей Варе. — Слышишь?

6

Настал январь. Улицы оделись в сверкающий, как алмаз, снег, прикрывший все болячки города. Куда девалась эта тонкая, как мука, пыль, залезающая в рот, нос и глаза, за ворот рубахи? Куда девались эти рытвины, ямы, тротуары с поломанными досками? Белый пушистый снег делал город нарядным, привлекательным, как безукоризненно белый халат делает привлекательным даже самого некрасивого врача. Бася, хотя непривычная к сибирским морозам, но одетая в овчинный полушубок и пимы, полученные на фабрике.

чувствовала себя хорошо и бодро. С фронта передавали хорошие сводки — Красная Армия гнала фашистов от Москвы и на других участках. «Это мой Моисейка, — думала радостно Бася,— он же орденоносец, герой!» и она представляла себе, как ее сын с обнаженной шашкой в руке, обязательно с шашкой, с возгласом: «За родину, за Сталина!» идет на врага, а за ним лавиной бросается в атаку не взвод, не рота, не полк, а целая армия — и смятенный враг бежит...

Все было бы хорошо, если бы не подводила норма. Норму Бася выполнить до сих пор не могла.

Внимательно и терпеливо учил Басю инструктор, помогали подруги, но все-таки Бася не могла достигнуть желаемых результатов. Кроме того, она давно забыла эту работу, да и станки тут были совсем другие. Там, в Белостоке делали тонкие товары: бостон, шевиот, а тут — грубошерстное сукно. Причем руки ее на колхозной работе так огрубели, что она никак не могла сменить початок в челноке. Она волновалась.

Шли недели. Бася уже с грехом пополам самостоятельно работала, но попрежнему недовыполняла норму.

Война с фашистами все больше разгоралась. Не только бойцы на фронте проявляли поразительную храбрость и героизм, но и трудящиеся во всей стране и здесь, в глубоком тылу, проникнутые высоким чувством патриотизма, показывали чудеса производственной доблести. Все для фронта, все для победы! И тут, на текстильной фабрике по требованию рабочих работали воскресные дни, брали обязательства и на много процентов перевыполняли норму. Бася же, несмотря на то, что уже считалась самостоятельной ткачихой, и несмотря на большое напряжение, все же норму перевыполнить никак не могла. Она даже частенько уходила с небольшим «хвостиком»: девяносто семь — девяносто восемь, это все, что она могла дать.

Никита Ефремович часто подходил к ее листку-диаграмме, подвешенному к станку, шевелил коричневатыми с проседью усами и ничего не говорил. Но Бася прекрасно помнила при приеме его слова: «Раз сын герой — мать обязательно будет стахановкой». Она очень тяжело переживала это отставание. Она часто ночами не спала, мучительно думала: «В чем же тут загвоздка? Я, кажется, так же быстро двигаю руками, как мои соседки Голубкова и Хвостикова, и у меня обрывности мало, как и у них; почему же у них сто пятнадцать — сто двадцать, а у меня девяносто восемь? В чем дело?» еще и еще раз спрашивала себя Бася. Присматриваясь к действиям подруг, припоминая со всеми подробностями приемы работы, ища причину своего отставания, Бася пришла к выводу, что все дело в движении. «Если я работала бы на одном станке, я бы не отставала даже от самых быстрых». Она теперь ясно сознавала, что замедление у нее получается именно при переходе от одного станка к другому. Она не усвоила ритм движения.

Приглядевшись к работе своей соседки Насти Голубковой, Бася

окончательно убедилась в правоте своего вывода. Та как-то одним полуоборотом переходит от одного станка к другому, в то время как она, Бася делает при этом чуть ли не два шага.

7

В одну из ночей молодая ткачиха Нюся Воронцова, только что вернувшаяся с вечера и не успевшая заснуть, увидела поразившую ее картину.

Бася, пожилая еврейка Бася, вздумала танцовать! Да, именно Бася, будучи уверена, что все в общежитии спят, накинула одеяло на голые плечи и начала босыми ногами бесшумно двигаться меж койками, проделывая какие-то замысловатые па. Ночь была лунная. Голубоватый полусвет заливал комнату, и в этом поэтическом свете Бася в белой рубахе с небрежно накинутым на плечи зеленым одеялом выглядела каким-то привидением.

«В своем ли она уме?» подумала озадаченная Нюся.

Утром девушки шушукались и, украдкой поглядывая на Басю, улыбались. Бася, не подозревая, что это на ее счет, добродушно думала: «Молодость. Я в их годы тоже была такая».

На следующую ночь она повторила это упражнение, и так продолжала всю неделю, пока работала в дневной смене. Девушки — теперь уж не одна — с любопытством и даже со страхом наблюдали за ней из-под своих одеял. Они еле удерживались, чтобы не прыснуть. Не хотелось им конфузить эту всеми уважаемую женщину. Раз утром Нюся не выдержала и спросила Воловер:

— Что это вы, тетя Бася, ночью танцуете?

Бася страшно смутилась, покраснела, как кумач, и невнятно ответила:

— Это тебе показалось...

Девушка прикусила язык.

Ночные упражнения принесли свою пользу. Бася с радостью заметила — ее движения стали экономнее, пластичнее, и это высвобождало ей время. Днем Бася жадно приглядывалась, как помощник мастера Нестеренко устраняет всякие мелкие неполадки, и, с успехом подражая Насте в движениях, она теперь, как и та, не бегала за помощником мастера при малейшей неисправности машины, а сама наскоро исправляла. Красная змейка диаграммы на ее листке начала ползти вверх. И когда она доползла до ста пяти процентов, радости Баси не было предела.

Ко дню Красной Армии Бася заключила соцдоговор с Катей Хвостиковой. Она осторожно взяла обязательство — сто десять процентов. Та взяла сто двадцать.

Первым соревнованием Баси заинтересовался весь цех. К ее листку подходили ткачихи даже с другого конца зала.

— Ты, Баська, идешь в гору,— говорили ей доброжелательно. В ответ на это Бася счастливо улыбалась.

О ее соревновании написали и в цеховой стенгазете «Челнок».

Бася в эти дни, не измеряя сработанное суровье и не заглядывая в свой листок, с напряжением работала, желая сама себе сделать сюрприз. Она заглянула в листок Хвостиковой и увидела, что у нее образовалась башенка, достигшая цифры 123. Бася вспыхнула. «Я должна ее догнать!»

И взялась с новой силой.

В последний день, когда подводились итоги соревнования, Бася сделала сто двадцать четыре и две десятых процента.

В стенгазете была напечатана передовая под заголовком «Гвардейцы тыла». Там среди имен лучших ударниц было и имя Баси. Для Баси это было лучшее вознаграждение за все ее старания. В статье не хлопали по плечу и не пели дифирамбы. Там сурово говорили, что нужно еще и еще увеличивать норму выработки. Необходимо дать фронту еще больше продукции, еще лучшего качества.

Басе нравился этот тон газеты. «Наверно так говорит Моисейка своим бойцам». Она взялась с новой силой. Но практическим своим умом она понимала — сколько бы ни напрягалась, только силами своими много больше дать не сумеет. Она и до сих пор не жалела сил. «Где найти эти «скрытые резервы», о которых говорил директор на производственном совещании? Я же не инженер и не техник!»

Тут ей и пришла в голову новая мысль...

Никита Ефремович сидел над сводкой ночной смены, насупив мохнатые брови и шевеля коричневатыми с проседью усами. Он сводкой был недоволен. Многие ткачихи перевыполняют норму, некоторые на двадцать с лишним процентов, а все же на круг не выходит больше ста шести процентов. А по социалистическому договору с прядильным цехом ткацкий должен дать сто восемь. «Тощие коровы пожирают тучных», вспомнил он сон фараона из библии, которую учил в детстве.

Увидев трех ткачих — Настю, Басю и Катю, несмело вошедших в конторку, он поднял на них свои мохнатые брови.

— Что, не поладили?— спросил он, приготовившись к обычным в таких случаях жалобам друг на друга и даже слезам.

— Нет, товарищ начальник, наоборот, мы поладили, — ответила Бася и зарделась.

— Так в чем же дело? — спросил с ноткой раздражения Цветков. Он не любил, когда его отрывали от анализа сводок.

— Мы не хотим, чтобы на наших налаженных машинах ставили лодырей, по вине которых все это пойдет насмарку, — заявила бойко Настя.

— А именно?— хмуро спросил Никита Ефремович.

— Злейшие враги ткачей — разладка и обрывность, — волнуясь заговорила тогда Бася. — Разладка и обрывность идут рядом — разладка рождает обрывность. Хорошо, я приучила свои машины быть покорными и послушными. Но стоит мне кончить смену, к моим

станкам становится Баранкова, — опять начинается разладка, станки уже не те, и потом начинай их опять муштровать... Выработка идет очень неравномерно. Вот где пропадает ценное время

— Будем чередоваться на своих станках и, конечно, дадим друг другу обязательство держать станки в исправности, — добавила Катя.

— Мы сделаем пробу. Если будет удачно, пусть установят такой порядок во всем цехе. При такой работе плохие работники не будут мешать хорошим, — поддержала Настя.

— Так что же, вы хотите, чтобы я из-за вас троих целую перетурбацию затеял, — сказал Никита Ефремович. — Вы же знаете, как ткачихи не любят переходить с одного станка на другой. Поднимут гвалт.

— Не для нас это, а для производства, товарищ начальник,— начала, волнуясь, Бася.

— Ладно, — перебил ее Никита Ефремович, — мы сделаем пробу. — Он потеребил усы. — Если не дадите сто двадцать пять вкруглую за целый месяц... — Он не закончил фразу. Послышался стук пущенных машин, и женщины побежали.

...Начался первый месяц «строенной езды», как в цехе окрестили этот новый метод. Станки № 2 и 4 теперь полностью принадлежали этим трем лучшим ткачихам, и сразу стало заметно — станки приобрели хозяина, и хозяина надежного. Машины выделялись среди других своей безукоризненной чистотой, вокруг них ни рвани, ни соринки. Как-то равномернее, ритмичнее стал их стук, и прерывался он гораздо реже, чем у других. Казалось, даже «чертик», как Бася называла челнок, у них прыгает как-то веселее Три змейки — красная, коричневая и зеленая на листке этой тройки равномерно поползли вверх без резких извилин и горбов.

Месяц кончился триумфом: Голубкова, Воловер и Хвостикова дали по сто двадцать семь процентов. У Насти и Баси были еще десятые процента: у первой — три, у второй — две. Глядя на них, и другие ударницы начали объединяться в тройки. Это не обошлось без ссор и слез. Некоторые ткачихи ни за что не хотели уступать свои места. Но Никита Ефремович тут был неумолим. Раз вопрос идет о добавочных процентах — какой тут может быть разговор!

— Разве станет возражать боец, если командир его переведет из одного дзота в другой,— говорил, как всегда резонируя, Никита Ефремович сопротивляющимся.— Там тоже человек привыкает к месту. Я участник войны четырнадцатого года и знаю, как люди обживали даже сырые окопы...

Эта так называемая «строенная езда» дала хорошие результаты Выработка цеха заметно поднялась. Цветков ходил довольный по цеху, останавливался у листочков, шевелил усами и говорил:

— Шагаем в гору. Но мало... Фронт требует больше.

— Ненасытный! — шептали работницы друг другу и добродушно смеялись.

В первомайском соревновании уже участвовало много таких

троек, и все они дали хорошие результаты. Но впереди всех шла первая тройка — она дала сто двадцать восемь с десятыми процента.

Бася была счастлива. Наконец, она и здесь добилась первенства!

9

В обширном директорском кабинете Володарки шло открытое партийное собрание. Доклад на этот раз делал главный инженер Цухов. Он стоял у длинного, покрытого зеленым сукном стола, сравнительно еще молодой, тонкий, прямой, немного смущенный. Он часто выступал на производственных совещаниях, на собраниях ИТР, но на партийном собрании, хотя и открытом, он, беспартийный, сегодня делал доклад впервые.

Он много и со знанием дела сказал о работе машин. В таком же духе, главным образом о машинах, говорили директор и начальник апретурного цеха Балабанов — глубокий старик, с белой бородой. Но другой оборот приняло собрание, когда заговорили работницы.

— Я не совсем согласна с товарищами,— начала старая ткачиха Осипова, подергивая концы желтого в цветочках платка на голове.— Они говорят все о машинах, а нас оставляют в стороне. Я была первой ткачихой еще при хозяине и теперь не уступлю молодым... А когда нужно для окончательной победы, кто же станет себя жалеть? Не жалеют же свои силы и кровь свою мой Ленька, мой Павлик и все другие на фронте. Я своим прямо сказала, когда уходили: «Без отличия не возвращайтесь!» И я знаю — они бьют фашиста в хвост и в гриву... Они там не считают своего времени, и мы здесь считать не будем. Шинель для победы нужна, как и пушка, как и самолет.

После Осиповой взяла слово Бася.

— Товарищи! — начала она,— мои дети... — спазмы сдавили ей горло, и она больше ничего не смогла сказать. Она стояла и беспомощно махала руками. А хотела Бася сказать очень многое. Она хотела сказать, что дала советская власть евреям, о своих сыновьях на фронте, о Моисее-орденоносце, о муже и Лазаре, находящихся, как она теперь догадывается, с партизанами. Но какой-то комок стал поперек ее горла и не давал говорить.

Директор подал Басе стакан воды и сказал:

— Успокойтесь, товарищ Воловер. Мы все знаем, что вы хотели сказать. Вы свою любовь и преданность родине показываете на работе...

Назавтра, пока руководители подписывали соцдоговор с фабрикой «Лента», на Володарке уже кипела новая волна соревнования. Заключали договоры цех с цехом, бригада с бригадой. Заключали и индивидуальные договоры.

Настя Голубкова, Бася и Катя Хвостикова заключили «тройственный» договор на соревнование. Обязательство — сто тридцать процентов. Больше этого никто не посмел взять.

Соревнование тройки на этот раз шло туго. Все, что было воз-

можно взять от станков и от себя самих, уже взято. Продвигались вверх очень медленно, десятыми процента, но все же двигались. Главное было то, что в цехе никто выше их не шел.

Катя Хвостикова, дойдя до ста тридцати и пяти десятых, остановилась. А Бася и Настя вошли в азарт. Когда Голубкова увидела у Баси цифру сто тридцать, она провела тылом ладони по губам, улыбнулась и взялась с новой энергией. Это было в ночной смене. Утром приняла Бася и пожала плечами — зеленая змейка Насти на листке доползла до ста тридцати и семи десятых.

— Не уступлю, — сказала Бася решительно.

Она работала сосредоточенно, за всю смену ни с кем почти слова не выговорила. Когда кончила смену, оказалось, — она сделала сто тридцать один. Старый мастер Парфеныч аж чмокнул губами от удовольствия. Такую цифру цех не знал.

— Что ж это, заставляете меня лишнее работать,— сказала добродушно цеховая конторщица, снимая листок «тройки».— Придется подклеить листок. Ведь выше ста тридцати не предусмотрено.

— Ничего, поработаешь на благо родины еще пять минут! — сказала, довольно улыбаясь, Бася. — Нам это дело стоит больших трудов.

Назавтра Бася с радостью увидела их листок увеличенным до ста пятидесяти. Он выделялся своей непривычной формой среди остальных. На него все обращали внимание. Даже уборщицы останавливались. А зеленая змейка Насти за ночь доползла до ста тридцати одного и шести десятых.

— Вот чертовка,— сказала Бася.— Ни за что не уступлю,— и к концу смены догнала соревнующуюся.

На следующее утро зеленая змейка Насти была опять на три десятых выше.

— Что ж это, ты хочешь меня подмять,— сказала Бася девушке, увидев ее во время обеда в столовой.— Знай, я упрямая. Не сдамся! — Она сделала сердитое лицо, но тут же рассмеялась, собрав у глаз лучеобразные складочки. — Я, конечно, за это хвалю. Побольше бы таких девушек! Но я все равно не сдамся.

— Опережу тебя, Баська, как дважды два, — бросила Настя и побежала домой спать.

Последняя неделя второго квартала прошла на фабрике в большом напряжении. Казалось, весь коллектив засучил рукава и пошел в поход на метры...

Вечером 23 июня радио оповестило всю область о том, что текстильная фабрика имени Володарского закончила производственную программу и дала стране сверх плана сорок тысяч метров тяжелой ткани. Стригальная бригада Хоропевой дала рекордную выработку — сто девяносто процентов. Прядильная бригада Крюковой дала сто двадцать восемь, ткацкая бригада комсомолки Карасевой — сто тридцать один, а Бася Воловер и Настя Голубкова дали: первая — сто

тридцать восемь и две десятых, вторая — сто тридцать восемь и три десятых процента — неслыханная у ткачей выработка. К финишу обе пришли почти одновременно.

10

Из пригородного хозяйства привезли массу цветов и зелени. Секретарь дирекции Анна Егоровна и машинистка Горбова в субботу целый день плели гирлянды. Табельщица Сомова с жадными искорками в глазах рассказывала, что в клуб привезли много отрезов прекрасной дамской материи.

На воскресенье, 26 июня, был на фабрике назначен вечер в честь досрочного выполнения плана второго квартала. Это было первое выходное воскресенье за последние три месяца.

В воскресный вечер разукрашенный зеленью и знаменами клуб наполнился людьми. Кроме рабочих и техперсонала фабрики была и делегация от «Ленты», а на сцене у стола президиума сидели первый секретарь райкома, заместитель председателя горисполкома и еще один незнакомый человек в полувоенном.

Секретарь парторганизации Цветков, как всегда без лишних слов, открыл собрание и предоставил слово директору.

Василий Васильевич начал с того, что отечественная война заставила фабрику на ходу перестроиться на военный лад: пришлось изменить ассортимент, резко увеличить количество продукции при мобилизации на фронт лучших кадровых рабочих. Их пришлось заменить молодыми, не имевшими еще представления о производстве, девушками и домашними хозяйками, «это те, которые сидят здесь на скамьях,— показал директор широким жестом,— и являются виновниками сегодняшнего нашего торжества».

Дружные аплодисменты заглушили последние слова директора.

— Несмотря на все невзгоды, мы план 1941 года выполнили на сто четыре процента. Это тогда считалось хорошо. Теперь мы полугодовой выполнили на сто двенадцать процентов, и мы недовольны. Надо еще больше. Страна и фронт требуют от нас...

После директора не спеша поднялся незнакомый в полувоенной форме.

— От имени Наркомтекстиля и ВЦСПС, — начал он с расстановкой,— благодарю коллектив фабрики за самоотверженный труд, достойный лучших патриотов родины.

Он подошел к углу сцены, взял стоящий там до сих пор незамеченным стяг, рывком снял с верхушки его белый чехол — и перед поднявшейся и стоявшей как завороженной массой развернулось пурпурное, шитое золотом знамя.

— Вручая вам это переходящее знамя за ваши славные дела, Наркомтекстиль и ВЦСПС ждут от вас...

Гром аплодисментов и мощный крик «ура» заглушили его последние слова.

Директор фабрики Василий Васильевич Полевой, бывший по-

граничник, встал во весь свой внушительный рост «смирно», взял из рук представителя наркомата знамя, стал, как это делают гвардейцы, на одно колено, поцеловал угол знамени и дрожащим голосом сказал:

— От имени всего коллектива клянусь, что мы не пожалеем своих сил и умения, чтобы оправдать ту великую честь, которую нам оказало наше правительство. Будем держать крепко это знамя в своих руках, а если понадобится — мы с этим же знаменем пойдем бить фашистских мерзавцев!

Глубокая, торжественная тишина зала взорвалась громовым «ура».

— Да здравствует наш родной отец товарищ Сталин!— крикнула Настя Голубкова. Весь зал подхватил этот возглас, и казалось — потолок не выдержит могучего напора голосов.

«Вставай, проклятьем заклейменный!» начал старый белобородый Балабанов. Сотни голосов мощно подхватили советский гимн.

Весь зал, стоя, с воодушевлением пел «Интернационал». Бася пела со всеми вместе, и казалось ей — все это происходит не наяву, а во сне. И еще ей казалось — возле этого пурпурного знамени незримо стоит «на караул» с обнаженной шашкой ее Моисей.

Церемония передачи знамени кончилась. У председательского стола опять стоит Василий Васильевич.

— Мы получили эту высокую награду,— показал он на развернутое красное знамя,— благодаря самоотверженному труду наших рабочих и техперсонала. Лучших из них мы сегодня будем премировать.— Он подошел к другому углу сцены и снял с довольно высокой горки, также оставшейся до сих пор незамеченной, серую парусину. Перед присутствующими заманчиво мелькнули отрезы разноцветной материи.

— Первую премию по отрезу драпа на пальто получает стригальная бригада Хорошевой — она сама, Паша Петухова и Нина Самохина. Они выполнили норму на сто девяносто процентов.

Под несмолкаемые аплодисменты подошли три, уже немолодые, работницы и получили свои подарки. Хорошева пожала директору руку.

— Вторыми идут ткачихи Настя Голубкова и Бася Воловер, они выполнили норму на сто тридцать восемь с лишним процентов.

Все обернулись в сторону Баси, точно впервые увидели ее. В руках директора мелькнуло что-то цветное.

Бася, подталкиваемая Настей, как в тумане, подошла к директору, взяла из его рук добротную цветную материю. Что-то сдавило ей горло, и она ничего не могла сказать. Она почувствовала, что вот-вот с ней случится нечто невообразимое, и быстро выбежала.

Только на улице она пришла в себя. Она любовно пощупала материю. Да! Это был такой же бостон, как тот, который она вырабатывала в молодые годы в Белостоке. О таком именно бостоне она мечтала тогда, сидя возле актрисы на концерте, когда их колхоз еще не был растоптан и разграблен фашистами.

— Мы отомстим! — крикнула Бася во весь голос.

* * *

В этот же вечер Бася получила письмо от Моисея.

В письме была приписка на блокнотном листке от комиссара полка:

«Вы, мать Моисея Воловер, можете гордиться своим сыном. Счастливы те матери, которые дали советской стране таких сыновей. Беззаветные подвиги старшего лейтенанта Моисея Воловер будут бессмертны, как его вдохновенные песни, которые поет весь наш полк. Он, ваш сын, владеет одинаково хорошо — и пером, и штыком».

Крупные слезы материнского счастья текли из глаз Баси, падали на исписанные химическим карандашом листки, образуя на них лиловые пятна.

— Это Моисейка — он отомстит... — прошептала Бася.

— * —

НАШИМ ГОРОДАМ

Милая чудесная столица,
От зари и до последних дней
Довелось с тобою подружиться
Юности немеркнущей моей.

Ширь асфальта, перезвон трамвая,
Огоньки родной Москвы-реки...
Как сегодня вас припоминаю,
Шумные веселые деньки.

Милая чудесная столица,
Научила ты сынов своих
Быть всегда на высоте событий,
Чувствовать кипение в крови,

Ни в каких сраженьях не теряться,
Все уметь, все быстро понимать!
Если падать — сразу подниматься,
Никогда нигде не унывать.

Так вот мы и встретились с войною...
Этого в словах не рассказать, —
Довелось осеннею порою
Нам с заводом дальний путь держать.

Вот они, сибирские просторы!
Крут мороз и неприступен снег.
Что ж, судьбе мне посылать укоры?
Или я не русский человек?

Нет, упрекам места не найдется.
Сердцем крепко дан себе зарок.
Все победней дым завода вьется,
Все быстрей работает станок.

Люди здесь суровы и могучи.
Сила им несметная дана
Делать все одно другого лучше,
Если пить, — то сразу и до дна.

И неважно, что порой от пыли
Поседеет сразу голова,
Или что хозяйка по квартире
Скажет вдруг обидные слова.

Все равно в них крепкой нет досады, —
Как ты там меня не окрести,
Знаю я, что нам с тобою рядом
Общею дорогою итти!

На один завод с одною песней!
Мы, товарищи! В одном строю!
Город твой и город мой чудесный
Отстоим в решающем бою!

А когда вернемся после смены,
Ты, забыв недавний свой запал,
Сваришь мне сибирские пельмени,
Я таких и сроду не едал.

И вполне сказать могли так все бы,
У кого в душе московский пыл:
«Я хорошим москвичом бы не был,
Если б сердцем Омск не полюбил!»

ВАЛЯ

РАССКАЗ

1

Муж Вали стоял около Белостока, на границе, и осенью кончался срок его службы.

К августу Валя ждала Сергея домой. Начиная с зимы, она считала, сколько дней оставалось до августа. Последний год разлуки казался ей особенно тяжелым. Сядет в хате — не хочется сидеть, выйдет, постоит у ворот — не хочется стоять. Ей как будто надоел и дом ее, и село, и обычные домашние занятия.

Зимой, по воскресеньям, она за двадцать километров ходила пешком на базар в Черлак с кринкой молока и десятком яиц, а с базара несла ребятишкам раскрашенных рыбок, каких можно было купить и в деревенской лавке.

Придя с базара, приготовив обед, напоив корову, вычистив хлев, Валя стояла у ворот, как бы раздумывая — куда ей еще пойти.

Женщины, проходя мимо, говорили:

— Валя, здравствуй!

Не поворачивая головы, она отвечала:

— Здравствуй!

— Как живешь, Валя?

Она отвечала:

— Ничего...

В дни посевной ее послали в тракторную бригаду, — она подвозила хлеб для трактористов и воду для машин, катала бочки с горючим, помогала заправлять тракторы, но делала все это молча и как-будто равнодушно. Вытрет тряпкой руки, запачканные лигроином и маслом, отойдет в сторону и глядит вдаль, как бы прислушиваясь к ветру и треску машин.

— Валя! — окликнут ее, и она не слышит.

— Валя! — позовут ее громче. Она повернется и, не говоря ни слова, идет к тракторам.

Когда она была вместе со своими ребятишками, не сразу можно было определить, ее ли это дети или не ее. Соседки говорили, что она

равнодушна к своим детям, но это было неправдой. Иной раз за один вечер она стирала все белье, купала ребят, готовила детям ужин, какого хватило бы на семерых...

К лету Валя сама переложила печку в передней комнате, перестлала крышу, подняла выше потолок хаты, побелила снаружи и изнутри. Она не умела ласкать детей, только иногда говорила им: «Скоро отец приедет». Она ждала его к августу, а в июле ей сказали, что его убили немцы...

Односельчанка Нюра Закутай получила письмо от мужа из госпиталя. «Сообщите Вале, — писал Миша Закутай, — что Сергей ее убит на моих глазах. Мы шли на помощь к их отряду и видели, как их окружали танки. Они бросали гранаты и не двигались с места, хотя танки были совсем близко. И когда девять танков подошли к ним, их оставалось только несколько человек в живых. В одном немецком танке открылся люк и оттуда закричали: «Рус, сдавайся!» Тогда поднялся с земли Сергей Пиличенко, он уже был израненный и не мог стоять на ногах. Он встал на колени, поднял винтовку и выстрелил в фашистских гадов в упор. Танк шел вперед, и что было дальше — я плохо видел, но считаю, что Сергея раздавило насмерть и он погиб героем...»

Прочитав это письмо, Валя не заплакала. Она побледнела, села на скамейку, словно ноги ее уже не держали, и тихо сказала: «Овдотели...»

Председатель правления колхоза Мирошниченко, услышав о ее потере, пришел к Вале домой спросить, не нуждается ли она и дети в чем-нибудь, если нужно, колхоз им поможет.

Она ответила почти грубо: «Чего мне надо, вы мне не верните!» и тут только две слезы скатились по ее округлым щекам. Устыдившись своих слез, рассердившись на себя, она повернулась спиной к Мирошниченко и стала накладывать кизяки в печь. Председатель понял, что надо уходить.

Узнав об этом разговоре, женщины в селе не одобрили Валю. Даже те, кто хотел Валю оправдать, говорили:

— В самом деле, чего ей надо? Пшеница с тридцать восьмого года лежит, картошки полон погреб, корова есть, телка есть, кабанчик растет... Костюмов суконных, блузок полон сундук. Только, правда, гордиться этим нехорошо.

Ее считали «бесчувственной», а она завидовала тем, кто мог плакать, голосить, жаловаться на свое горе. Если бы она умела выплакать или рассказать свою тоску, ей стало бы легче. Но горе стояло перед ней бесконечной стеной, слепило ее, не давало ей вздохнуть. Горе будило ее по ночам, и, проснувшись за несколько часов до рассвета, при свете звезд, она шла за водой, зажигала лампу в хате, топила печь, чтобы чем-нибудь отвлечь и занять себя. Ей тяжело было и на людях, тяжело было глядеть на ребятишек и тяжело было одной в хате.

Она старалась поменьше думать о Сергее. «Что теперь думать — ведь не вернешь!» — убеждала она себя. Слишком тягостно и мы к

чему, нехорошо как-то казалось ей вспоминать о его ласках. Ведь он уже мертв!.. Но помимо ее воли воспоминания вставали с такой силой, словно река, ломающая тяжелый лед.

Давно-давно был один вечер, на который она даже не обратила внимания тогда. К Сергею пришли товарищи — Егор Савенко, Петя Цуркан, Тарас Онищенко — молодые рослые ребята, ушедшие теперь на фронт. И ничего они не говорили особенного тогда, сидели в сумерках, не зажигая лампы, в горнице, курили, смеялись. Тарас перебирал лады баяна, Сережа наигрывал на гитаре.

Валя даже досадовала на них тогда, что они пришли в неурочный час и засиделись. Сердито она месила тесто назавтра, не вслушиваясь в разговор за дверью. Но взрывы хохота и голоса, гудевшие, как шмели, запах крепкого табака, кожи, овчинных полушубков и опять хохот, сотрясавший окна в хате, — все было теперь для нее в воспоминании как бы самым важным в ее минувшем счастье.

Молодые, здоровые, веселые, с лицами, с которых и зимой не сошел загар, с глазами, в которых было столько жизни, что они отводили взгляд от нее, чтобы ее и Сергея не обидеть. Казалось, что угодно они могли сделать вчетвером: гарбу соломы унести на себе, автомашину на полном ходу остановить. Рядом с ними Валя чувствовала себя маленькой и легкой. И сердясь на них, она в то же время испытывала гордость, что они собирались здесь и что Сергей первый среди них.

Это было так, пустяковое воспоминание, один только вечер... Все мысли о Сергее с суровостью, с жестокостью к самой себе Валя отгоняла от себя, и только вот это маленькое воспоминание с назойливой силой, как пчела, вилось около нее, и она ничего не могла с ним поделать. Остановившимся взглядом она смотрела на баян, на гитару с лентой, висевшую на стене. Как она завидовала в эти минуты женщинам, которые умели рассказать или выплакать свое горе!

2

Председатель Мирошниченко шел к людям, обдумывая как он произнесет речь.

Около лошадей, запряженных в брички, около бочек с горючим, на копнах соломы, сброшенной комбайнами, сидели возчики, грузчики, бригадиры полевой и тракторной бригад. В сторонке молча стояла Валя.

— Здравствуйте, товарищи, — сказал Мирошниченко и, увидев Валю, отдельно обратился к ней: — Валя, здравствуй! — Он чуть было не спросил ее по привычке: «как дела, Валя?» но во-время удержался.

Она сильно похудела за лето, загар лег пятнами на ее заострившееся лицо; выцветшая на солнце блузка сидела на ней чересчур просторно. Глубоко занавшие, резко обозначившиеся глаза ее не

сразу поднимались на людей. Взгляд был пристальным, и тем, на кого обращались глаза Вали, иногда становилось неловко. «Я знаю, вы ничем не можете мне помочь, но ведь я ничего и не прошу», как бы говорил ее взгляд.

Мирошниченко подошел к копне соломы, порылся в ней, осмотрел отдельные пустые колосья. Он нашел зерно, положил его на ладонь. Налитое, округлое зерно пшеницы, резко раздвоенное посредине, было похоже на коротенький, пузатый бочонок. Разгрызая зерно, Мирошниченко сказал:

— Вот так мы когда-то в германском плену шарили около кухонь в лагере. Найдешь листок ботвы и то обрадуешься!..

Мирошниченко сел на солому, снял фуражку, вытер лоб платком.

— До того наголодались в плену, что только еду и видели во сне,— сказал Мирошниченко.— Утром гонят нас на работу, смотришь — подводы едут мимо и мечтаешь — хоть бы одна картошка упала с воза!.. На работу едва идем. А ведь надо было не только дойти, еще и мантулить с лопатой шестнадцать часов в сутки. Выбьешься из сил, сядешь с лопатой, конвоир кричит: «Вставай!» Пробуешь встать — ноги не держат. Садишься опять, конвоир щелкает затвором: «Вставай!» Иной раз видишь, кто-нибудь из ребят облокотится на лопату — и готов! Тихо, без звука упадет, съедет на землю. Конвоир потрогает за руку, пощупает лоб и кричит нам: «Убрать!» Вот что переживали! — сказал Мирошниченко. — Я когда домой вернулся, несколько месяцев не мог наесться. Только поешь — через час опять хочется. И потом года два все по ночам плен снился. И теперь, бывает, снится. Наверное, и умру — не забуду, как побывал у немцев в гостях...

Мирошниченко помолчал.

— Дело в том, товарищи, — продолжал он, — надо возить зерно государству. Зерно для Красной Армии! Чтоб нам всем в немецкую кабалу не попасть. Понятно? Будем возить! Однако нам нехватает бричек и возчиков. Придется поступить так: когда комбайны стоят, тем же людям на тех же подводах ночью вывозить хлеб государству, только лошадей перепрягать. Создадим добавочную бригаду возчиков. Конечно, станем колхозом назначать на эту работу, но, может быть, кто-нибудь сам пожелает пойти на нее?

На секунду наступило молчание в степи, только все дальше и дальше слышался треск трех моторов. Покусывая стебельки соломы, люди обдумывали дело.

— Я пойду, — сказала Валя.

3

Утром Тамара Омельянович, проснувшись раньше всех в хате, услышала: ветер воет так же, как с вечера, пожалуй, еще сердитее — рывками кидается на стены. Гул стоял в трубе, словно во время воздушной бомбардировки. Накинув на голову и плечи платок,

мара вышла в сени, и шум бурана усилился. Тамара открыла наружную дверь, и мокрый снег полетел ей в лицо. Огромный сугроб намело за ночь перед дверью.

Было еще совсем темно. Тамара вернулась в хату, надела полушубок, завязала платком лоб, щеки, подбородок и побежала к Вале.

Едва вышла Тамара из дома, ветер ударил в нее так, что она пошатнулась. Снег летел почти горизонтально, залепляя лицо, застывал на лице ледяной маской, проникал под полушубок. Буран толкал Тамару, будто кто-то упирался в нее ладонями.

Высокие гребни снега, каких и в помине не было вечером, легли теперь поперек улицы. В темноте Тамара взбиралась на них, проваливалась по колено, а ветер сталкивал ее обратно. Вот, наконец, и дом Вали, его едва можно было различить; Тамара скорее угадала, чем увидела его.

Валя, одетая, топила печку соломой. Гудело и металось в печи пламя, временами с дымом вымахивая из топки. Лицо вошедшей Тамары было мокро от растаявшего снега, будто она только что умылась и еще не вытерлась полотенцем.

— Сейчас пойдем запрягать, вот только солома в печке прогорит, — сказала Валя, перестав подкидывать в печь и сгребая ногой солому в угол хаты. Сняв с плиты горшок, Валя поставила его на стол, подняла крышку, попробовала кашу и снова прикрыла горшок.

— Дети спят?— спросила Тамара.

— Спят, — ответила Валя. — Под ветер хорошо спится.

Тамара колебалась — спросить или не спросить? Когда она бежала сюда, вопрос казался таким простым, естественным, а теперь слова не шли с языка. Может быть, Валя не была сегодня на улице, не знает, что там творится.

Тамара решилась.

— Валя, а можно сегодня выезжать?— спросила она.

— Почему же нельзя? Ветер сбоку, а на Иртыше подует и все сзади — подгонять будет. А к вечеру, как назад поедем, буран стихнет. Такой буран — сутки, больше не держится.

— Не собьемся с дороги? — колебалась Тамара.

— Куда ж тут собьешься? — удивилась Валя. — Снегу еще мало, все поля видны. Ты только оденься теплее, — сказала Валя, глядя на короткие фабричные валенки Тамары. — Смотри, коленки у тебя опять голые!

Пройдя в горницу потихоньку, чтобы не разбудить детей, Валя щелкнула замком сундука, вынула ватные, заплатанные на коленях, мужские брюки, сняла с печки огромные деревенские пимы с козырьками и передала все это Тамаре, сказав: «надевай!»

Через час стало светать, и обоз из шести саней, груженных мешками с зерном, вышел из села. В голове обоза ехала Валя. Лошадь Тамары шла за санями Вали. Разговаривать было невозможно, но ветер казался тише, ровнее за селом, хотя все было затянуто белой мутью. Лишь едва-едва видна была дорога и занесенные снегом кусты бурьяна. Полулежа на мешках, спиной к ветру, вобрав голову

в плечи, прикрыв лицо воротником полушубка, Тамара частенько по глядывала вперед — не отстать бы от Вали.

Странная дружба связывала их — дружба, начавшаяся с не приязни. Правда, Тамара с первого дня подошла к Вале без задне мысли. Доверчиво рассказывала она Вале, как училась в школе, ка бомбили фашисты с самолетов Смоленск, как вспыхнул от зажигатель ных бомб их деревянный дом, и Тамара выскочила в одну дверь, а ма ма в другую, как разминулись и потерялись они с мамой и встрети лись только через полтора месяца в Омске. Словоохотливо рассказы вала Тамара о волейбольной команде в школе, об отце своем, — о был участником гражданской войны и умер осенью сорокового года Она рассказывала, как ненавидит гитлеровцев и как подавала заявле ние в народное ополчение, и досадно, что ее не приняли из-за возра ста, хотя ей уже семнадцать лет.

Чем больше рассказывала о себе Тамара, тем более замкнуто становилась Валя. Ее как будто и пугала и раздражала разговорчи вость Тамары.

Насупившись, Валя следила, как, затягивая хомут, Тамара н решалась или не умела упереться в хомут ногой. Первое время тяж на подводе Тамары были разной длины и лошадь шла косо, тянул одним боком. Даже чресседельника Тамара не умела закрепить ка следует, и он развязывался по дороге.

Однажды Валя не выдержала и спросила:

— Разве у вас не было лошадей там, в том месте, где т жила?

— Были, — ответила Тамара. — Только мне никогда не прихо дилось их запрягать.

— А кто у вас запрягал? — спросила Валя.

Тамара не нашлась, что ответить, пожала плечами и сказала:

— Никто. Мы не ездили на лошадях...

4

К вечеру буран утих. Сдали зерно, поехали обратно.

Тамаре очень хотелось, чтобы ее увидели на возу школьны подруги. Она опасалась, что, если она расскажет им об этом когда нибудь, ей не поверят. Она сама не поверила бы несколько месяце назад, что будет возить хлеб по сибирской степи в буран, когда ничег не видно.

— Валя, почему так, когда смотришь на метель из окна ил из двери, кажется невозможно нос высунуть, а поедешь — как буд и ветер тише и снегу не так много? — спросила Тамара, натягива брезент на голову и в уютной теплоте под брезентом чувствуя дыхани Вали.

— Всегда так. Глаза страшатся, а руки делают! — ответил Валя и откинула брезент. — Не надо. Душно, — сказала она.

Крупные, яркие звезды горели в очистившемся небе. Моро усиливался, воздух был прозрачный и крепкий.

— А у вас разве, в ваших местах не бывает зимы? — спросила Валя.

— Бывает, но у нас там тихо, много лесов. Выйдешь в лес — снег лежит на ветках, мягкий, как подушечки, заячьи следы кругом. Спокойно, хорошо... Иногда только осыплется с ветки, прошуршит снег и опять тихо.... Хотя теперь, конечно, все иначе, самая жаркая война там идет — танки, самолеты, партизаны... Там немцы теперь, в наших лесах...

— Попался бы мне этот Гитлер, я бы его голым раздела и вот тут в сугроб посадила. Сиди! — со злобой сказала Валя. — Подумать только, сколько зла натворил, сколько народа перегубил! И как его только земля носит, сволочь такую!

Такая страстная, звенящая, непривычная для Вали нота прозвучала вдруг в ее словах, что Тамара не нашла что ответить. Все, что она могла сказать, было бы слабее этих слов, вырвавшихся из самого сердца. Вспомнилось горе подруги, и из уважения к этому горю, к силе этой ненависти Тамара промолчала.

Вдруг пламя вспыхнуло на горизонте, зарево охватило небо, темные фигуры задвигались на фоне огня.

— Что это? Пожар? — с тревогой спросила Тамара.

— Комбайн разогревают. Молотят во «Власти труда», — спокойно ответила Валя.

Четкий, морозный месяц взошел, ясно обозначилась дорога, местами занесенная снегом. Лошадь бежала рысцой, от нее шел теплый запах конюшни. Звезды в небе побледнели слегка, но так же много их было и такими же близкими казались они здесь, у границы Казахстана.

— Какое красивое небо! Как на Кавказе!.. — мечтательно сказала Тамара.

— А это что за звезда? — спросила Валя, показывая кнутом ввысь.

— Это Сириус. Ты заметь, — сказала Тамара, — она все время меняет цвет — то красная, то зеленая...

— А ведь правда! Почему я раньше не замечала? Всегда она так? — удивилась Валя. — А вот скажи мне, — вдруг с силой спросила она: — когда человек умирает, неужели от него ничего не остается?

— Как же не остается, — спокойно сказала Тамара. — Комсомолец Сосновский... кто слышал о нем до войны? А теперь каждый знает, думает о нем, хотя он умер. Тело его умерло, когда он закрыл собой пулемет, а сам он второй раз родился в тот момент. Большим человеком родился для всех!

Валя молчала.

— Я тоже так думаю иногда, — тихо сказала она. — Не может же быть, что вот жил человек и вдруг как ножом отрезало — был и нет его. Должно же остаться что-нибудь!..

5

Бураны и метели чередовались в эти короткие, зимние дни. Хату Вали занесло почти до крыши.

И вот однажды, придя в хату Вали, Тамара не узнала своей подруги. В избе все сверкало. Светлые полосы через окно падали на горшок с китайской розой, на чистое покрывало, которым была покрыта постель, на свежевымазанный глиной пол. Валя громко говорила своей дочке:

— Будет скоро лето, дочечка, поедем с тобой на лошади, поедем в луга, в околок сходим, много ягод наберем... Привезем папе!

Обернувшись на стук двери, Валя глянула на вошедшую такими глазами, что Тамара подумала: «бредит!»

И скрытое ликование и какая-то крайняя возбужденность, лихорадочная гордость сквозили во взгляде Вали. Как будто какое-то крайнее и, может быть, отчаянное решение она приняла: уехать на край света, перевернуть всю свою жизнь. И первая приподнятость, и воодушевление, разтраженное нетерпение были в том взгляде.

— В чем дело, Валя?

Тогда резким движением взяв с подоконника письмо, Валя сказала:

— На, читай!

«Валя, я был ранен, очень волнуюсь за вас и за детей, давно не получая от вас известий. Здоровы ли вы и как обеспечили себя на зиму питанием, сколько пришлось у вас на трудодень? Работайте в колхозе дружно, честно, берегите колхозное добро, — от этого все теперь зависит и в тылу, и на фронте. Напишите поскорее все в подробностях о своей и колхозной жизни. Остаюсь с боевым красноармейским приветом твой Сергей».

Стиснув зубы, Валя слушала и хоть, может быть, в третий, а может быть, в десятый раз звучало в ее ушах это письмо — жар прихлынул к ее щекам.

— Ну, вот, видишь, Валя, я говорила! — воскликнула Тамара

Валя вдруг засмеялась.

— Ну, да, конечно, и ты говорила.

Валя заплакала.

— Хоть бы скорее... разбили... их всех... гадов, нечистую силу!— сказала она, всхлипывая и сквозь слезы пытаясь улыбнуться.

За окнами искрился снег, и после ночного бурана уже ни одного облака не оставалось на ясном, голубом небе.

— * —

Я ВИЖУ

Я в госпитале. Тишина немая.
Соседи спят. И я лежу, молчу.
Друзья, я жив! Блокнот я вынимаю.
Зачем? В стихах прославить жизнь хочу!

Друзья мои! Я вижу наяву
Колхозных пахарей Ростова и Рязани,
Сквозь тишину ночей заводов слышу гул
И вижу, чем народ мой занят.

Друзья мои! Сибирь передо мной,
Взрастившая меня страна урманов, пашен.
Она теперь не та... Нарушив сон, покой,
Встает, как богатырь, за честь и славу нашу.

Вот девушки, подростки, старики...
Свое отечество все охраняют свято.
По всей стране, куда ты взор не кинь,
С оружием в руках идут на фронт солдаты!

— * —

ЛИЗЕ ЧАЙКИНОЙ

Я бился за Донбасс!
И пережил я много!
Не раз в аду грохочущем лежал,
Прошел с боями тяжкую дорогу,
Но только раз от страха задрожал.
И не в бою, — в сожженной деревушке
Куда ступить кровавый враг посмел...
На свежесложенных горящих стружках
Труп мальчика замученного тлел.
Обугливалось маленькое тело,
Следы штыка на черной голове...
Я ужаснулся: нет, не может сделать
Такое настоящий человек!
Нет! Это сделал людоед кровавый —
Ребенка предал смертному огню...
И стало ясно: Лиза, не для славы
Погибла ты, отважная, в бою.
Быть может, Лиза, первой поняла ты,
Когда упала бомбами война,
Что враг неумолим, как зверь проклятый,
И только смерть его смирить должна.

ПОДАРКИ

Помню: после боя на привале
Девушки сожженного поселка
Молоком нас теплым угощали,
Яблоками, грушами, махоркой.
Угощали, руки пожимали
И желали нам победы скорой.
Мы шутили, девушки смеялись,
Но в улыбках грусть была и горе.

Не подарки нам они дарили, —
Девушки, познавшие мученья,
С грушами, с махоркой приносили
Ненависть к врагу
И жажду мщенья!

— * —

НАД БЕЗДНОЙ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА „ОТЕЧЕСТВО"

В глухую полночь тюремный коридор наполнился гулким топотом ног и стуком ружейных прикладов об пол. Заскрежетал дверной затвор в соседней камере. Потом взвизгнул затвор нашей камеры. Словно ветер пролетел над спящими нарами. Поднялись взъерошенные головы. Молодой маляр Иванов произнес:

— Идут...

Вслед за ним прошипел бородач токарь Семешкин, страдавший одышкой:

— Вставайте, товарищи! К нам пришли!

Несколько человек поднялось со своих подстилок и, свесив с нар ноги, сели. Поднялся и я. Дверь камеры распахнулась. К нам вошли усатый начальник тюрьмы в черной шинели и в форменной фуражке и высокий, бритый офицер в серой длинной шинели и темносерой мерлушковой папахе с черным орлом. На плечах у этого офицера блестели капитанские погоны с черными черепами и скрещенными костями — отличительными знаками анненковцев. Вслед за офицером в камеру ввалилась группа рядовых анненковцев в коротких шинельках и в больших мохнатых папахах. Рядовые вооружены были винтовками и шашками. Последними в камеру вошли два коридорных надзирателя. Камера сразу наполнилась шумом. От рядовых пахнуло спиртом.

Я взглянул на офицера и сердце мое екнуло — это был мой старый знакомый, капитан Чушников.

Окинув камеру своими выпуклыми, мутносерыми глазами, офицер подошел к столу, прибавил в лампочке огня и склонился к ней. Пробежав глазами какую-то бумажку, он спросил:

— Арестованный Патрашкин здесь?

— Есть Патрашкин, — негромко ответил Макар Савелыч, лениво приподнимаясь с подстилки.

— Как зовут? Величают? — спросил офицер.

— Макар Савелыч. — ответил Патрашкин, поглаживая пальцами свою белую козью бородку.

— Забирай свои вещи... выходи... в коридор, — сказал офицер скрипучим гусачьим голосом.

— Совсем? — спросил Макар Савелыч.

— Да, совсем.

— Та-ак, — протянул Макар Савелыч и не спеша почесал своими пальцами-коротышками за ухом, а затем еще раз погладил ими свою бороду. Так же, не спеша, он стал собирать с нар свои вещи.

Взволнованный приходом анненковцев, я следил глазами за офицером и за Патрашкиным. Макар Савелыч был, как будто, спокоен, только сухое и остроносое лицо его стало бледнее, а его короткие пальцы чуть-чуть тряслись и вздрагивали. Чушников еще раз заглянул в бумажку, перевел взгляд на меня и, делая вид, что он не узнает меня, повернулся ко мне спиной. Глядя в угол Ройтмана, он спросил:

— Арестованный Бараба здесь?

— Да, я здесь, — ответил я и вдруг почувствовал, что сердце мое перестало биться и весь я сразу похолодел.

«Ну, вот, пришел и мой конец! — подумал я. — Но неужели я струсил?»

В голове вспыхнули картины недавних боев под Ульяновкой, в которых я участвовал, и горячая кровь обожгла мое лицо жгучим стыдом.

Чушников быстро обернулся ко мне.

— Имя? Отчество?

Подавив в себе волнение, я ответил:

— Евсей Данилыч.

— Забирай вещи... Выходи....

Чушников повернулся ко мне своей широкой спиной и крикнул:

— А Ройтман здесь?

— Да, да, господин капитан, — звонко и поспешно ответил Исай Абрамыч, спрыгивая с нар. — Ройтман здесь! Я Ройтман...

Чушников строго посмотрел на Исая Абрамыча.

— Как тебя зовут? Величают? Отвечай без лишних слов!

Вдруг, неожиданно для всех нас, тонкий голос Исая Абрамыча зазвенел на всю камеру громко, вызывающе:

— А вам не все равно, господин капитан, с именем или без имени меня расстреливать!

— Не рассуждать! — крикнул офицер, выпрямляясь и злобно сверкая глазами. — Отвечай кратко!

— А я вам уже ответил, — все так же вызывающе проговорил Исай Абрамыч, хватая с нар то свою подстилку, то подушку, то свой маленький ящичек, который он ставил на ночь на пол, около печки.

— Ройтман, есть Ройтман! — выкрикивал он. — Другого Ройтмана здесь нет! Господа тюремщики хорошо об этом знают...

— Молчать! — взревел Чушников, топая ногой. — Я тебя пристрелю здесь, на месте!

— Пожалуйста, — еще более звонко крикнул Исай Абрамыч, поворачивая к офицеру свое сухое и сразу побелевшее лицо в огненных

волосах и закидывая руки за спину. — Пожалуйста, господин капитан! Можете доставить себе такое удовольствие! Извольте! Мне теперь все равно: что хрен, что редька; что в лоб, что по лбу!

Рядовые негромко засмеялись.

Не ожидавший видимо такого отпора со стороны безоружного противника, серо-багровый, трясущийся капитан молча стоял несколько секунд против Ройтмана. Длинные и сухие пальцы правой руки капитана судорожно плясали около кабуры, которая оказалась застегнутой и которую он никак не мог отстегнуть.

На несколько секунд в камере стало тихо, как в гробу; в этой гробовой тишине гулко свистело тяжелое дыхание бородатого токаря Семешкина.

Все напряженно следили за схваткой Ройтмана с офицером и ждали неизбежной в таких случаях кровавой развязки. Я тоже был уверен, что для Исая Абрамыча пришли последние минуты его жизни. Но нежданно-негаданно положение изменил усатый начальник тюрьмы. Он встал между офицером и Ройтманом и, обращаясь к Исаю Абрамычу, насмешливо, с издевкой сказал:

— Да ты не волнуйся, рыжий! Тебя не на расстрел поведут, а в другую тюрьму.

Исай Абрамыч повернулся к нему спиной и, собирая свои вещи, еще раз огрызнулся:

— Знаю я, в какую тюрьму вы переводите нас! Эту небесную тюрьму вы, наверно, уже битком набили нашим братом...

Рядовые анненковцы опять негромко гыгыкнули. Запах спирта от них теперь распространялся по всей камере.

Чушников круто повернулся и пошел к двери. На ходу он сказал рядовым:

— Выводите быстро... этих... троих...

У двери Чушников остановился около расступившихся надзирателей и крикнул своим подручным:

— Будут задерживаться... выпроваживайте из камеры прикладами! Слышите?

— Слушаюсь, господин капитан! — ответил, козыряя, бородатый урядник.

Собирая свои вещи и следя за перебранкой Ройтмана с Чушниковым, я переживал в душе какое-то странное состояние, какого никогда еще не испытывал. Ведь хорошо я знал, что пришел конец моей жизни. Раньше мне казалось, что давно уже свыкся я с мыслью о неизбежности этого конца. А вот сейчас, как-будто ни с того, ни с сего, где-то глубоко-глубоко в моем сознании вдруг вспыхнула и загорелась еле уловимая искорка надежды на чудо, на спасение от смерти. Конечно, это была надежда не на бога. С приходом в камеру мохнатых палачей мысль о боге вылетела из моей головы навсегда. Но все-таки в душе тлела какая-то смутная надежда. Увязывая свой постельный хлам в узелок и подавляя в себе волнение, я снова и снова убеждал себя, что чудес на свете не бывает, что смерть моя неизбежна и что надо смело смотреть ей в глаза. Но в то же время

чувствовал, что все мое тело охвачено непреоборимо бушующим пламенем протеста и требует себе жизни. Помимо моей воли, даже как будто против моего желания, все во мне кипело и кричало:

— Я хочу жить! Я хочу жить!

И вместе с этим криком перед глазами, будто в кинематографе, замелькали отрывки моей жизни и все то, что окружало эту жизнь почти с первых дней, как стал я помнить себя ребенком: берег нашей неширокой и мутной речонки, покосившаяся избенка, большая наша семья, голодное детство, спичечная фабрика, первые друзья детства, церковно-приходское училище, наши драки с гимназистами и кадетами, высокая девушка в серой шубке с белым бараньим воротником и моя схватка из-за нее с кадетом Чушниковым. Сейчас этот Чушников стоял в нашей камере уже в чине капитана и в качестве нашего палача. Меня бесило сознание того, что сейчас я безоружен и бессилен перед своим врагом. Мне хотелось броситься на Чушникова, схватить его за глотку и душить до тех пор, пока лишенковцы убьют меня самого. Но я видел, что бессилен и это сделать — в камере было так тесно, что при самом маленьком подозрительном движении с моей стороны рядовые сразу же либо пристрелят меня, либо зарубят шашками. Вот тут-то впервые понял я по-настоящему: сколь огромна разница между смертью на войне и смертью в плену, что в тысячу раз легче и почетнее умереть человеку вольным в бою, чем погибать мучительной смертью в неволе. И только теперь, впервые, горько пожалел я о том, что в бою под Ульяновкой вражья пуля лишь оцарапала мою руку, а не попала в мое сердце и что взрыв снаряда лишь контузил меня, а не засыпал землей насмерть.

Собираясь в свой последний путь, я внимательно рассматривал присмиревших товарищей, их костлявые фигуры и исхудалые лица, нищенские пары, завалященные рваным тряпьем, замызганные тюремные стены, длинный стол посреди камеры, семилинейную лампочку, скамейки. Все это мне хотелось запомнить и все хотелось унести в памяти навсегда.

Вдруг взгляд мой остановился на движущейся по стене красной точке, как-будто неожиданно появившейся. По стене полз огромный багрово-красный клоп. Этот клоп был какой-то особенно тошнотный. Тело его было продолговато-раснухшее и жирно лоснящееся. Клоп стремился лезть по стене кверху, но, часто срываясь, опускался все ниже и ниже и, наконец, сорвался окончательно и свалился за нары в темную и сырую щель. Этот клоп напомнил мне собою багрово-лоснящееся лицо капитана Чушникова. И так же вдруг стало для меня совершенно ясным, что участь этого капитана и его кровавого хозяина адмирала Колчака будет подобной участи обожравшегося клопа, упавшего за нары. Сколько бы Колчак и его банда не пролили народной крови и как бы они не карабкались вверх — к власти над народом, рано ли, поздно ли, все они свалятся в бездну.

От этих размышлений стало как-будто легче и спокойнее на душе.

Бородатый урядник командовал, кажется, уже в третий раз.

— Выходите!.. Поторапливайтесь!.. Не задерживайте!..

Но все трое мы не особенно спешили. Собирая свои вещи, мы то влезали на нары, то слезали с нар на пол, стараясь показать, что ничего не хотим позабыть и оставить в тюрьме. Наконец все было готово. Не торопясь, обошли мы сидевших на нарах и стоявших около нар товарищей; молча пожали им руки и, сопровождаемые конвоем, пошли к двери. Близ порога Макар Савелыч обернулся и крикнул оставшимся в камере заключенным товарищам:

— Не падайте духом, друзья! Помните мои слова: все равно верх будет наш!

Он кивнул головой в сторону анненковцев и добавил:

— А этим сволочам скоро будет конец!

Урядник ударил его прикладом в спину.

— Иди, иди! Я т-те пок-кажу верх!

В узких и полутемных коридорах было тесно. К нам присоединяли товарищей из других камер. Анненковцы и надзиратели шли двумя группами — одна группа шла впереди нас, вторая замыкала шествие. Так прошли мы весь третий этаж, миновали камеры второго этажа и спустились вниз. Всего набрали нас человек сорок.

В последний раз в душе вспыхнула слабая искорка надежды на спасение в тот момент, когда мы прошли мимо тюремной конторы, в которой обычно оставляли вещи все те товарищи, которых уводили на расстрел. Нас прогнали мимо этой конторы, без остановки.

«Неужели в самом деле переводят нас в другую тюрьму?» мелькнуло в затуманившейся голове.

Но вот мы спустились в тюремный двор. Он был узкий и глухой, как могила. Здесь нас окружила тьма безлунной ночи. Скудная полоска света падала на нас лишь от керосинового фонарика, висевшего над тюремным входом. Сверху из тьмы падали на нас пушистые снежинки.

Урядник командовал:

— Складывайте вещи около входа, налево! Отходите и выстраивайтесь по два человека в ряду, направо, поближе к воротам!

Теперь погасла у меня последняя искра надежды на спасение.

Около ворот анненковцы быстро связали нам руки веревками и, привязав концами веревок друг к другу, по два человека вывели во второй, более просторный тюремный двор, в котором стояли оседланные лошади. Так же быстро анненковцы сели на лошадей и окружили нас тесным кольцом. Откуда-то из тьмы тюремного двора вынырнул на белом коне пропавший было капитан Чушников. Подъехав к нам, он прогоготал своим скрипучим голосом:

— Предупреждаю арестованных: по улицам города итти тихо... без громких разговоров и без шума!.. В случае нарушения моего распоряжения... прикажу моим людям рубить вас шашками!

Распахнулись вторые тюремные ворота и мы быстро вышли на улицу. Здесь нас взяла в кольцо вторая группа конных анненковцев, поджидавших близ высокой тюремной ограды. Весь конвой со-

ставлял не меньше ста человек. Погнали нас направо, по направлению к загородной роще. Перед моими глазами ненадолго мелькнули лица жены, детей, Софьи Яковлевны. Про себя я сказал, обращаясь к ним:

«Прощайте, дорогие! Прощайте навеки!»

Это было мое последнее отчетливое воспоминание. Что происходило дальше — по пути к месту казни, теперь мне трудно в точности передать.

Шел я почти в беспамятстве, как-будто все вокруг меня происходило во сне, и мне казалось, что я не шел, а, сорвавшись с какого-то высокого обрыва, летел в бездонную пропасть, в бездну, не замечая ни тьмы, ни погоды. Но вот запах конского пота почему-то всю дорогу чуял. На всю жизнь запомнился мне этот соленый и терпкий запах, идущий от разогревшихся лошадей. Изредка слышал впереди себя негромкие всхлипывания какого-то паренька и такой же негромкий голос Макара Савелыча, звучавший где-то справа от меня:

— Товарищ, стыдно плакать! Товарищ, постыдись!

Слышал окрики анненковцев, слышал какие-то тупые удары, чьи-то стоны. Позади меня раза два как-будто похныкал ребенок и от этого мне показалось, что я схожу с ума. Не помню, кто шел рядом со мной, сзади и впереди меня; не помню, к кому я был привязан веревкой. Как следует я очнулся лишь тогда, когда стоял уже развязанный и раздетый в роще, около крутого обрыва в неглубокий ров, в длинной шеренге толкавшихся и кричавших товарищей. Хотя кругом все еще было темно, но на белом и чистом снегу я отчетливо увидел, что невдалеке от нас в темносером сумраке ночи торчали огромные черные папахи выстроившихся перед нами в тесную шеренгу анненковцев. Штук пятьдесят винтовок уставились уже на нас черными и круглыми дырочками. Вокруг меня стоял разноголосый рев. Обращаясь к анненковцам, некоторые товарищи обезумело кричали.

— Ребята! Что вы делаете?

— Братья! Не стреляйте!

Другие злобно кричали:

— Палачи! Сволочи!

Недалеко справа от меня топтался, выдвинувшись немного вперед, Макар Савелыч. Размахивая руками и обращаясь к товарищам, молившим о пощаде, он неистово выкрикивал:

— Товарищи! Опомнитесь! Товарищи! Кого вы молите? Ведь это же звери! Товарищи!

Неподалеку от Патрашкина так же суетливо топтался и, размахивая своими длинными руками, что-то кричал Ройтман.

Рев и крики вокруг меня усиливались. От левого конца выстроившихся перед нами анненковцев отделилась высокая и серая фигура офицера. Капитан Чушников быстрыми прыжками направился к Патрашкину. Макар Савелыч заметил приближающегося к нему офицера и, грозясь в его сторону поднятыми кулаками, закричал:

— Палач! Палач! Где твой бог?

— Где мой бог?! — проскрипел на бегу Чушников, поднимая

вверх револьвер, который он держал в правой руке.— А вот я тебе, сукину сыну, покажу сейчас, где мой бог...

Почти прямо в лицо офицеру Макар Савелыч успел еще выкрикнуть:

— Запомни же, сволочь! Мы умираем за народ! И народ отомстит тебе за нас!

Раздался выстрел.

Голос Макара Савелыча оборвался. Он упал ничком в снег.

Чушников повернулся к Ройтману, стоявшему недалеко от упавшего Макара Савелыча, и крикнул:

— А ты, рыжая скотина, за кого умираешь?

Исай Абрамыч рванулся вперед и его звонкий голос прозвучал на всю рощу:

— Господин палач! Я умираю за свое социалистическое отечество!..

Выстрел оборвал и его голос. Взмахнув руками, Исай Абрамыч упал в снег.

А люди кругом кричали:

— Братья! Опомнитесь! Палачи! Сволочи!

Офицер побежал к прежнему своему месту, на бровку. Вдруг слева до моего слуха долетел звук детского голоса:

— Мама...

И почти в ту же секунду негромко прозвучал напряженно дрожащий женский голос:

— Спи, Галочка, спи...

Это был голос Софьи Яковлевны.

На миг у меня потемнело в глазах. Ужас сковал все мое тело. Но я быстро оправился. В голове моей молниеносно созрел план спасения любимой женщины. Надо броситься туда, к ней и загородить ее своим телом. Пули попадут в меня, но ее могут не убить, а лишь ранить, а дальше — она уже сама сообразит, что ей делать. И в тот момент, когда я рванулся с места и сделал первый шаг налево, проскрипел голос Чушникова:

— Огонь!

Раздался залп. Выстрел оглушил меня и обжег мне левое колено. Я кувыркнулся лицом в снег. А над головой опять крик:

— Огонь! — И снова залп: трах! — Огонь! — Трах!..

Падавшие товарищи извивались по снегу и отчаянно кричали:

— Братья!.. Палачи!.. За что?.. Сволочи!..

А я лежал и не мог толком разобраться: живой я или мертвый? Чуть-чуть приоткрыл глаза, посмотрел. Офицер метался по площадке, командуя:

— Кончай!.. Добивай!..

Рядовые кинулись к нам и начали добивать раненых, кого прикладом по голове, кого штыком в бок, кому шашкой голову надвое. Через несколько минут утихомирили всех. Теперь уж не было ни крику, ни стону. Только темные ручьи крови расползались по снегу

со всех стороны, да ноги и руки вздрагивали и корежились, а пальцы рук судорожно сгребали снег.

Офицер бегал по бровке и кричал:

— Таскай! Складывай!

Рядовые принялись волочить расстрелянных за ноги и за руки и бросали их в ров. Бросали и складывали людей одного на другого, как дрова. Уж не знаю, почему не тронули меня ни штыком, ни прикладом, ни шашкой. Схватили за ноги — чуть не взревел я от боли в раненной ноге, но стиснул зубы и терпел, пока стащили с бровки и бросили в кучу убитых товарищей. Лежу. Изредка чуть-чуть приоткрою то один, то другой глаз и посмотрю, что кругом делается. Несколько рядовых продолжали таскать с площадки в ров расстрелянных, наваливая трупы на меня и по обе стороны рядом со мной. Другие стояли группами на бровке. Тут же, около них стоял капитан Чушников и наблюдал за работой рядовых. За площадкой в предутреннем сумраке маячили крупы лошадей, привязанных к голым березам. Один из убитых товарищей лежал на мне, должно быть с разбитой головой, и заливал мое лицо своей теплой кровью.

Офицер закричал с бровки:

— Добивайте в куче! Слышите: стонут там! Поторапливайтесь! Кончайте...

Рядовые опять бросились к нам.

— Добивай сволочей!

— Живучи... мать....

— Кончай, ребята...

Усатый анпепковец, стоявший на бровке, закричал другому, который добивал раненых около меня:

— Стукни этого! Никак живой?

— Которого? — спросил стоявший близ меня.

— Да вон того, который слева-то от тебя, около левой твоей ноги.

Чую, это про меня разговор.

«Ну, — думаю, — сейчас окончится и моя жизнь».

Но палач, стоявший около меня, ответил:

— Этот подох! Обливается кровью, как зарезанный баран.

— Нет, нет! — закричал усатый с бровки, — он сейчас как-будто открывал глаза. Стукни, стукни его...

Почти в тот же момент на голову мою упало что-то тупое и страшно тяжелое и так опалило меня, что из глаз моих брызнул сноп зеленых искр. Я зажмурил глаза и почувствовал, что вновь сорвался с какого-то крутого обрыва и стремительно полетел куда-то вниз, в кровавый туман, в бездну без конца и края. Вокруг меня сразу стало темно и тихо. В бешеном кровавом вихре я летел над этой страшной бездной как-будто недолго. Мне показалось, что после удара, в стремительном кровавом полете над бездной я лишь непадолго закрыл глаза и забылся, чтобы тотчас же очнуться.

«Но почему так тихо сделалось кругом? — подумал я. — Поче-

му перестали разговаривать анненковцы? Неужели я видел сон такой кровавый и дикий?»

...Я приоткрыл глаза. И сразу понял все, что произошло. Но ни на бровке, ни на площадке, ни около деревьев никого уже не было. Пока я был в забытье, казалось таком кратком, палачи наши, повидимому, ускакали на лошадях обратно в город.

Я боялся пошевелиться. Думал, что они оставили где-нибудь караул и если я пошевелюсь, меня заметят и добьют. Лежа в кучe замерзающих трупов и превозмогая боль в ноге и в голове, я молчал, чтобы не выдать себя. Откуда-то прилетел ветерок. Чую, примерзать я стал.

«Ну, нет, — думаю. — Будь, что будет, но коли остался я жив, значит надо вылезать из кучи».

Собрался с силой и давай выбираться из груды убитых на снег. Вылез. Еще раз осмотрелся, но никого нигде не было. Во рту все пересохло — жажда томит меня. А снег кругом окровавлен. Отыскал глазами пятно чистого снега, набрал его в руку и поел. После этого в голове как-будто посветлело, хотя перед глазами все еще стоял кровавый туман. Вдруг в этом тумане всплыл образ Софьи Яковлевны. Я еще раз огляделся и в ужасе замер. Она лежала в снегу вправо от меня, несколько поближе к бровке. Была она в своем обычном синем платье. Меховое пальто и шаль сняты были с нее, руки ее разбросаны, а длинные, пышные волосы растрепаны по снегу. В стороне от нее лежала, разбросав ручки и ножки, Галочка. Она также была раздета и ограблена.

Позабыв про свои раны, ползком я бросился к ним. Но боль в коленке так резанула, что я грохнулся на землю и чуть снова не потерял сознание. Полежал. Отлежавшись, я снова пополз к ним. Дополз и осторожно пощупал лицо любимой женщины. Оно было холодно, как льдинка. Пощупал руку — тоже как льдинка; попробовал согнуть руку в локте — не гнется. К ребенку я не стал и добираться — ясно было и так, что Галочка мертва. Около левого бока ее на снегу темнело большое пятно крови.

Только теперь понял я как следует, что не во сне и не в состоянии помешательства слышал я детский плач по дороге к месту казни. Это плакала тогда Галочка, которую несла, вероятно, на руках Софья Яковлевна. Но как же все это случилось? Почему я не видел Софью Яковлевну в тюремном коридоре? Когда и где присоединили ее к нашей партии? Почему я не заметил ее во дворе? Проклятая тюремная тьма — она во всем повинна! Никогда не увижу я больше дорогую для меня женщину и не смогу я сказать ей тех теплых и нежных слов, которые хранил в душе моей и которые так глупо берег для какого-то особого случая.

Горе жгучее, непереносимое горе потрясало мое израненное тело и мою истерзанную душу. Мне казалось тогда, что погибла для меня не только Софья Яковлевна, но что вместе с ее гибелью оторвалась и сгинула безвозвратно какая-то очень важная частица моей личной жизни, без которой и самая жизнь моя будет теперь не пол-

ной и обеспеченной. Мне казалось, что если даже я останусь в живых, то все равно жизнь моя навсегда будет окутана мраком и сердце мое вечно будет болеть и кровоточить. Склонившись к побелевшему и неподвижному лицу Софьи Яковлевны, я долго целовал и обливал горячими слезами это холодно-мраморное, но все еще дорогое для меня лицо. Наконец пришел в себя окончательно. Взглянул в последний раз на женщину и ребенка. Еще раз поел снегу. Оглянулся в сторону груды трупов, из которых только что выбрался. Вижу, многие из убитых раздеты и ограблены догола. В самом низу на снегу темнела чья-то густая и длинная борода. По форме ее я сразу же узнал, что это торчит рыжая борода друга моего Исая Абрамыча Рейтмана. Лицо его было неузнаваемо — оно было сплошь залито кровью, которая широко расползлась по снегу. Попробовал было отыскать глазами Макара Савельича, но в предутреннем сумраке трудно было различить трупы убитых и сваленных в кучу товарищей. Мысленно я простился с убитыми и пополз на бровку — бровка была некрутая и невысокая. Выполз. Еще раз оглянулся я и увидел, что вслед за мной по снегу тянется кровавая лента.

«Ну, — думаю, — без крови я не жилец на белом свете».

Снял с себя ремень и перетянул ногу повыше колена — кровь остановилась. После того тронулся ползком дальше. Отполз шагов с десяток. Вдруг слышу позади себя глухой и хриплый голос:

— Товарищ, спаси!..

И второй такой же голос:

— Товарищ, помоги!

Оглянулся я. На бровку вылезают двое. Изуродованы, окровавлены — узнать невозможно: у одного рука болтается, а у другого лицо изрублено и изуродовано до неузнаваемости. Хотел вернуться к ним; но понял, что настолько я слаб, что вряд ли сам-то куда-нибудь доползу. Негромко сказал:

— Не могу помочь вам, товарищи... Сам погибаю. Ползите как-нибудь...

Вижу, вслед за этими товарищами на бровку лезут еще двое и тоже хрипят:

— Товарищ! Помоги...

— Товарищ! Спаси...

— Братцы, — говорю, — родные товарищи! Рад бы я помочь вам, но сил моих нехватит. Даже повернуться к вам нет мочи...

Оба замолчали — кувыркнулись в снег.

А двое вылезли на бровку. Ползут за мной. И я пополз. Тихонько подбадриваю их:

— Тащитесь, товарищи! Поползем как-нибудь вместе! Ужо доползем куда-нибудь...

Продвинулся я вперед сажен двадцать. Слышу, и они ползут. И опять захрипели их голоса:

— Товарищ! Добей! Не могу... Мочи моей нету...

— И меня добей, товарищ! Будь отцом родным...

Еще раз остановился я, но понял, что никакой помощи не могу

сказать товарищам. Очень уж ослаб я. Если доберусь куда-нибудь, пошлю на помощь людей. А не доползу — значит, все трое погибнем. Решил соврать ради спасения себя и их.

— Братцы, — говорю, — родные, поволокусь я один. Знакомые тут у меня недалеко. Пошлю кого-нибудь к вам на помощь. Только вы не останавливайтесь, а продвигайтесь вслед за мной.

А они хрипят свое.

Поскрипел я зубами от досады. Но все-таки пополз.

Один мне вслед обругался.

«Ладно, — думаю, — полайся немножко. Когда вызволю из беды, после благодарить будешь».

А у самого от досады и горя попрежнему сердце кровью обливается. Мороз. Раздетого-то меня здорово ветерок продувает, а мне жарко — аж вспотел я весь. Выполз из рощи, снежной поляной сажен пятьдесят проволокся. Смотрю, слева домишки к берегу реки приткнулись. Из ворот одного маленького домика вышел мужик в коротеньком полушубке, с ведрами на коромысле, к реке направляется. Крикнул я ему:

— Землячок! Помоги! Погибаю...

Остановился мужик. Смотрит в мою сторону, а ко мне не идет. Молить его начал:

— Не дай душе погибнуть! Брось ведра-то! Спаси человека...

Бросил мужик ведра с коромыслом на снег. Бегом кинулся ко мне. Бежит и по сторонам озирается. Подбежал. Спрашивает:

— Кто такой? Откудова?

— Из тюрьмы, мол, политик. Колчаковцы на расстрел выводили, да не добили насмерть-то...

Схватил он меня за руки и поднял к себе на плечи.

— Ладно, — говорит, — молчи, после доскажешь...

Только до ворот дотащил он меня, — слышим, в роще опять выстрелы.

Трах... трах... трах...

Остановился мужик, шепчет:

— Это должно быть новую партию расстреливают! Ах, сволочи, сволочи... Што делают с народом...

Толкнул он ногой калитку и втащил меня во двор.

Впоследствии оказалось, что мужик был прав. Утром анненковцы привели в загородную рощу еще сорок человек и расстреляли на том же самом месте. Добили и тех товарищей, которые за мной ползли. Обратно в ров сволокли их и в общую кучу бросили.

А мужик втащил меня в избу — ломовым извозчиком оказался. Баба его достала из сундука свою чистую рубаху, разорвала ее на части, обмыла мои раны и перевязала мне голову и ногу. Голову-то рядовой должно быть прикладом проломил мне. Пока полз я по снегу от места казни до реки, немного руки познобил себе. Извозчик вместе со своей женой быстро натерли мне руки гусиным салом и также перевязали чистыми тряпицами. Так у извозчика и пролежал я до занятия города Красной Армией.

Через три дня части Красной Армии с боем вошли в наш город. Вечером в городе организован был ревком. А утром следующего дня извозчик сбегал в ревком и рассказал там обо мне. В тот же день меня перевезли в военный госпиталь. Тогда же извозчик известил обо мне жену мою Ксюшу, но в течение трех дней ко мне никого не допускали — ни родных, ни знакомых.

Каждый день по нескольку раз я спрашивал врачей и сестер:

— Неужели никто не приходил ко мне?

Они коротко отвечали:

— Никто не приходил.

Впоследствии узнал, что в эти дни я был в тяжелом состоянии, потому и не пропускали ко мне ни родных, ни знакомых.

На четвертый день рано утром в палате неожиданно появился Димитрий Тихоныч Шарыгин, бывший председатель нашего совдепа и мой старый друг.

Вошел Шарыгин в палату в сопровождении врача и медсестры. Был он в военной шинели, поверх которой накинул белый больничный халат, и в серой мерлушковой папахе. У порога Димитрий Тихоныч остановился, отыскал меня глазами, растопырил руки и чуть не бегом кинулся к моей койке. Подбежал, склонился и обнял меня. Жмет мне руки. Целует меня. Вижу, волнуется Димитрий Тихоныч. Ласково говорит мне:

— Евсей! Родной! Живой ты? Живой?!

— Живой, — говорю, — Димитрий Тихоныч. — Били колчаковцы, да не добили! Как видишь, ожил!

— Ну, ничего, — говорит, — теперь мы их бьем! Отомстим за все! Не забудем и твоих страданий. За все получат вороги наши по заслугам!.. Как чувствуешь-то себя, Евсей Данилыч?

— Хорошо чувствую себя, Димитрий Тихоныч! Как ты-то поживаешь? Давно ли прибыл в родной наш город?

Шарыгин присел на табуретку около моего изголовья.

— Прибыл, — говорит, — я сюда сегодня после полуночи. До утра просидел на заседании нового городского ревкома. Там же узнал о тебе. И вот, прямо с заседания, поехал проведать тебя. Как тут за тобой ухаживают-то? Рассказывай...

— Уход, — говорю, — здесь замечательный! Ужо скоро совсем поправлюсь. Вместе станем громить и добивать Колчака и его кровавую банду. Ты послушай-ка, Димитрий Тихоныч, что они здесь натворили-то....

Начал было я рассказывать Шарыгину о том, как колчаковцы выводили нас на расстрел, но он перебил меня:

— Не рассказывай, Евсей Данилыч. Все знаю. По всему Уралу и по всей Сибири мы встречали одну и ту же картину. В каждом городе, почти в каждом большом селе и на железнодорожных станциях белые производили массовые расстрелы и убийства не только большевиков, но и всех тех, кого подозревали в сочувствии советской власти...

— Неуж везде они такие же зверства производили, какие твои здесь?

— Да, везде, — сказал Шарыгин и, махнув рукой, добавил: — Ладно, Евсей Данилыч... довольно об этом... Свиделись мы с тобой, потолковали немножко и довольно. Врачи предупредили меня, что тебе нельзя много говорить...

С таким же предупреждением обратился ко мне врач. Да я и сам чувствовал, что слабость у меня была отчаянная. Тело мое, словно тяжелое бревно, пристыло к кровати. Во время разговора с людьми мне казалось, что слова я произношу очень громко, а люди почему-то склонялись почти к самому моему лицу и вслушивались в мои слова, точно глухие. Но сейчас мне хотелось говорить и говорить, хотелось узнать от Шарыгина о многом и я запротестовал:

— Нет, нет, доктор. Сейчас я не могу молчать. Вы должны разрешить мне разговор с товарищем Шарыгиным. Я большевик. И я должен узнать от товарища Шарыгина о многом.

Я обратился к Шарыгину:

— Скажи, Димитрий Тихоныч, далеко ли вы отогнали белых от города? Хватит ли у вас сил для окончательного разгрома Колчака?

— Колчаковские войска отброшены от города пока на пятьдесят верст, — ответил Шарыгин. — Но ты можешь спать спокойно. Сил у нас теперь вполне достаточно для того, чтобы разгромить Колчака по всей Сибири и опрокинуть его армию в Тихий океан. Порадуйся за нас, Евсей Данилыч. Здесь, в районе нашего родного города, мы взяли в плен сорок тысяч колчаковских войск.

— Вот это замечательный подарок для меня! Расскажи, Димитрий Тихоныч, что делается в Советской России? Как живут наши вожди Ленин и Сталин? Весточки-то о них доходили сюда. Но в точности ничего, ведь, мы не знаем...

Шарыгин стал рассказывать мне о жизни в Советской России, о Москве. Петрограде, о Ленине, Сталине, Свердлове. А я слушал его и все время чувствовал, что не сказал и не сделал я чего-то самого главного. Я усиленно напрягал свою память, но долго не мог ничего вспомнить.

Шарыгин стал уже прощаться со мной.

Вдруг перед моими глазами вспыхнула позабытая картина: широкая река, падающее за увалы солнце, уходящий маленький пароходик, в последний раз мелькнувший красный флаг, и, наконец, наступление сумерек, постепенно окутывающих землю...

Удерживая руку Шарыгина, я сказал ему:

— Постой, Димитрий Тихоныч, не уходи. Просьба есть к тебе... важная...

— Какая?

— Принеси, — говорю, — и покажи мне сейчас же наше рабочее красное знамя. Я еще не видал его.

Шарыгин улыбнулся.

— Хорошо. Сейчас я скажу комиссару госпиталя, чтобы принесли и поставили в вашей палате красное знамя.

— Нет, нет, принеси, — говорю, — сам, Димитрий Тихоныч Сейчас же принеси! Сделай милость!

Шарыгин вместе с врачом вышли ненадолго из палаты, а затем они вернулись с огромным красным полотнищем, прикрепленным к древку. Вместе с ним в палату вошел комиссар госпиталя.

Позабыв про свои тяжелые ранения, я хотел соскочить с кровати и броситься навстречу красному знамени, но наполненное свинцовой тяжестью тело мое не повиновалось мне и не двигалось. Когда комиссар склонил надо мной красное знамя, я схватил руками драгоценный кумачевый материал, обливал его слезами и целовал его бессчетное число раз.

Мне показалось тогда, что с появлением в палате огромного красного полотнища земля вновь осветилась ярким солнечным светом, преобразившим госпитальную палату, ряды коек, бледные лица раненых красноармейцев, медицинских работников, Димитрия Тихоныча и меня самого.

Только теперь по-настоящему глубоко и как-то особенно остро почувствовал я, что это великое знамя омыто и моей рабочей кровью.

Я плакал, но это были слезы радости.

Шарыгин, врач, комиссар и сестра осторожно тянули у меня из рук красный материал и говорили:

— Довольно, Евсей Данилыч...

— Вам нельзя волноваться, товарищ Бараба...

— Успокойтесь, Евсей Данилыч...

Наконец я почувствовал, что страшно устал. Кумач выпал из моих рук. Шарыгин еще раз склонился ко мне, поцеловал меня и молча пожав мне руку, поднялся с табуретки и пошел к двери.

Комиссар поставил красное знамя к дальней стене палаты, проходе между койками, и все медицинские работники ушли из палаты вслед за Шарыгиным.

Оставшись один, я глядел на красный стяг и чувствовал, что несмотря на охватившую меня усталость, на душе у меня тепло и радостно.

Поздно вечером ко мне пропустили наконец жену.

Ксюша рассказала мне, что перед уходом колчаковцы уводили из города и расстреливали не только тех товарищей, которые сидели в тюрьме, но по ночам они врывались в квартиры рабочих, которых подозревали в сочувствии большевикам, и либо тут же на глазах у семей расстреливали их, либо уводили за город, на свалки и там приканчивали. Родственники пострадавших и особая комиссия ревкома обнаружили и подобрали в загородной роще и на другие окраинах города уже больше четырехсот трупов расстрелянных и убитых товарищей.

В кадетском корпусе, в колчаковской контрразведке, обнаружено семьдесят девять трупов. Здесь, после страшных пыток, колчаковские палачи бросали живых еще людей в отхожие места вниз головой. Все поглощающие колодцы отхожих мест оказались забитыми трупами замученных людей.

Так расправлялись с нами колчаковцы во время гражданской войны.

А вот теперь, спустя почти четверть века после событий, о которых я вам рассказал, и после того, как я увидел собственными глазами кровавые злодеяния немецких оккупантов, перед которыми бледнеют колчаковские зверства и которые ни с чем в истории несравнимы, — я стал задумываться над вопросом: почему так много общего в кровавых деяниях немецких фашистов и русских белогвардейцев? Ответ я нашел для себя пока один: и те, и другие являются воспитанниками и сторожевыми псами одинаковых хозяев. Наши белогвардейцы были цепными собаками самых невежественных, самых разнузданных и самых жадных русских империалистов, а немецких собак-фашистов воспитали самые жадные, самые кровавые международные разбойники — немецкие империалисты. Русские белогвардейцы хорошо понимали и немецкие фашисты отлично знают, что гибель их хозяев означает их собственную гибель. Вот почему с таким хладнокровным садизмом и так жестоко творили и сейчас творят свои черные дела эти люди-звери. Чтобы спасти нашу землю от кровавых фашистских неистовств и избавить мир от нашествия немецкой коричневой чумы, мы с вами, молодые друзья, должны биться против вооруженных немецких орд до последнего нашего вздоха, до полного разгрома и уничтожения немецкого империализма.

Вы теперь знаете, что моя жизнь обрывалась уже три раза и трижды я оживал. Но если бы вдруг произошло чудо и природа подарила бы мне десять жизней, я и в последний, десятый раз не пожалел бы себя и отдал бы свою жизнь ради спасения нашей Родины от нашествия немецко-фашистских злодеев. Ибо нет ничего на свете более чудовищного, дикого, омерзительного, чем немецкий фашизм! И нет для нас, советских людей, другого выхода в этой великой освободительной войне, кроме одного и единственного: либо победа, либо смерть!

— * —

НИКОЛАЮ КАРЕЛИНУ, ГЕРОЙСКИ ПОГИБШЕМУ В БОЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Я не знаю, где твоя могила,
Твой далекий вековечный дом...
Там какое дерево склонило
Ветви молодые над холмом?

Я не знаю, что цветет там в мае —
Розы иль шиповника кусты?
Кто к тебе приходит, рассыпает
На могилу свежие цветы?

Где найти тебя, наш кровный, милый?
Где лежат к тебе, родной, пути?
Сокола пошлем искать могилу:
«Сокол быстрокрылый наш, лети!

К звездам поднимись, лети за море,
В край, где отдал сердце он свое,
Расскажи ему ты вдовье горе,
Горе бесконечное ее...

Но вдова его не одинока —
Много новых у нее друзей,
Тех, что не покинут, не оставят
Ни ее, ни малышей-детей!

Будет час, — а он не за горами, —
Счет сведем с фашистскою ордой,
И как символ счастья наше знамя
Водрузим опять над всей страной.

Жизнь пройдет,— и гордо вспоминая
Все событья века своего,
Про Карелина расскажем Николая,
Про дела, про подвиги его».

— * —

МОЙ ТОВАРИЩ

РАССКАЗ, ПЕРЕВОД С НЕНЕЦКОГО

С полуострова Ямала, с конца земли — из тундры родом он сть, этот ненец, мой товарищ. Давно я не видел его. И вот недав- встречаю его в Сале-Харде.

— Где ты был? — я спросил. — Ты из тундры, со стойбища риехал, что ли?

— Нет, я не из тундры. Я совсем в других краях побывал.

— Где же ты был?

— Я был на войне!

— Вот как!

И он рассказал:

— В Красную Армию я незадолго перед войной пошел, а 2 июня 1941 года поганый Гитлер со своими помощниками на Совет- кий Союз напал. У западных границ государства, возле большого го- ода Минска, в это время я находился. Вскоре увидел я фронт. ружия много увидел. Всякие названия оружие имеет. Есть ружья, азрушающие дома, называемые по-русски коротко «пушки» или орудия»; много других видов оружия есть, и названия их по-ненец- и даже трудно и передать.

Врага сперва я не видел. Не видели мы противника, только са- олеты его и самолеты наши, точно осенние гуси и утки, летали ад нами. Снаряды, врагом брошенные, наземь упали, на земле ни- его не оставляя, землю дырявой делали. Показалось сначала, что не айти такого места, где бы от этих снарядов спрятаться можно бы- ло. Но нашлось много места — земля велика! Познавший военное ело умеет от снарядов укрыться. Ну, вот, после того, как самоле- ы между собой в небесах сразились, стали на земле меж собой биться танки, чужие и наши танки, литые из чугуна, кованые из тали. И затем пошли в бой мы, бойцы, живая сила. И знаешь, това- ищ, тут сердце мое покой потеряло.

Я метко стреляю. Стреляю и думаю:

«Ведь убил! Я метко стреляю. Убил! Может быть не до смерти го убивать было надо, а так, только из строя вывести». Вот о чем умаю.

По вот, вскоре немца назад отогнав, вошли мы в село, где немцы до нас были, и села не увидели — сожгли село немцы. А дальше пошли — увидели город, где немцы до нас были.

Вижу город, а домов нет — стоят одни печи, торчат одни трубы. И плачут люди вокруг печей и в пепле пожарищ чего-то ищут. Что ищут в пепле домов? Пепла людского в пепле домов ищут. Пепла друзей своих ищут; пепла детей своих ищут! Немцы из города уходя, безоружных людей в домах заперли и сожгли живыми. И кричали люди и старались из домов выбраться, а немцы не выпустили.

И дерево большое среди города я увидел. Все деревья кругом немцы срубили, весь лес этот, садом называемый, срубили, а одно — самое большое дерево оставили. А почему оставили? Спроси меня: почему оставили? Потому оставили, что на нем человека за шею на веревку повесили.

И ребенка, штыком заколотого, я увидел. И женщину замученную, поруганную я увидел.

И шел я по городу, через лужи крови перешагивал, пепел людской вместе с пеплом древесным в дыму пожарищ вдыхал. И вдыхая тот пепел, почувствовал я вдруг — встало сердце мое на место, одышка прошла.

Люди сожженные, люди замученные... Кто сделал это? Люди не делают так. Немцы, которые это сделали, — не люди.

Они не люди!

Сердце мое на место встало, одышка прошла. Осмотрел я свое ружье и пошел я к начальнику быстро-быстро.

— Начальник, — я сказал, — скоро ли бой будет?

— Бой скоро ли будет? Скоро, скоро бой будет!

И вот снова бой начинается.

Я к начальнику:

— Начальник! Стрелять велишь?

— А как же иначе!

— Начальник! — тогда я сказал: — куда бить велишь — в лоб или в сердце? Мне больше извергов-немцев не жалко. Скажешь бить только в лоб, буду бить только в лоб; скажешь бить только в сердце, буду бить в волчье сердце!

— Стреляй, куда хочешь, лишь бы убить наповал! — так начальник в ответ мне сказал. — Стреляй! Куда хочешь, стреляй; куда хочешь ты можешь стрелять, только чтоб пули напрасно не посылать, чтоб каждая пуля имела свою добычу. Пусть ни одна пуля не уйдет впустую, но каждая пуля найдет дорогу к врагу!

Сказал я:

— Начальник! Так я могу!

И стал я стрелять. И ни одна пуля не была послана зря. Стрелял я, стрелял я, стрелять перестал, поглядел на ту сторону, куда я стрелял, и вижу: больше десятка фашистских подлецов валяются ножками вверх, как весенние куропатки!

— * —

МЕХОВЫЕ КИСЫ

Подошла — узелок развязала,
Меховые достала кисы.
— Вот мой скромный подарок, — сказала, —
Чтобы наши не мерзли бойцы.
Через стужу и ветер колючий.
Им, родимым, придется пройти.
Вьюгу зимнюю, снежные ночи
Повстречают они на пути!
И я сшить им подарок решила;
Сделать большего я не смогла-б,
Но кисы белоснежные сшила
Из давно сберегаемых лап,
Чтоб они были теплы и мягки,
Незаметны на белом снегу.
Чтоб боец наш бесстрашный и ловкий
Мог вплотную пробраться к врагу.
Вот подарок от женщины-коми
Из далекой Обской стороны!
Не дремлю я в Северном Доме
В год великой и грозной войны!

— * —

МЫ ВЕЛИ ЭШЕЛОН

Мы вели эшелон
Не один перегон
По суровым дорогам блокады.
От сибирской земли
Мы подарки везли
Дорогому бойцу — Ленинграду.

Выполняя народа
Великий приказ,
Мы достигли намеченной цели:
Мы далеким друзьям
Посмотрели в глаза,
Мы отваге в глаза посмотрели.

Он нуждой не согнут,
И огнем не сражен,
И сознаться противнику надо,
Что не город бессмертный
Врагом окружен —
Это враг окружен Ленинградом!

Это враг окружен
Героизмом бойца
И решимостью всех ленинградцев:
Средь любого кольца
Воевать до конца,
Голодать,
Умереть,
Но не сдаться!

Слушай, Омск!
Это твой говорит делегат,
Облеченный доверьем твоим:

Он стоит —
Ленинград,
Он живет —
Ленинград,
Как советская власть —
нерушим!

Ленинградский фронт

— * —

ЛЕНИНГРАДСКИМ ДРУЗЬЯМ

* * *

Приходят вести в паровозных дымах
О городе, оставшемся вдали,
О городе знакомом и любимом,
В котором мы родились и росли.
Мы строили, учились, созидали,
Овладевали тайнами земли,
Мы спорили, и пели, и мечтали —
В открытые и солнечные дали
Уверенные, радостные шли...
Где-б ни был я, везде меня встречали
Мои друзья, чудесные друзья,
С которыми и радость, и печали
Делил, как надо, без утайки я.
Где вы сейчас, друзья? Одна дорога
Нам выпала — за Родину в бои!
От Заполярья и до Таганрога
Во всех боях товарищи мои.
Желаю вам победы в каждой схватке
И подвигов отважных. Пусть всегда
Бегут враги на запад без оглядки...
Вновь будут наши, наши города!
Пусть вас минуют пули и гранаты,
Не мочит дождь и не томит жара,
Пусть будет вкусен хлеб простой солдата
И сладок сон у дымного костра!

* * *

А вас, мои мечты, когда-то, где-то
Придется мне осуществить сполна?
Филологического факультета
Аудиторий строгих тишина,
Знакомых книг любимые страницы,
Я и сейчас забыть вас не могу!

Ты и теперь не перестал мне сниться,
Знакомый дом на Невском берегу.
По вечерам, лишь только тень густая
Опустится на шумный Ленинград,
Друзей моих звонкоголосых стая
Ко мне слеталась много лет подряд.
Без хвастовства напрасного теперь я
Оценку нашим силам юным дам:
Росли у многих маховые перья
Подстать большим и сильным лебедям.
И я мечтал, чтоб песни не стихали,
Которые хотелось мне сложить, —
Простыми и веселыми стихами
Я думал милой Родине служить.
Но хочет враг, чтоб мы рабами стали
Без чувства и без мысли, и без слов,
Не думали по-русски, не писали
И не читали пушкинских стихов.
Чтоб не топтал надменно враг жестокий
Родную речь мою, мечты мои,
Пойду в бои за Пушкина и Блока,
Пойду за филологию в бои!

* * *

Любитель тишины, уединенья,
Старинных книг и молодых стихов,
Я прежде мало думал о сраженьях,
О свисте пуль и ярости штыков.
И зренье мое слабее нормы,
Я плечи, как над книгой, наклонил,
Я и поныне под армейской формой
Гражданские привычки сохранил.
Но это вовсе ничего не значит, —
Мне ненависть велела стать бойцом,
И я солдат страны своей, иначе
Я был бы трусом или подлецом.

Увлечены работой и мечтами,
Любили мы свой город над Невой,
Родную нашу землю под ногами
И небеса над нашей головой,
И Пушкина взволнованные строки,
И скрипки звук, и моря смутный гул...
Но подлый враг, коварный и жестокий,
На все, что мы любили, посягнул.
И защитить родную землю эту
Мы поднялись, сердцами горячи, —

Рабочие, ученые, поэты,
Артисты, инженеры и врачи.
Нас всех любовь на битву вдохновила,
Нам ненависть оружие вручила,
Нас матери благословили в бой.
Оправдывая имя ленинградцев,
Мы до победы не устанем драться
За благо нашей Родины большой!

ДЕВЯТНАДЦАТИЛЕТИЕ

Исполнилось мне девятнадцать.
Вы помните день мой, друзья?
Сегодня нам всем не собраться,
Но с вами попрежнему я.
Привет вам, друзья и подруги!
Я вас поименно зову,
Я мысленно жму ваши руки,
Я вижу вас, как наяву.
Чтоб вражьей кровавой расправы
Моя не узнала семья;
Чтоб пьяного немца забавой
Не стала невеста моя;
Чтоб то, что в мечтах я лелеял,
Я выполнить в жизни сумел;
Чтоб с номером бирку на шею
Никто мне одеть не посмел;
Чтоб было светло и красиво
В советских родных городах;
Чтоб зрели колосья на нивах
И яблоки рдели в садах —
К врагу я не знаю пощады,
Не буду в бою отступать,
Подобно бойцам Ленинграда,
Подобно бойцам Сталинграда,
Сражаясь за каждую пядь!
А если врагам всенародным
Позволю к Востоку пройти,
То пусть же на будущий год мне
В такой же вот день, как сегодня,
Не будет, друзья, двадцати!

— * —

ЧЕРНОЕ МОРЕ

Этих роз, и платанов, и здравниц прохладных,
Этой южной весны, что навек молода,
И твоих, моя милая, глаз ненаглядных
Не отдам никому! Никогда! Никогда!

Освещает дозор, полночь в тучах и звездах.
Пулеметчик стоит на морском берегу.
Как ракета, прорезав тропический воздух,
Самолет описал в синем небе дугу.

Не смиришься ты, море! Я знал это, верил.
В десять баллов взметнулась зеленая гладь,
Как дракон, изогнулась, рванулась на берег...
Здесь врагам не царить! Здесь врагам не бывать!

— * —

МЫ ВСЕ ОТСТОИМ!

Стальною лавиной
Раздавим врага,
Чтоб снова равнины
И рек берега
Свободными были!

Чтоб снова цветеньем
Шумели сады,
Чтоб враг на коленях
Пред нами застыл,
Страна дорогая!

Во имя свободы,
О, Родина-мать,
Любые невзгоды
Готов я принять,
Побед добиваясь!

В любые походы
Пойти я готов
За радости годы,
За нашу любовь
К тебе, дорогая!

И звонкие песни,
Что дети поют,
И Красную Пресню
Родную свою —
Мы все отстоим!

— * —

ЛУКОМОРЬЕ

1

Кто ответит—где она?
Затопило ее море, под землей погребена, ураганом сметена?
Кто ответит — где она, легендарная страна, старых сказок Лукоморье?

Лукоморье!
Где оно?
Не участвовал я в споре тех ученых, что давно потеряли Лукоморье
На страницах старых книг, в неизученном фольклоре —
Я иным путем проник в Лукоморье!

2

В разукрашенном челне шел навстречу я волне.
Показалось это мне или впрямь услышал я:
— Здесь волшебные края!
Легендарную страну
Вы отыщете, друзья,
На широком на Дону.
Это — родина моя!
Я спросил:
— Ты кто такой?
Над могучею рекой он стоял, казак донской,
На привольные низовья, на простор глядел морской.
— Что ж ты видишь за рекой, ты ответь, казак донской?
— На низовье в приазовье берег выгнулся лукой!
Зелен дуб шумит у моря, золотая цепь вокруг.
Старых сказок Лукоморье — это наш волшебный юг!
Славен юг цветущий наш,
Славен наш Донецкий кряж
Достославен наш Донбасс!

3

Так сказал он. Но тотчас речь с востока донеслась:
— А не хуже и у нас! А не хуже и у нас!
По горам и по лесам нет и счета чудесам!
— Нет и счета чудесам? А откудова ты сам?
— А оттуда я и сам! Есть иное Лукоморье!
Побывал мой пращур там, где лукой заходят в море
Эти горы! Между скал, пробираясь за Урал,
На восток мой пращур шел,
Лукоморье он искал —
И нашел!
Вот она — страна чудес!
Вы войдите в этот лес,
В лес, чьи корни до сердец, а вершины до небес!
Вы пройдите лес дремуч, поглядите с горных круч —
Ветер северный, могуч, гонит тучи снеговые,
У них выи меховые. Соболя летят седые,
Белки валятся живые и олениц младые
Из косматых этих туч.
Лукоморье тут мое!
Тут, румяна и богата, подарила мне копье
Дочь востока Дева-Злата!
С ней от моря и до моря через всю я шел Сибирь,
Разгулялся на просторе, славен, русский богатырь.
Старых сказок Лукоморье, славься вольная Сибирь!
Старых сказок Лукоморье, славься вольная Сибирь, сердцу русскому близка!

4

И слились тут в мощном хоре голоса сибиряка и донского казака

Старых сказок Лукоморье,
Славься ты, могучий Дон,
Где казак стоял в дозоре с незапамятных времен
Старых сказок Лукоморье,
Славься вольная Сибирь,
Где, с великой стужей споря, победил наш богатырь
На цветущем нашем юге достославен ты, Донбасс
А и там, где свищут вьюги, не беднее край у нас
На Кузнецком Алатау мы воздвигли города,
Жарок уголь там на славу, ярко искрится руда.
Золотые семена у кубанского зерна,
Многолетняя пшеница за Уралом взращена,
Ни мороза не боится и ни засухи она!
И не зря идет молва:
Лукоморья у нас два!

А быть может и не два!
Сказка чудная жива!

5

Побагровели небеса, в них громоздятся тучи.
Ты слышишь, слышишь голоса? Не слыхать бы лучше!
— Ой, горе!
Ой, горе!
Затопило-б лучше море!
Ураганом бы смело да песками замело!
Ой, горе! Ой, горе!
Ой, казачки вы донские, ой, рыбачки вы морские,
Пришел лютый враг на Дон, гонит немец нас в полон!
Ой, горе! Ой, горе!
На зеленый вертоград, на цымлянский виноград стаи
черные летят!
Ой, горе!
Горит Лукоморье!
Лукоморье, Лукоморье, хорома твои горят!

6

Смотри! Погас на Ай-Тодоре врагом разрушенный маяк,
И на Донское Лукоморье, и на Кавказские предгорья,
Повсюду сея смерть и горе, идет жестокий, лютый враг!
Пылают мирные селенья, огнем объяты города.
Несется весть об отступленьи...
Неужто это навсегда?
И волны грохочут на взморье,
И ветры в лесах зашумели:
Исчезло, ушло Лукоморье!
Хранить вы его не сумели!

7

Нет!
Так не будет!
Верю я:
Могуча Родина моя.
Мы все единая семья.
Мы защитим свои края!
Не рыскать тут тевтону-псу!
Я вижу:
В Муромском лесу
Проснулся Муромец Илья.
Я слышу, как издалека
Меня зовет он, исполин.

Тот голос не звучал века.
Что говорит герой былин?

Так говорит седой Илья:
— Тиха река моя Ока.
Тиха Ока, река моя.
А у реки-то у Оки
Когда-то жили ямщики.
Внимай: простые ямщики тут жили у реки Оки
Когда-то в давние века!
У одного-то ямщика, у старика, у ямщика
Ушел сынок на тихий Дон.
Вы про того про казака, про атамана Ермака,
Слыхали, люди? Где же он?

Пока дремал ты, богатырь, могучий Муромец Илья,
Твой внук Ермак ушел в Сибирь, за горы, в дальние края.
За горный камень он ушел, завоеватель и герой,
Да там и смерть себе нашел за дикой каменной горой!

— А нет, друзья, не верю я, —
Ответствует седой Илья. —
— Не умер вольный атаман!
Он жив, казак! Здоров казак!

И верно — из далеких стран Илье ответствует Ермак.

8

Голос Ермака:

— Я из монгольских вод
Встаю из Иртыша,
Из Иртыша встаю.
Родина зовет!
Горит моя душа!
Скорбит моя душа
За родину мою!
Вода степных озер
Сияет позади,
Гряда Уральских гор
Темнеет впереди:
«Гляди, казак, гляди!»
Волной шумит Иртыш:
«Услышь, Ермак, услышь!»
О, Дон, родимый Дон!
О, дом, родимый дом!
Ты помнишь, старый Дон,
О витязе младом!

Сибирь завоевал
Когда-то я, Ермак,
А кто же был Ермак,
Как не донской казак!
Теперь жестокий враг
Идет на тихий Дон.
Я встал, донской казак, —
Горит родимый дом!

9

И в ответ со всех сторон:
— Кто там тронул тихий Дон?
С дальних гор, покрытых льдом, в снежном сумраке седом,
Это эхо, точно гром:
— Мы идем! Мы идем!
Кто там тронул тихий Дон? Это наш родимый дом!
Был Ермак донской казак, мы оттуда род ведем!
Бьем мы зверя прямо в глаз, чтобы шкура не рвалась,
А тевтона мы ударим, чтоб вся шкура расползлась,
Чтобы шкура у тевтона вся на клочья расползлась!
Не уйдет живым он с Дона, не пробьется на Кавказ!

10

Слышишь!
Грянул этот бой,
Бой у Волги голубой,
Бой за горы и за море,
За Тбилиси и за Гори,
За Москву, за Ленинград,
За цветущий Ашхабад!
Бой за Кемь, бой за Свирь
И за дальнюю Сибирь!
Бьет врага донской казак,
Бьет тевтона сибиряк!
Бей!
В огне зенитном тая,
Пал упырь в степной ковыль,
Но опять за стаей стая, вихри смрадные взметая,
Слепо мчит сквозь дым и пыль.
Там, в районе Сталинграда,
Длится бой за каждый дом,
Каждый дом врагу преграда!
Нет! Мы с Волги не уйдем!
Не оставим Волгу-мать,
Не дадим мы Русь распять
На кресте кладбищенском, в одеянье нищенском!

В Лукоморье южное ворвались враги,
Лукоморье вьюжное, север, помоги!
Братья!
Слышите вы, братья!
Ждет Россию-мать распятье, поруганье и позор.
Бой жесток. Рази в упор!
В бой вступает Святогор.
К вам взывает Святогор!

11

Ты не умер, Святогор?
Жив я! Живы все, кто храбр!
Всех я крепче и старей!
Жив я! Славный ваш Октябрь
Возродил богатырей!
Жив я! Жив я наяву!
В каждом сердце я живу!
В русской я живу душе!
Новгородец Святогор, — самый древний богатырь, —
В русской я живу душе на Неве, на Иртыше...
Слышишь, Кемь? Слышишь, Свирь? Слышишь, дальняя Сибирь?

Слышим, слышим, Святогор, новгородский богатырь!
Слышим, дед богатырей!
Всех старее и храбрей и сильнее на земле, где ты, дед богатырей?
Покажись ты нам скорей!
Где ты, дед?
— Я здесь! В Кремле!
Я со Сталиным в Кремле!
Здесь, в московском я Кремле!
Весть летит по всей земле — я со Сталиным в Кремле!
Я со Сталиным в Кремле, значит Родина жива!

Лукоморья у нас два,
А быть может и не два,
Но одна у нас Москва, златоглавая Москва!

12

И видел я: в часы отлива,
Как будто скорбью обуян,
Свои бушующие гривы
Катил обратно океан.
Я помню ночи:
Скорбь и горе,
Огонь пожаров, дымный мрак...
И на Донское Лукоморье,

И на Кавказские предгорья
Победно рвался лютый враг.
Неужто не взойдет обратно,
Но закатилась навсегда
Или померкла безвозвратно
Моя счастливая звезда?
Нет! Неизбежен срок прилива,
Чтоб встали из кромешной мглы,
Взметая пенистые гривы,
Неукротимые валы.
Они грохочут, исполины.
Смотри! В сиянии зари
Как бы выходят из пучины
Могучие богатыри.
За дело русское бороться
Идут потомки Ермака —
Кровь волгаря и новгородца
Кипит в груди сибиряка!
За дело русское бороться
Идут и деды, и отцы —
Сибиряки, и новгородцы,
И вологжане, и донцы!
В порыве мощном, непреклонном
Идут лавиной. Вот когда
Она встает над небосклоном,
Моя счастливая звезда.
Идет вся Русь на бой с тевтоном.
Мы не отступим никогда!

13

И ветры в могучем хоре взывают, пеня волну:
— Спасайте свое Лукоморье, родную спасайте страну!
Отступишь — и будет великое горе,
Мать-Родина будет в плену,
И Черное море, и Белое море в соленое море, в слезовое море —
В пучину сольются одну!
Спасайте же, братья, свое Лукоморье,
Родную спасайте страну!
Поволжья решится судьба в Черноморье,
Сибири судьба — на Дону!
Спасайте же, братья, свое Лукоморье, родную спасайте страну!

— * —

Академик Б. М. ЗАВАДОВСКИЙ

КРАЙ НЕПОЧАТЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Каждого, кто впервые въезжает на территорию Сибири, невольно охватывает чувство необъятности пространств нашей родины. Как много здесь громадных еще неиспользованных возможностей! В этом один из добавочных факторов непобедимости нашей страны, в этом источник полной уверенности в своей силе. И еще более крепнет убежденность в том, что как бы ни были тяжелы, как бы ни были кровоточащи раны, наносимые нашей родине коварным и подлым врагом, никогда не торжествовать ему победы, никогда не станет советский народ рабом немецких «господ»!

Но тем большая ответственность ложится на восточные области СССР, в том числе на Сибирь, в деле мобилизации средств борьбы, в деле реализации всех еще неиспользованных возможностей. Не когда-нибудь, не в какие-то отдаленные дни расцвета «страны будущего», — как назвал Сибирь Нансен, — а сегодня, немедленно, когда так дорог каждый час, когда «промедление смерти подобно»,—в самом реальном, ощутимом смысле этого слова,—должны быть выявлены и использованы против врага лежащие под спудом ресурсы, ибо каждая минута пребывания фашистских зверей на нашей родной земле несет с собою новые тысячи смертей, издевательств, насилий над нашими отцами, матерями, сестрами и детьми.

Цель данного очерка показать хотя бы частично, какими неисчерпаемыми ресурсами располагает Омская область и какую роль в укреплении экономической и военной мощи нашей родины сможет сыграть их использование.

1

Омская область — лишь небольшая часть огромной территории Сибири, равная 1 447 тыс. кв. километров. На этой площади могли бы уместиться четыре крупнейших государства довоенной Европы— Германия, Франция, Италия и Англия вместе взятые. Сравнение и масштабы обязывают нас к очень многому.

О таящихся на этой обширной территории богатствах не в праве забывать ни один советский патриот. Иногда этому противопос-

тавляется то соображение, что значительная часть громадного пространства Сибири, и, в частности, Омской области, находится в полосе недоступных тундр и лесов. Напомним, что, благодаря энергичным мероприятиям советского правительства по изысканию и прокладыванию Великого северного пути, мы уже нашли ключи к богатствам нашего крайнего севера. Начнем хотя бы с того, что на севере области находится свыше 20% всего поголовья оленей СССР! Вряд ли нужно напоминать, как нужны и ценны в наше время пушнина, оленья шкура и другие продукты промыслов крайнего севера, обеспечивающие бойцов Красной Армии, наших доблестных летчиков, лыжников теплой зимней одеждой. Известно, что луговые угодья нижнего течения Оби и прилегающих тундр способны прокормить до одного миллиона голов крупного рогатого скота.

Кто не знает ценности лесных богатств сибирской тайги! В Омской области имеется 20 млн. гектаров площади, покрытой лесом, с ежегодным приростом древесины в 17 млн. куб. метров. В 1937 г. общий объем лесозаготовок составлял лишь 2 734 тыс. куб. метров, или 16% этого годового прироста.

Неисчислимы богатства северной тайги кедровым орехом, ягодниками и другими высокоценными растительными продуктами.

Неисчислимы также торфяные богатства Омского севера.

Наряду с указанными выше специфическими для крайнего севера продуктами особое место занимают неисчерпаемые рыбные богатства Омской области, заключенные во всех водоемах бассейна Оби и Иртыша и в бесчисленных озерах лесостепной и степной южной части области.

Бассейн Оби захватывает территорию в 2 942 тыс. кв. километров. Бассейн Волги равен 1 459 тыс. кв. километров. Это значит, что питающая площадь Обского бассейна превосходит Волжский в два раза. Морские и океанские просторы, питающие Обскую губу красной и белой рыбой, несоизмеримы по огромности с водными богатствами замкнутого Каспийского моря. Это значит, что рыбные промыслы Обского бассейна теоретически способны дать нашей стране ценнейшей рыбы на много больше, чем дают промыслы Каспийского моря.

Возможный вылов рыбы в одном лишь устье Оби по самым преуменьшенным расчетам составляет не менее 1 млн. центнеров ежегодно. В 1936 г. было выловлено всего лишь 251 тыс. центнеров, т. е. четвертая часть возможного улова. Отсюда следует, что в развитии рыбных промыслов Омской области возможен громадный скачок вперед. На это уже обращено внимание высших правительственных органов. Задача местных работников претворить в жизнь директивы партии и правительства, направив свою энергию и инициативу на увеличение добычи рыбы и создание новых источников снабжения продуктами промышленных центров и армии.

Реальность и выполнимость этих задач видны из того, что благодаря проведенным мероприятиям в этом году удвоенный по сравнению с прошлым годом государственный план успешно осуществляет-

ся рыболовами низовьев Оби. Необходимо при этом обратить внимание не только на повышение количественных показателей добычи рыбы, но и на расширение качественного ассортимента ее.

Нам приходится слышать, что целый ряд ценнейших сортов рыбы, рассматриваемых в центральных областях СССР как деликатессы,— например, навага и минога, — по странному предрассудку не используются населением и рыболовами Сибири. Громадное количество миноги и наваги, поднимаемое сетями, выбрасывается рыбаками обратно в воду. Необходимо отрешиться от этого предрассудка, следует провести разъяснительную работу среди рыболовецких артелей и всего населения области и тем самым расширить возможности и источники снабжения населения питательными продуктами высокой ценности.

Как на существенное препятствие в развитии рыбного промысла области ссылаются на недостаток соли. Такие высказывания принадлежат тем же людям, которые нередко говорят об общей бедности геологических недр области, об отсутствии на территории области вообще каких-либо ценных ископаемых. Это мнение явно несерьезное и вредное. Ошибочность такого мнения опровергается фактами. Уже сейчас известны на восточных окраинах Урала залежи бурого угля, железа, марганца, меди, золота и серебра, в районах Сургута и Самарова обнаружены признаки нефти. Да и можно ли допустить, чтобы территория, равная половине Западной Европы, не имела богатств в недрах земли? Нет сомнений, что они есть, но их надо искать. Можно ли допустить, чтобы на территории области, насчитывающей десятки и сотни соленых озер, нельзя было поставить в широких размерах добычу соли, как и других минеральных богатств, необходимых для развития местной промышленности!

Близ южных границ Омской области расположен замечательный уголок природы Казахстана — курорт «Боровое», включающий свыше 100 озер самого разнообразного типа как пресноводных, так и содержащих концентрированные соли. Эти озера таят в себе неисчерпаемые богатства не только поваренной соли, но и такие ценнейшие минералы, как глауберова соль и другие сульфаты, минеральные воды, целебные грязи и т. д.

Их продолжением в Омской области является замечательное озеро Эбейты, имеющее площадь в 80 кв. километров с придонными пластами сульфатных и хлоридных солей, общее количество которых равно предположительно 42 млн. тонн.

В 1942 г. уже начаты разработки соли на этом озере с планом добычи в 78,7 тыс. тонн.

Но Эбейты — это лишь одна из многих озерных солевых жемчужин области.

Можно ли при этом говорить о недостатке соли и продолжать надеяться на ее подвоз извне!

2

В качестве примера, как много зависит от проявленной инициативы, достаточно привести следующие факты.

До войны Омская область, как и другие области Сибири, получала минеральные корма, необходимые для животноводства, с берегов Черного моря или из Белгорода. С начала войны местное животноводство, за неимением собственных источников получения минеральных кормов в области, оказалось перед неразрешимой, как некоторым казалось, задачей. Но понадобилось немного времени, чтобы работники эвакуированной в Омск Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, опираясь на консультацию такого квалифицированного геолога, как профессор П. Л. Драверт, нашли в 180 километрах от Омска (Карабашево, Солдатского района) залежи озерного мела — лимнокальцита, который вполне заменяет обыкновенный мел. В последнее время залежи известняка найдены в самой черте города Омска на берегу Иртыша, близ станции ВИМЭ.

Научный сотрудник Академии тов. Берзин в опытах на свиньях и коровах показал, что немеиьший эффект в качестве минеральной подкормки дает березовая зола, на недостаток которой, конечно, никто в области пожаловаться не может.

Эти местные источники должны быть широко использованы колхозами, совхозами области для того, чтобы быстро и коренным образом разрешить проблему минеральной подкормки, отсутствие которой значительно задерживает развитие животноводства.

Необходимо также разрешить более общую и капитальную задачу по исследованию недр области, имея в виду снабжение местным сырьем развивающейся промышленности и изыскание заменителей дефицитных материалов.

Над разрешением этих задач уже работают руководящие органы области. Но разрешение их во многом зависит от инициативы местных работников. Омск и вся область весьма бедны квалифицированными кадрами геологов. Но почему не вспомнить в этой связи о той громадной роли, которую сыграли в ряде случаев юные натуралисты — геологи-разведчики и которых надо только снабдить хорошими инструкциями? Почему не вовлечь в это дело преподавателей средней школы, инициатива и руководство которых должны пробудить среди школьников соответствующий интерес и привести к организации специальных туристских групп, выполняющих эту увлекательную для ребят и необходимую для всей страны работу по изучению ископаемых богатств родного края?

Наконец, в соседней, Свердловской области работает специальная комиссия Академии наук по изысканию и использованию производительных сил восточных областей. Многое зависит от местной инициативы, чтобы привлечь внимание этой мощной научной организации к столь важному для области делу.

3

В отношении земледелия Омская область имеет ряд существенных достижений.

Помимо расширения площади пахотных земель и, следовательно,

значительного увеличения количественных показателей урожая, на наших глазах происходит значительное расширение также ассортимента возделываемых в области культурных растений, которые раньше были в этих местах необычны, а именно: сахарной свеклы, кок-сагыза, ряда новых масличных культур, хлопка и т. д.

Ни в чем не проявляется так ярко экономическая мощь области и удельный вес, занимаемый ею в народном хозяйстве страны, как в росте растениеводства.

Посевная площадь области увеличилась с 1 300 тыс. гектаров в 1913 г. до 2 926 тыс. гектаров в 1937 г., а в 1940 г. — до 4 400 тыс. гектаров. В 1943 г. намечается прирост посевной площади еще на новые сотни тысяч гектаров.

Увеличивается также урожайность полей и удельный вес, занимаемый областью в зерновом хозяйстве СССР. В 1913 г. — наиболее урожайном году до революции — посевная площадь Омской области составляла всего лишь 1,27 проц. общей посевной площади страны, а в 1939 г. — 2,6 проц., т. е. относительный удельный вес ее увеличился вдвое. В то же время средняя урожайность в период с 1909 по 1913 г. равнялась 53 млн. пудов, а в 1938 г. валовой сбор по области вырос до 242,6 млн. пудов, т. е. в 4 раза по сравнению с 1913 г. Другими словами, если средняя урожайность на гектар за упомянутые пять лет, с 1909 по 1913, равнялась 5,9 центнера, то к 1939 г. уровень урожайности зерновых увеличился более чем вдвое и равнялся в среднем 13,8 центнера с гектара.

Все эти успехи, этот громадный рост урожая оказались возможными в условиях социалистического строя и коллективизации сельского хозяйства, принесших громадное оснащение сельского хозяйства машинно-тракторным парком и разбудивших энтузиазм и творческую инициативу работников сельского хозяйства.

Война с особенной наглядностью показала, что может сделать воля человека, борющегося за свою свободу и счастье. Несмотря на уход наиболее квалифицированных и подготовленных мужских кадров в ряды Красной Армии, несмотря на значительные трудности с транспортом и снабжением горючим тракторов, колхозники и рабочие совхозов, опираясь на помощь городского населения и школьников старших классов, успешно справились в 1942 году с посевом и уборкой урожая.

Омск и Омская область являются родиной таких новаторских и перспективных мероприятий, как новые виды зерновых посевов — пырейных гибридов, выводимых академиком Н. В. Цициным, как замечательные методы «сибирского Мичурина» — профессора А. Д. Кизюрина, показавшего возможность в условиях суровой сибирской природы культивировать ценные культурные сорта плодовых деревьев путем приземления стволов и ветвей и тем открывшего неограниченные возможности для расцвета садоводства в области.

Из Омска исходят ценнейшие предложения и руководящие указания академика Т. Д. Лысенко об использовании верхушек клубней картофеля, о способах повышения всхожести семян, о сроках посевов

и уборки хлебов и т. д., оказавшие громадную помощь стране в обеспечении полей посевным материалом в условиях войны и в деле общего повышения урожайности.

Здесь же многим из нас впервые пришлось столкнуться с малоизвестным в центральных областях Союза народным способом выращивания овощей непосредственно на кучах навоза — способом, дающим раннее созревание овощей, благодаря которому даже на крайнем севере уже в июле имеются свежие огурцы.

Это лишь начало, лишь первые шаги в использовании необъятных возможностей, которыми обладает область. Тем более хочется говорить о тех, еще нетронутых возможностях, которые стоят на очереди дня. Пять миллионов гектаров пахотных земель области составляют только одну тридцатую часть всей ее территории, а освоить можно во много крат большую площадь. Еще больше можно сделать по повышению урожайности полей.

Начнем с основных агротехнических мероприятий. Каким диссонансом звучит тот факт, что, наряду с народным способом выращивания полноценных урожаев овощей на навозных кучах, здесь же в области приходится встречаться с распространенным мнением о ненужности и чуть ли не вредности применения удобрений в сельском хозяйстве. Еще не все достаточно осознали, что если без удобрений плодородные почвы Сибири дают урожаи в 6—8 центнеров с гектара, то после внесения удобрений и применения других мер передовой агротехники эти урожаи можно повысить до 60 центнеров, т. е. поднять их в 10 раз. Об этом свидетельствуют прямые факты замечательных ефремовских урожаев, полученных сперва в передовом крае Сибири — Алтайском и повторенных в ряде передовых колхозов и совхозов Омской области. Так, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в 1940 г. были показаны достижения передовых колхозов Исилькульского и Называевского районов — «За орден Ленина», имени Ленина, «Красный Октябрь» и др., которые получили на круг по 17 центнеров зерна с гектара, а отдельные звеньеводы, как, например, т. Ратников из колхоза имени Кирова, или звено т. Овчинникова из Называевского района, получили с рекордных участков по 57—60 центнеров с гектара[1].

Тем более грустно видеть, проезжая по полям области, наряду с прекрасными, ровными и высокими посевами хлебов, площади посевов, заглушаемых сорняками.

А как велики потери урожая, допускаемые при уборке хлебов в прошлые годы и даже в военном, 1942 году!

Академик Т. Д. Лысенко недавно проводил простой подсчет, что, если с каждого колоса хлебов будет утеряно при уборке хотя бы одно-два зерна, то это даст понижение урожая на 1—2 центнера с гектара, а с сотни тысяч гектаров посевных площадей — сотни тысяч центнеров утерянного хлеба! Но ведь фактические потери, имеющие место на сегодняшний день, неизмеримо больше!

---

[1] См. брошюру „Омская область на I СХВ в 1940 г.“, ОМГИЗ, 1940 г.

А сколько зерна теряется вследствие зараженности полей полевыми мышами, кротами и другими вредителями сельского хозяйства!? И ведь нельзя сказать, чтобы бороться с этими вредителями полей было трудно. Основным фактором огромной размножаемости полевых грызунов служат упомянутые выше потери зерна, которым усеяны поля после уборки, где грызуны находят себе богатую пищу зимой. Что же удивительного в том, что с наступлением лета уже имеются налицо миллиарды потребителей — грызуны, которые раньше нас успевают собирать жатву с наших посевов!

Организовав должным образом борьбу с потерями зерна при уборке, мы тем самым заложим фундамент и для борьбы с размножением полевых вредителей.

Большую помощь сельскому хозяйству, как уже упоминалось выше, оказали школьники. Почему не использовать их для борьбы с полевыми вредителями? Нам кажется, что это сделать можно и нужно. Необходимо, чтобы в зиму 1942/43 г. наши школы дали детям указания и навыки по целому ряду более дифференцированных приемов борьбы за урожай, направили пытливый ум и инициативу школьников-юннатов именно на эти, еще мало испытанные в области меры борьбы с вредителями сельского хозяйства, борьбы с сорняками и т. д.

Столь же необходимы и обязательны мероприятия по широкому использованию удобрений, как дополнительного могучего фактора повышения урожая. И здесь наше внимание привлекает к себе прежде всего вопрос о рациональном использовании удобрений в условиях пригородных хозяйств.

Задачи снабжения городского населения продуктами питания, в особенности в условиях военного времени, приобретают огромное значение. В условиях Сибири эти вопросы встают совершенно по-новому потому, что население ее городов пополнилось в связи с эвакуацией промышленных предприятий и населения городов прифронтовой полосы. Меняется вид городов Сибири, превращающихся в крупные индустриальные центры. Причем нет никаких сомнений, что индустриализация Сибири после войны не только не приостановится, но пойдет еще более энергичными темпами.

Совершенно немыслимо оставаться на том уровне экстенсивного ведения пригородных хозяйств, на котором они находятся до сих пор. Применение удобрений здесь является первым и основным массовым мероприятием, обеспечивающим хороший урожай. В условиях городов Сибири это мероприятие тем более насущно и необходимо, что оно должно быть увязано с другими не менее важными и срочными мероприятиями, направленными на поднятие общей культуры и санитарно-гигиенического состояния городов.

Большинство городов Сибири не имеет правильно поставленной канализации. Накапливающиеся в течение зимы нечистоты угрожают весной и летом затоплением дворов и улиц и служат источником разнообразных инфекций.

По опыту такого крупного областного центра, как Омск, мы мо-

жем наблюдать, что оба эти одинаково важные мероприятия — с одной стороны, очистка города от нечистот, а с другой стороны, снабжение пригородных хозяйств богатыми удобрениями — никак не увязаны друг с другом. В результате отдел санитарного устройства города бьется над разрешением проблемы транспорта для вывозки нечистот, а трест пригородных хозяйств, до сих пор не догадавшийся о возможности и необходимости использования фекальных масс для своих целей, снимает с полей очень низкий урожай овощей. Между тем есть все возможности для того, чтобы, не дожидаясь организации специальных полей орошения и оборудованной канализации в городах Сибири (что, конечно, также стоит на очереди дня), использовать фекальные массы в качестве удобрения полей пригородного хозяйства. Это уже практикуется в центральных областях СССР, где колхозы вывозят нечистоты города на свои огороды. Надо, чтобы подобные примеры возможно быстрее вошли в практику колхозов и совхозов и пригородных хозяйств восточных областей.

4

В условиях Сибири приходится встречаться в еще большей мере, чем в центральных областях, с недостаточным пониманием всей важности вопроса о качестве питания населения. Ряд овощных культур, наиболее богатых витаминами — цветная капуста, салат, отчасти даже помидоры — еще не вошел в повседневный обиход местного населения. Очень мало выращивается ранних овощей, являющихся основным источником витаминного питания весной после суровой и длительной зимы. Чрезвычайно трудно приобрести в городах области не только плоды, но и ягоды. Уныла и однообразна картина сел и деревень, лишенных зачастую каких бы то ни было садовых насаждений, а между тем леса области дышат ароматом великолепных ягод, до которых не дотянулась человеческая рука!

В условиях Омской области организация плодо-ягодных насаждений значительно облегчается тем, что именно здесь развернул свою плодотворную деятельность такой замечательный садовод, как проф. А. Д. Кизюрин. Руководимый им питомник ОМСХИ способен выдать до 50 тыс. привитых саженцев плодо-ягодных растений. Между тем, как это ни странно, осенью 1940 г. весь заготовленный питомником материал саженцев был использован Свердловской областью, а Омская область проявила в этом отношении непозволительную пассивность. Та же картина повторилась и осенью 1942 г.: запросы на саженцы поступили из Челябинской и других смежных областей, но не из хозяйств нашей, Омской области.

Необходимо в корне преодолеть существующие неправильные представления, что якобы в условиях войны можно и должно заниматься лишь скороспелыми овощными и ягодными культурами, т. е. дающими плоды в том же году, и что не время заниматься посадками плодовых деревьев. Надо иметь в виду, что нынешняя война, принесшая разорение целому ряду культурных областей и районов нашей

социалистической родины, в том числе таким очагам плодо-ягодных культур, как Крым и Украина, оставит свои следы на многие годы. Поэтому на восточные области Союза ложится вдвойне ответственная задача — возместить уменьшение площади, занятой под плодо-ягодными культурами, развитием этой отрасли народного хозяйства.

Необходимо наряду с этим мобилизовать все средства, в том числе силы школьников, на сбор лекарственного сырья и таких богатых витаминами дикорастущих ягод, как клюква, земляника, шиповник, целебное значение которых неизмеримо превышает их вкусовые качества.

5

Животноводство Омской области имеет древние исторические корни. Беспредельные степи Западной Сибири и Казахстана являлись издавна местом обитания кочевников, для которых животноводство служило основным средством существования. Если искать примеры для перспектив развития животноводства Западной Сибири, то прежде всего встают в памяти прерии Соединенных Штатов Северной Америки и степи и пустыни Южной Австралии.

В Австралии с ее площадью в 7 636 тыс. кв. километров в 1933 г. имелось 107 млн. овец, 12,8 млн. голов крупного рогатого скота, 2,9 млн. свиней и 1,3 млн. лошадей. Если исходить из этих цифр, то это значит, что на территории Омской области может прокормиться не менее 20 млн. скота против тех 2 — 3 млн., которыми она обладает в настоящее время. Возможности поистине грандиозные и вполне осуществимые!

Что необходимо сделать для того, чтобы осуществить эту перспективу?

Прежде всего нужна крепкая воля и сознание возможности и необходимости такого роста этой важнейшей отрасли народного хозяйства и отход от той рутины, которая проявляется в отношении животноводства в ряде районов и звеньев земельного аппарата.

Еще до недавнего времени система оплаты труда колхозников была построена так, что она не обеспечивала достаточной материальной заинтересованности колхозников в развитии животноводства. Теперь изменена эта система. Но здесь необходима еще большая работа для того, чтобы соответствующие указания партии и правительства, данные в постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О мерах сохранения молодняка и увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах» (март 1942 г.), были целиком и полностью проведены в жизнь.

До сих пор даже в совхозах и колхозах животноводческого направления очередные задачи посевной или уборочной кампании постоянно отодвигают на задний план насущные мероприятия по развитию своих специальных отраслей животноводства.

Необходимо, чтобы по всей линии земельной системы от руководства облзо и до низовых звеньев колхозов и совхозов развитию жи-

вотноводства уделялось такое же внимание, как и очередным задачам зернового хозяйства.

Наряду с этим и в системе самих зоотехнических мероприятий нужно провести коренную и срочную перестройку.

Необходимо, наконец, тщательно изучить и срочно исправить ошибки прошлого, вроде, например, таких нелепостей формального планирования, которые исключили из числа плановых пород по Западной Сибири замечательную сибирскую корову, отличающуюся наряду с приспособленностью к условиям сурового климата Сибири также и рекордной жирностью молока.

Академик Е. Ф. Лискун сообщил, что ему пришлось видеть у директора совхоза имени Харламова выбракованную по соображениям «неплановости» сибирскую корову, дающую при 6,5 проц. жирности молока ежедневно 1 килограмм масла.

Пора положить конец подобным нелепостям формального планирования, уже значительно сузившим масштабы разведения сибирской коровы и наносящим неисчислимый вред животноводству.

Необходимо упомянуть еще и о следующем.

В практике некоторых работников животноводства области живут еще до сих пор традиции кочевого прошлого, когда все животноводство опиралось на неограниченные пространства пастбищ, сменяемых по мере их истощения. Условия экстенсивного хозяйства и здесь, как и в агротехнике, не требовали ряда дополнительных, несколько трудоемких мероприятий, ставших совершенно необходимыми в новых условиях.

В условиях кочевья местный малорослый и приспособившийся к степным, засушливым условиям скот легко находил себе достаточное количество кормов, обеспечивавшее потребность организма в белках, витаминах и минеральных компонентах. Все эти требования не могут быть так легко удовлетворены в новых условиях разведения улучшенных культурных и более изнеженных пород скота на значительно ограниченных пастбищных пространствах. Эти пространства в Сибири, конечно, несравненно больше, чем в европейских областях СССР, что именно и является вредным источником самоуспокоенности местных работников.

Нельзя забывать, что местные степные пастбища — это далеко не те богатые альпийские луга, которые имеются на Кавказе и в Алтайском крае. Скудные, малорослые травы степной области Западной Сибири и Казахстана, быстрое уничтожение ее стадами в период цветения растений, а также значительная насыщенность лугов и пастбищ малопитательными кеерофитами или полынью, не только создают во многих случаях условия витаминной недостаточности, но и не обеспечивают заготовки полноценного по содержанию витаминов сена.

Повидимому, именно это обстоятельство является одной из причин того, что даже в условиях такого передового и образцового хозяйства, как конзавод № 40, из года в год процент зажеребляемости кобыл низок, а в 1942 г., при общем блестящем состоянии уни-

тапности поголовья, можно было установить очевидные симптомы функциональных нарушений полового цикла и в процессах размножения значительного числа коней.

Наши опытные работы на этом заводе, не исключая влияния и каких-либо других еще не вскрытых фактов, приводят нас к заключению, что одной из важнейших причин этих нарушений в функциях половой системы является недостаточность витаминов А и Е, т. е. тех витаминов, которые наиболее близко связаны с функциями размножения.

Все это заставляет обратить самое серьезное внимание на вопросы кормления и в частности на энергичное введение посева таких кормовых культур, как люцерна, вика, как изготовление силоса, который почему-то даже там, где он имеется, употребляется главным образом на корм крупного рогатого скота, но не дается лошадям. В специальных случаях мы рекомендуем обратить внимание на использование проростков пшеницы и ячменя и, наконец, на использование зародышей пшеничного зерна, являющихся лучшим концентратом витамина Е, т. е. витамина размножения. На чрезвычайно неблагополучное состояние вопроса минеральной подкормки мы уже указывали.

Требуется неотложная перестройка всей структуры хозяйств, до сих пор рассчитывавших на самотек в обеспечении сельскохозяйственных животных кормами и не имевших дела с массовыми мероприятиями по посеву интенсивных кормовых культур.

Только на основе правильно организованного кормодобывания и введения дополнительных кормовых культур местные степные пастбища раскроют свои возможности до предела, позволят достичь тех показателей в области животноводства Сибири, которых мы можем и должны добиться и которые поставят его, будем надеяться в близком будущем, на один уровень с передовым животноводством Австралии и США.

Академик Е. Ф. Лискун приводит ценнейший материал по результатам правильно организованного кормления и раздоя коров на основании опытов, поставленных в Западной Сибири еще в период 1925 — 1927 гг. и подтвержденных в последние годы опытом передовых — Раменского, Луховицкого и др. — районов Московской области[1]. Как показал опыт, в короткий срок можно повысить удои коров в 2—3 раза, применяя главным образом лишь сочные и грубые корма. Таким образом коровы местной сибирской породы повышали удой молока до 2 — 3 тыс. литров в год вместо 700 — 800 литров, а коровы улучшенных пород — до 6 тыс. литров и более. Применяя улучшенные условия кормления, можно получить значительное повышение привеса телят, улучшение шерстной продукции у овец. Есть все основания рассчитывать, что широкая пропаганда и применение методов улучшенного кормления вскоре дадут свои результаты по всей сети колхозов и совхозов Омской области.

---

[1] См. журн. „Социалистическое сельское хозяйство“ № 5 за 1942 г.

Уже в нынешнем, 1942 г. под руководством академика Лискуна и силами Омской опытной станции по животноводству методы обильного снабжения коров сочными и грубыми кормами были применены в Ульяновском районе и помогли этому району занять первое место в социалистическом соревновании районов по развитию животноводства. В одном из колхозов вновь выявленная рекордистка корова «Сорока», получая ежедневно до 25 килограммов силоса, повысила удой молока с 8 до 35 литров в день, а вся группа из 9 коров стала давать в среднем по 23 литра.

Задачи быстрейшего роста поголовья сельскохозяйственных животных обязывают нас максимально использовать все доступные средства, повышающие размножаемость. В этих целях наряду с улучшением качества кормов сельскохозяйственных животных огромное значение могут и должны сыграть новейшие достижения науки, позволяющие регулировать процессы размножения путем применения методов искусственного осеменения, искусственного вызова течки и овуляции, а также многоплодия у сельскохозяйственных животных.

6

Если есть основание говорить о недостатке внимания к развитию животноводства в области в целом, то еще печальнее обстоит дело с мелким животноводством и в первую очередь птицеводством.

Омская область обладает исключительными возможностями для развития птицеводства и в особенности для разведения водоплавающей птицы. Профессор П. Б. Ризга, крупнейший специалист по птицеводству, после объезда осенью 1941 г. Омской и Новосибирской областей утверждает, что нигде в мире нет такого обилия водоемов, насыщенных естественными кормами и предоставляющих другие условия для разведения водоплавающих птиц.

Столь же благоприятны условия Западной Сибири для разведения кур. Этот вопрос весьма интересно и оригинально освещен в статье И. Колесника[1], который на основе опыта Украины рекомендует организацию специальной формы «полевого птицеводства», утверждая, что на каждом гектаре колхозной земли можно обеспечить содержание в полевых условиях нескольких десятков кур в течение всей весны, лета и осени без специальных дополнительных затрат на корма.

В прошлом Западная Сибирь являлась одним из главных поставщиков индеек, гусей и других видов птиц для всей страны.

В полном противоречии с этими возможностями стоит действительность сегодняшнего дня. В одной лишь довоенной Дании имелось до 26 млн. кур, а Омская область, способная вместить на своей территории несколько десятков таких Даний и, следовательно, прокормить свыше сотни миллионов птицы, могла насчитать к концу 1941 г. каких-нибудь 340 тыс. домашних птиц, включая водоплавающую. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 15 марта

[1] См. журн. „Социалистическое сельское хозяйство" № 5 за 1942 г.

1942 г., это поголовье должно было в 1942 г. сильно возрасти и достигнуть 1 100 тысяч. По инициативе секции животноводства ВАСХНИЛ, Обкомом партии и Исполкомом облсовета было принято развернутое постановление, имеющее задачей обеспечить развитие птицеводства в области. К сожалению, вследствие пассивности Облзо в этом вопросе фактически ни один из пунктов этого постановления не проведен в жизнь и вопросы развития птицеводства в области ждут еще своего разрешения.

Надо принять все меры к тому, чтобы ошибки прошлых лет не повторились и в предстоящем, 1943 г.

Птицеводство — наиболее скороспелая отрасль животноводства. Кроме мяса, обеспечивающего снабжение ценным диэтическим продуктом наших раненых и больных бойцов Красной Армии и детей, птицеводство снабжает нас также и таким ценнейшим диэтическим продуктом, как яйца.

Вот почему заботы о развитии птицеводства должны стать предметом внимания всех колхозов и совхозов, всего населения Омской области.

Говоря о развитии птицеводства, как важнейшей самостоятельной отрасли сельского хозяйства, нельзя забывать и роль птицеводства в его сочетании с другими отраслями сельскохозяйственного производства.

В упомянутой уже нами статье т. Колесник сообщает замечательные результаты использования кур при их полевом содержании для борьбы с вредителями сельского хозяйства. В целом ряде районов Украины при помощи кур полностью были искоренены такие сельскохозяйственные вредители, как свекловичный долгоносик, клоп-черепашка и т. д., чем сэкономлены миллионы рублей, затрачиваемые на химические меры борьбы с ними.

Установлено, что одна курица в течение дня съедает до 1 500 клопов-черепашек или более 1 000 долгоносиков, причем сюда не входит еще большое количество насекомых, которых курица убивает, не сумевши съесть.

Тов. Колесник сообщает, например, слудующие сравнительные цифры: в 1940 г., когда колхоз имени Полякова, Миргородского района, не применял кур на борьбе с долгоносиком, «было затрачено на борьбу с этим вредителем 3 тыс. трудодней и пересеяно 120 га свеклы. В 1941 г., несмотря на то, что залегание долгоносика с осени было в два раза больше по сравнению с 1940 г., колхоз затратил на борьбу с долгоносиком лишь тысячу трудодней и не пересеял ни одного гектара свеклы».

Мы видим таким образом, что, правильно применяя методы полевого птицеводства, можно не только в значительной мере разрешить столь острую для Сибири проблему борьбы с вредителями сельского хозяйства, но и «переработать» эти массы вредителей в добавочные тонны куриного мяса.

В условиях засоренности сибирских полей зерном-падалицей, сорняками и животными-вредителями, — а известно, что куры энергично

и охотно преследуют и заклевывают также и полевых мышей, — организация полевого птицеводства в Омской области должна дать исключительно большой эффект как в увеличении поголовья самой птицы, так и в борьбе с вредителями сельского хозяйства.

Говоря о домашней птице, нельзя не вернуться к вопросу использования естественных богатств края в виде огромных количеств дикой птицы. Эти вопросы не первый год разрабатываются и, в частности, прекрасно освещены профессором А. В. Федюшиным в статье, помещенной в журнале «Социалистическое сельское хозяйство» № 5 за 1942 г.

Западная Сибирь и в особенности Омская область обладают исключительными богатствами дикой птицы. Это можно видеть из следующих цифр. Планы заготовок дикой птицы по всему СССР из года в год вращаются вокруг цифры в 5 млн. голов. Около половины этой цифры приходится на Западную Сибирь. Еще в 1931 г. в Омской и Новосибирской областях было заготовлено 2 461 тыс. дикой птицы, т. е. ровно столько, сколько предусматривается государственным планом развития домашнего птицеводства в этих областях на 1943 г. (2 400 тысяч).

В Соединенных Штатах Америки, обладающих меньшей площадью земли и меньшими природными возможностями, ежегодно заготавливается 12—14 млн. диких гусей и уток.

По подсчетам наших специалистов (Формозов, Федюшин, Каспирович и др.), наш север мог бы дать без ущерба для дальнейшего развития дичи 15—20 млн. белых куропаток и рябчиков, 20—25 млн. уток и 500 — 600 тыс. гусей, т. е. дать такие количества ценнейшего мяса, которые равны, если не превосходят все поголовье домашней птицы в СССР.

Профессор Федюшин дает любопытную справку, что в период 1904 — 1908 гг. одна лишь Голландия вывозила в Англию дичи, зимующей на побережье Северного моря, больше, чем Россия. К сожалению, эти цифры не изменились в основных показателях и до сих пор.

Профессором Федюшиным даются также весьма обстоятельные практические соображения о способах увеличения наших дичезаготовок, не прибегая к методам огнестрельного боя, при помощи специальных ловушек. Быстрейшее осуществление рекомендуемых мероприятий диктуется не только соображениями максимального использования этих еще непочатых возможностей Омской области, но и задачами военного времени, обязывающими максимально увеличить продовольственные ресурсы страны и Красной Армии.

7

Мы дали далеко неполный перечень тех громадных и в значительной мере действительно непочатых возможностей, какими располагает край, в котором мы живем. От нас зависит превратить эти возможности в реальную действительность.

Конечно, использование в полной мере этих возможностей задер-

живается целым рядом объективных условий и, прежде всего, недостаточной населенностью области. Недостаток населения и, следовательно, рабочих рук ставит определенные пределы нашим естественным стремлениям немедленно поставить все богатства края на службу родине, на дело обороны отечества.

Но многое, и по существу основное, зависит от нас самих, от инициативы и волевой целеустремленности трудящихся области.

Иногда приходится слышать, что сейчас, дескать, военное время и потому нельзя заниматься изменением ранее принятых правил или предпринимать действия и мероприятия, требующие каких-либо специальных затрат, новых построек и т. д. Это одно из вреднейших заблуждений, служащих прикрытием для бездельников и лодырей. Именно условия и требования военного времени обязывают нас всех к максимальной инициативе и маневренности.

Задачи, стоящие перед нами в деле использования ресурсов области, чрезвычайно многообразны. Во многих своих частях они детски просты и могут быть осуществлены детскими же руками — школьниками, ожидающими только организации и руководства со стороны энтузиастов дела. В других частях это почетные задачи, требующие смелости и инициативы руководителей и квалифицированных специалистов.

Умелое и максимальное использование всех резервов и возможностей, которыми располагает Омская область, будет содействовать быстрейшему разгрому и окончательному уничтожению нашего ненавистного врага — гитлеровской Германии.

— * —

СУДЬБА ОМСКА

1

В тот вечер, когда с Невы раздались залпы «Авроры» и осколки шрапнели защелкали по фасаду Зимнего дворца, бывший владелец этого дворца Николай Романов спокойно распивал очередную бутылку вина в Тобольске.

Романовы чувствовали себя тут неплохо. Дом они получили хотя и в низменной части города, но уютный. Комиссары Временного правительства, спрятавшие Николая сюда, за Урал, от гнева народного, позаботились для царской семьи обо всем: доставили ковры, фамильные картины, украшенное вензелями столовое белье, посуду, всевозможную снедь и много вина из дворцовых подвалов. Вокруг Тобольска простирались владения богатых татар, от всего сердца ненавидевших революцию, ибо они боялись, что беднота отберет у них землю. Невдалеке, на Тоболе, таилось в лесах милое царскому сердцу село Покровское — родина «старца Григория». Экс-император не без основания предполагал, что там, на родине Распутина, всегда найдутся друзья, единомышленники — крепкие мужички, которые в случае надобности сумели бы обуздать «бунтовщиков». Не страшил Романовых и север — дивный край, над которым громоздятся цветные короны полярных сияний. «Там, — как говаривал Николай наследнику Алексею, — царят богатые купцы, поставлявшие соболей и горностаев на мантии предков».

Правда, через некоторое время донеслись оттуда тревожные вести: всякие смутьяны, вернувшиеся с фронта солдаты, местная беднота и «политические», среди которых оказалось немало большевиков, организовали в Самарове, в Демьянском, в Березове и в Обдорске совдепы. Красногвардейцы, экспроприировав пароходы, рейсировали на них по низовью, высаживались в городах и селах и взымали там контрибуцию с богачей. Но затем положение изменилось — людям «благонамеренным» удалось провести на обском севере некий хитрый маневр — «демократические» выборы в местные земские инородческие и родовые управы, в результате чего власть снова перешла из рук бедноты в руки купцов, князьков и шаманов. Это весьма утешило Николая Романова. Он без боязни смотрел на север.

И лишь на юг глядел Николай с тревогой. Лицо его омрачалось, когда он слышал гудок парохода, идущего сверху, от Омска.

Омск! Сперва Николай не боялся и Омска. Он смутно помнил этот городок, через который проезжал еще в юности, наследником, возвращаясь из кругосветного путешествия. Маленький, бревенчатый, пыльный, лежал Омск вокруг старой крепости. Генерал-губернатор Степного края, — кажется, из немцев, вроде как остзейский барон, — показал крепость, старый собор, кадетский корпус. Звон шпор, чиновничьи кокарды, казаки и киргизы у степной переправы — вот что такое Омск. Но, оказывается, — произошли изменения...

— Ваше величество следовало через Омск еще до проведения Сибирской железной дороги, — объясняли тобольские собеседники Николаю. — Неузнаваемо изменился с тех пор степной город. Железнодорожные мастерские, затон, пристани, огромные паровые мельницы, фабрики и заводы, представительства крупнейших фирм, склады сельскохозяйственных орудий возникли в Омске за эти годы. Это, конечно, само по себе неплохо, что какие-то шведские фирмы продают сибирскому маслоделу свои «Дьябло и Пумп сепараторы», швейцарские братья Ревильон скупают у сибирских охотников меха, датчанин Рандруп открыл завод, на котором выделывает плуги «Ермак». Но плохо то, что вокруг всех этих предприятий, складов, железнодорожных путей, мельниц появились всевозможные человеческие поселения... — Так толковали Николаю тобольские его собеседники. — Появились рабочие окраины и поселки, все эти омские Черные городки, Нахаловки, Волчьи хвосты, Сахалины и Порт-Артуры. Вот опасные места, населенные опасными людьми, ваше величество! — говорили Николаю. — Теперь еще добавилось всякого народа с запада, из местностей, захваченных немцами. И эти беженцы в большинстве своем — народ ненадежный, как и крестьянская беднота, переселенцы в окрестностях Омска... Омск — это очаг всевозможной заразы, гнездо смуты. Не омские ли рабочие еще до революции громогласно поносили ее императорское величество государыню за германофильство и измену! Не из омского ли кадетского корпуса еще в 1905 году вышел Куйбышев — опасный революционер, большевик? Не в Омске ли ныне нашел себе приют и ласку местный тобольский смутьян Залман Лобков! Именно омские друзья-товарищи превратили этого юношу Лобкова из толстовца-непротивленца в кровожадного карломарксиста! Из Омска являются с каждым пароходом большевики-агитаторы, последователи Ленина!

— Омск — гнездо змей. Благополучно вернувшись к власти, наведите порядок там, ваше величество!

2

Николаю Романову не удалось навести порядка в буйном городе Омске. Алиса, мечтавшая о примирении с кайзером и об «умиротворении» революции немецкими штыками, не посадила на шею омичам нового генерал-губернатора из обнищавшей остзейской знати. Шпионы

кайзера, наводнявшие Сибирь под видом коммерсантов в годы перед войной, не вернулись в Омск, чтоб хозяйничать здесь под покровительством высшей власти. Другая судьба ждала Омск. Котлом закипел город с первых же дней Октябрьской революции. За всю Западную Сибирь сказал Омск решающее слово в эти великие и грозные дни. Открывшийся в Омске в конце ноября 1917 года руководимый большевиками Западно-Сибирский областной съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов постановил, что власть в Сибири переходит в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Романов сжался в комочек, когда по Сибири прогремели декреты Владимира Ленина.

Но, провозгласив Советскую власть, надо было ее отстоять!

Началась упорная и горячая борьба за удержание новой власти, борьба с силами реакции, которая не хотела сдаваться.

И в вихре этих событий прошел почти незамеченным тот факт, что омские железнодорожники повернули назад где-то на одной из станций поезд с царской семьей, которую некие доброжелатели пытались было под шумок протолкнуть через Сибирь на Дальний Восток поближе к границе. Это не удалось. Поезд, пыхтя, попятился к Уралу.

Омские монархисты лишились последней надежды на восстановление власти Романовых.

Но вскоре в город все же явилась целая орава претендентов на высшую власть. Силы реакции все-таки сумели временно свергнуть молодую советскую власть Омска. Город наводнился беглыми буржуа из Советской России, всевозможными политиканами, претендовавшими на роль новых вершителей судьбы Русского государства. Сколько их, этих суетливых и скудоумных деятелей, появилось здесь, чтобы нести соглашательский, либо явно предательский вздор с омских трибун! Этих калифов на час в свою очередь бесцеремонно разогнал Колчак с помощью своих атаманов-головорезов. Колчаковцы, покончив с теми, кто привел их к власти, принялись за расправу со свободолюбивым населением Сибири. Кровью крестьян обагрились прииртышские степи, кровь рабочих сбрызгала стены фабричных корпусов Омска, железнодорожные пути на подступах к Омску.

Контрреволюции важно было укрепиться здесь, в Омске, — в городе, стоящем на перекрестке Великого сибирского железнодорожного пути с водным путем, ведущим от китайской границы до берегов полярного моря.

Владея Омском, можно было надеяться завладеть и дикими, пустынными в те времена пространствами южных степей, граничащих с Туркестаном, и северным водным путем из Азии в Европу, путем из Тобольска в Атлантический океан, югом и севером, западом и востоком. Из Омска готовил Колчак поход на Москву. Недаром столицей всероссийской контрреволюции провозгласил наш город Колчак. Колчак крепко вцепился в Омск — в этот шумный и горячливый, непрерывно растущий город; город, принимающий в себя беженцев и переселенцев со всех концов России; город, ширящийся и распространяющийся все дальше и дальше в степь и в лес; город, обходящий кладбища и

пустыри, карьеры и свалки; город, стихийно громоздящий пестрые кровли своих домов, изб, землянок и хижин над оврагами и речными берегами.

Брезгливо ступая по скрипучим плахам омских тротуаров, спотыкаясь о булыжины запущенной мостовой, прошла по городу вереница облаченных во фраки и шапокляки колчаковских министров «всероссийского правительства». Эти господа не променяли бы грязного, пыльного Омска ни на Париж, ни на Прагу, ни на Вену. Вкусно пахнул Омск. Вкусно пахло сибирское масло и мясо, пышна была сибирская сдоба, шаньга из белой муки колокольниковских мельниц! Омские базары и толкучие рынки — эти азиатские торжища, полные европейских спекулянтов; эти великие торжища, где можно было найти все, начиная от овечьей шкуры до китайского шелка и японского бархата, опиум, ханжу, консервированные бананы, — эти гигантские торжища сулили возможность великой наживы. Вкусно пахнул Омск для господ колчаковских министров. Но тем не менее господа министры не скупились на неодобрительные отзывы об этом городе, городе, который дал им, — стрекачам из Питера и Москвы, — и хлеб, и кров. Господа министры считали рабочее население Омска бандитами, подлежащими истреблению, а почти всех остальных жителей города, — кроме кучки капиталистов, — азиатскими полудикарями, своими слугами. «Ах, как тут некультурно, как дико! Можно ли мириться с такой пылью, с такими холодами!»

Впрочем, этим господам вскоре стало жарко. Глухим, но мощным противодействием — ропотом и забастовками, а затем и открытыми восстаниями ответили рабочие на белый террор. Омские рабочие отказались работать на белую банду. И в те дни, когда рабочие Омска и крестьяне прииртышских степей подрывали колчаковский режим изнутри, бывший воспитанник Омского кадетского корпуса Валериан Куйбышев, рука об руку с Чапаевым и Фрунзе, подготовлял проведение сталинского плана освобождения Сибири, организуя победу над белыми за Уралом.

Белогвардейские перевороты, заполняя Омск всяческой реакционной беженской тлей, изгоняли из города многих его верных и любимых сынов. Часть омских рабочих-красногвардейцев, отступивших из города летом 1918 года на пароходах вниз по Иртышу, пробилась на запад, за Урал, где и соединилась с Красной Армией, чтобы с именем Ленина на устах бороться за завоевания Октября на разных фронтах революции. Омичи, оказавшиеся на западе, подхватили провозглашенный товарищем Сталиным в 1918 году лозунг отечественной войны против немецких оккупантов на Украине и жестоко били там кайзеровских грабителей. Некоторые пролетарии Омска ушли на юг в аулы, к друзьям-казахам, и так добрались до советского Туркестана. Немало омичей оказалось на обском севере, где, вместе с ненецкой, мансийской и хантыйской беднотой, повели партизанскую войну против колчаковских грабителей и карателей. А еще часть омских красногвардейцев пробилась на Дальний Восток, и

есть сведения, что там, в Приморье, эти омичи составили впоследствии ядро славной Волочаевской дивизии, песни о боевых подвигах которой гремят по нашей стране и до сих пор.

Белогвардейские захватчики недолго жрали на омских харчах. Белогвардейцы, равно как и их заграничные друзья, подавились сибирским хлебом. Да к тому же в решающие дни девятнадцатого года сибирские крестьяне замкнули свои закрома и больно ударили по холеной господской руке, тянувшейся за добычей. По белыми пышными калачами встретил Омск и окрестные села в ноябре 1919 года славную Пятую Армию, освободившую наши края от белогвардейцев и интервентов.

Гордый строй сельскохозяйственных орудий, рыболовецкие корабли, построенные на собственных верфях, светлые многоквартирные дома, знаменитые на весь мир зерна цицинских многолетних хлебов, не боящихся ни мороза, ни зноя, невиданные прежде в мире кизюринские яблоки и груши, выросшие почти по соседству с клюквой и морошкой, первосортные рыбные консервы, меха соболей, куниц и горностаев, экспортное масло, золото, серебро, редкие металлы, самоцветы — вот что мы увидели бы на выставке богатств Омска и области, если бы такая выставка была устроена сегодня, в день славной XXV годовщины Октября.

Мы увидели бы это и еще многое, что добыто, разведано, построено людьми советского Омска за годы славных сталинских пятилеток.

Все гуще и гуще заселялись степи и леса нашей области. На наших глазах менялось лицо страны. И невольно вспоминались замечательные изыскания славного нашего земляка-тоболяка великого ученого Димитрия Ивановича Менделеева о том, что «центр поверхности России, способной к расселению, лежит... около 56° северной широты и около 46° восточной долготы, т. е. около границы Тобольской и Томской губерний, немного севернее Омска».

Омск!

За последнюю четверть века Омск не раз обновлял свои штемпеля и печати. Был Омск и столицей Сибирского края, резиденцией Сибревкома, был и скромным окружным центром. Затем сделался центром обширной области, простирающейся от казахских степей до берегов полярного моря. Но можно сказать смело, что сфера влияния Омска всегда распространялась далеко за пределы тех административных границ, в которые был поставлен наш город. Продукция новых советских заводов Омска — наши сельскохозяйственные орудия, находили себе сбыт по всей Сибири, по Казахстану, по Дальнему Востоку. Управление Омской железной дороги осуществляло постройку северной половины Турксиба, постройку дороги к серебряно-свинцовому сердцу Алтая — руднику Риддер, постройку дороги к каменноугольным богатствам Караганды. Из Омска вниз по Иртышу и Оби отправлялись моряки-гидрографы возрождать древнюю Мангазею, осваивать берега

и острова Ледовитого океана — великий северный путь из Азии в Европу. Сюда же, к причалам Омска, приходили караваны карских экспедиций, чтоб остановиться близ старого железного моста, на котором стеной верблюд не однажды встречался с полярным оленем. Омские ученые обследовали Алтай, Казахстан, Урал, выявляя богатства, нужные всей нашей стране. Питомцы омских вузов — медики, ветеринары, автодорожники, агрономы — отправлялись во все уголки Азиатской части СССР, на Дальний Восток и Дальний Север, в туркестанские пустыни, на суровые плоскогорья Памира.

Славен путь молодых омичей — потомков казаков-завоевателей Сибири, правнуков старых таежных охотников и первых зауральских землеробов, детей переселенцев и беженцев империалистической войны. На песках Ямала, среди скал Приполярного Урала, в болотах Барабы, на рубежах Китая и Монголии появлялась эта сталинская молодежь, помогая строить новую радостную жизнь освобожденным народам Азии. И, вернувшись в свой родной Омск, сыны его видели, как год за годом рос этот шумный, многолюдный, разноязыкий город, постепенно сбрасывающий со своих крепнущих плеч обветшавшее бревенчатое рубище изб, саманное рубище землянок и хижин. Город переодевался в камень и железо.

Сыны приртышья! Они борются теперь, отстаивая завоевания Великого Октября там, на фронтах великой отечественной войны с фашистскими убийцами. Среди отважных гвардейцев-мироновцев, среди славных кавалеристов генерала Доссогу, стрелков и разведчиков генералов Москвитина и Швецова, среди знаменитых защитников Сталинграда, героев гуртьевцев есть много, много омичей, тюменцев, березовцев, тюкалинцев, исилькульцев, тобольцев, салехардцев — сынов нашей области.

За всю нашу великую родину, за свободу всех народов СССР, за великого Сталина борются они плечом к плечу с ленинградцами, москвичами, донцами, кавказцами. Результат этой битвы решит и судьбу нашего Омска, судьбу замечательных лабораторий, судьбу полей, где рождаются новые, еще невиданные в мире сорта хлебов и плодов. Дадим ли мы проклятым гитлеровцам собирать наши обильные урожаи, кутать своих фашистских проституток в наши драгоценные меха? Не дадим! А надо сказать, что именно нашего края у немцев были особо подлые планы. Испокон веков стремились немцы поработить Сибирь, захватить ее богатства в свои лапы.

Сколько этих алчных немецких глаз видела ты, Сибирь! В каких только личинах не появлялись здесь потомки псов-рыцарей — обнищавшие бароны и их челядь! Чиновники, администраторы, наемные воины и наемные мастера, исследователи, колонисты, коммерсанты...

В XVII веке немецкие хищники подбирались к Ямалу, к Мангазее — «златокипящей вотчине государевой» — с моря под видом невинных купцов. В начале нашего XX века немецкий генеральный штаб засылал своих разведчиков на Северный Урал под видом членов торгово-промышленных экспедиций, субсидируемых Дейче-банком. В XVIII веке в Омске чинил расправу «свирепая Карла», ставленник

Европа, — садист и палач бригадир Фрауэндорф, а перед войной 1914 — 1918 годов носители смерти и разрушения заменили пышный мундир накрахмаленной манишкой, а плетку в руках — портфелем дельца, чемоданчиком коммивояжера. Старые омичи, вероятно, помнят вывеску с именами Гергард и Гей — представительства мирной гамбургской транспортной фирмы, но далеко не всем известно, что в 1915 году шпионы и диверсанты, сотрудники этой фирмы, совершили пятнадцать пожаров и взрывов во Владивостоке! Помнят старики-сибиряки и некоего Вольфганга Наймана, забравшего перед первой империалистической войной в свои руки скупку сибирского масла, торговавшего с крестьянами бочками, гвоздями, веревками, рогожей, дубовой клепкой, обделывавшего еще много разных дел, а главное — изучавшего работу Сибирской железной дороги для того, чтобы потом, в дни войны, сделать в Берлине и Вене обстоятельнейший доклад о железных дорогах Сибири!

Сибиряки нестари ненавидели немецкую саранчу, налетавшую на восток. Подозрительно относились сибиряки к потомкам псов-рыцарей и к их челяди.

Немцам не удалось взять нас тихой сапой, так пытаются покорить огнем и мечом. Были коварны старые немецкие козни, но еще в тысячу раз преступней нынешний замысел проклятого палача Гитлера! Фашисты мечтали превратить Сибирь в огромный концентрационный лагерь народов, фашисты готовили сибирякам тяжелое рабство.

Этому не бывать! Ленин и Сталин вооружили нас на борьбу с любой черной силой! Отважно бьются русские люди с подлым врагом. Не посрамили славной Красной Армии и сыны нашей области. А отцы, матери, жены, сестры и дети этих славных бойцов героически работают здесь, в тылу. Продовольствие, обмундирование для армии щедро дает Сибирь. И не только это. Края Зауралья, в том числе и Омская область, сделались арсеналом Красной Армии. Ныне на наших заводах, старых и новых, мастера-омичи рука об руку с мастерами из Европейской части Союза готовят не только сельскохозяйственные орудия, но и всевозможные другие орудия и аппараты, годные для самого разнообразного применения во время войны. Огненная лавина летит на голову Гитлера отсюда, из-за Урала!

Борьба за честь и свободу родины, борьба за завоевания Октября есть и борьба за будущее нашего города. Заметьте, как мощно растет наш Омск теперь, в дни войны! Замечательным городом будет Омск грядущих дней победы — это будет волшебный северный город-сад, стоящий на скрещении Великого трансевразийского железнодорожного пути с великим водным путем, от Китая к берегам Ледовитого и Атлантического океана!

— * —

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕТ НАЗАД

Со светлой памятью Седова,
С потоком новых кораблей
Мы штурмовать поедем снова
Ко льдам заманчивых морей.
И ни пурга, и ни туманы
Не могут нас остановить,
И будут наши караваны
Во льдах полярных твердо плыть.

(Из „Лукоморье Самоедино", Ю. Ш.— рукописи Обдорской библиотеки, 1914 год.)

Двадцать восемь лет назад я совершил путешествие на Дальний Север, к развалинам Мангазеи. Это было мое четвертое путешествие за Полярный круг.

Академия наук и Географическое общество поручили мне проникнуть из Обдорска через Тазовскую губу и бассейн реки Таза водным путем на Енисей, заполнить белые пятна на карте, описать малоисследованную еще страну, ее природные богатства.

Научные отчеты о путешествии опубликованы мной в свое время.

Данный очерк — отрывки из неопубликованных воспоминаний о нашем севере.

1. ВАХТЕР СЕДЕЛЬНИКОВ

Ветер стих. Шли на веслах. На горизонте безбрежной глади реки Таза появилась маленькая точка, которая постепенно увеличивалась. В монокуляр я ее рассмотрел: это была ветка с одним человеком. Гребцы сказали: «Плывет Хулейка с Энга-Че!» Мы пристали к берегу, закурили. Через четверть часа на берег из ветки вышел пожилой юрак. После оживленного разговора на юракском языке выяснилось, что Хулейка приехал оттуда, где живет вахтер Седельников. Там уже известно, что пришла в Таз шхуна и привезла из «царского города» человека, «который много хочет знать». Далее шло перечисление, чем я занимаюсь. По случаю встречи развели костер и предались чаепитию. Здесь я узнал, что остановка на «чай»

отнимает время у северян от трех до четырех часов, а на обед — до шести часов. Но спешить некуда, все впереди. После чая — снова в лодки, и поплыли дальше. Хулейка в своей ветке быстро заработал двухлопастным веслом и, опередив нас, исчез с горизонта.

На песок Энга-Че, где было стойбище Хулейки и Седельникова, мы прибыли ночью. На берегу среди нескольких чумов один выделялся своими большими размерами.

Нас ждали. При лае собак на берег высыпало все население стойбища, а затем выбежал из чума и сам Седельников. В темноте я едва рассмотрел его высокую фигуру. Он обрадованно встретил меня и как редчайшего гостя приветствовал долго и утомительно. Во-первых, он уже больше полгода, как выяснилось потом, не видел русских людей, а во-вторых, человек «из царского города», то есть из столицы — из Петербурга, явно интриговал его, и ему грезились всякие предстоящие приятные, а может быть и неприятные дела.

Мы вошли в чум.

Чум этот был внутри увешан коврами тюменской работы и обставлен «по-европейски», напоминая в то же время горницу сибирских казаков. По обстановке я без ошибки определил происхождение хозяина. Потомок ермаковских, а затем туруханских казаков, которые еще окончательно не перевелись, Седельников унаследовал и их внешний вид и внутренние качества. Ему было не менее 50 лет. Выше среднего роста, широкоплечий, с лысой головой, он еще сохранил следы военной выправки. По его лицу и движениям можно было определить, что это человек бывалый, хозяйственный, типичный сибиряк. Седельников, подобно всем сибирякам, был весьма гостеприимен. «Не с кем поговорить. Что жена? Женский ум короток!» так жаловался мне Седельников.

Пока мы беседовали о последних новостях Петербурга, Тобольска, Обдорска, жена Седельникова сообщила, что стол накрыт.

— Пожалуйте откушать у нас! — пригласила она.

Седельников тем временем открыл большой ирбитский сундук и извлек из него батарею бутылок. Среди вин и настоек отечественного производства я заметил и три иные бутылки: коньяк Мартеля, ром ямайский и «Ля-крима-кристи» — итальянское вино. На берегу Таза, у врат Мангазеи, за Полярным кругом в 1914 году — ямайский ром! Удивляться, впрочем, было нечему. Два года назад в устье Енисея приходил иностранный пароход. В это время Седельников был в Енисейском заливе и за пару «нестоящих» этого вина двухпудовых осетров выменял пять бутылок «аглицкого вина!» Так потом сообщил мне Седельников и с горечью добавил: «Не попались мне трехпудовые, двадцать бы взял!»

Завтрак состоял из осетровой ухи с фрикадельками из нельмы. После завтрака мы долго беседовали. Седельников прекрасно знал весь бассейн реки Таза. Он, как и покойный его отец, служил вахтером Тазовского хлебозапасного магазина. Зимой жил на Турухане в урочище Янов-стан, исполняя служебные обязанности, — выдавал мест-

ному населению муку, порох и свинец, а лето рыбачил на песке Энга-Че.

Само место оказалось интересным, и я остался на целые сутки. Эти сутки прибавили мне десятки фотоснимков природы и быта местного населения, коллекцию рыб, птиц, насекомых, гербарий, в котором находился и представитель теперь знаменитого рода пиретрум. Но тогда ценнее всего для меня была рукописная карта реки Таза. Ее при мне на листе бумаги вычертил сам Седельников. Так она сейчас, пятнадцать лет спустя, хранится у меня, — ее не удалось опубликовать, как я этого хотел, как первоисточник к моей карте, составленной мной на основании своей съемки и изданной.

О запасах рыбы и белухи — сибирского дельфина — много рассказал мне Седельников и даже показал, на кого она похожа. У его дочки хранилась растрепанная книжка Ершова «Конек-горбунок». Вот куда попала знаменитая сказка тобольского поэта! Указав на одну из иллюстраций, Седельников сказал: «Белухи!»

— Да, вот, сейчас начнется ее, белухи, ход, вы ее увидите по пути, — добавил Седельников.

Напутствуемый добрыми пожеланиями, я поплыл дальше.

Зимой 1930 года я встретился с Седельниковым в Красноярске. Он был бодр, но сильно постарел. Мы сидели и вспоминали о Тазе, разговаривали о том, что белуху уже вылавливают, освоили промысел и, как бы в доказательство этого факта, мы закусывали «русскую горькую» великолепной колбасой из белухи и паштетом из печенки — продукцией Игарского консервного завода.

2. БЕЛУХИ И КИТЫ

Сотня верст остались уже далеко позади Тазовской губы. Проводники-гребцы моей лодки обещают быть через день у старшины Хорыся, а там близко и до Мангазеи.

Наступили тихие, безветренные дни. Тих и Таз. Вдруг мои гребцы сникли, устремили свои взгляды в даль беспредельных просторов реки. Я взял бинокль. Навстречу нам по реке двигалась какая-то масса чудовищных рыб. Из воды появлялись гигантские хвосты, над поверхностью били фонтаны, а воздух оглашался вздохами. Река «закипела».

Гребцы обратились ко мне:

— Смотри, идет белуха.

В 100 — 150 метрах плыло стадо белух. Белесоватый окрас, послуживший к названию белухи, то появлялся, то исчезал над поверхностью воды. Я, бросив планшет, вскинул штуцерное ружье и выстрелил. Стадо белух исчезло — и только красно-кровавое пятно расплылось на глади тазовской воды.

— Худо, — сказали мои спутники, — ушла. Сеть ловить надо, а не стрелять. Сеть из «пароходной веревки» делать надо, тогда будешь ловить. Много сала, мяса и ремней можно сделать из этого

зверя. Кишка у него длинная, а в ней можно, как в мешке, сохранить соленую рыбу, также и оленье мясо.

Мощные морские звери — белухи были обычными обитателями реки Таза. Мои проводники рассказали мне еще о каком-то необычайном гиганте, который водился в Тазовской губе.

— О нем знает только шаман Немба, — сказали они.

К Нембе мы прибыли ночью. Принят я был очень радушно. Узнав у моих спутников, что я за человек, Немба охотно рассказал мне о белухах и добавил, что его предки видели втрое больших по размерам белух. Русские называли этих белух китами. Так, Немба подтвердил мне данные о китах в Обской и Тазовской губе.

Кита я впоследствии нашел. Туша его сохранилась довольно хорошо. Глядя на этого кита, я вспомнил известные стихи Ершова:

Чудо-юдо рыба-кит.
Все бока его изрыты,
Частоколы в ребра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит.

Ершов не выдумал эти подробности. Бока найденного мной на побережье Обской губы кита действительно оказались «изрыты» песцами, леммингом да и людьми, которые вырезали мясо для собак, а из сала делали смазочные вещества. На занесенном илом и песком «хвосте» действительно произросли травы и кустарники.

Находку свою я впоследствии описал в специальных краеведческих журналах.

3. ОСЕТРЫ

Тиха и беспредельна гладь реки Таза. Только ритмичные удары опытных гребцов-юраков нарушают тишину реки. Я слежу за стрелкой морского шлюпочного компаса и заношу на планшет то прямые, то извилистые плесы могучей реки.

Мы достигли района реки Салеклтам — места, богатого осетром. На берегу показались неясные контуры юракских чумов — резиденции старшины Хорыся. Пять чумов. Лодки. Бережно, как и раньше, несут мои гребцы походную аптечку на берег. Собравшиеся люди перекликаются между собой. Из маленькой толпы выделяется человек и приглашает меня в свой чум. Я вхожу.

У костра постлана белая шкура оленя. Ярко пылает костер, подогревая медные чайники. Зашли и мои гребцы-проводники. Завязался оживленный разговор. Я путаю наречия, объясняюсь то по-русски, то по-юракски, но Хорысь говорит довольно понятно и по-русски. Он своей наружностью напоминает северо-американского индейца. Решительный взгляд, орлиный нос, почти бронзовый цвет лица, черные волосы, отсутствие почти всякой растительности на лице — редкий тип, встреченный мною впервые в Заполярье.

Беседа идет о рыбе.

— Ты спрашиваешь: есть ли большая и хорошая рыба в реке?

Есть. Сейчас начало месяца «ун-тор-тос-тыновы» (август), много тут осетра.

Хорысь собрал пять юраков, посоветовался с ними и, обратясь ко мне, сказал:

— Если ты всякую рыбу знаешь и в банку садишь и если ты счастливый человек, сейчас мы тебе ее изловим, но с собой не увезешь в царский город — у тебя нет такой банки. Хальмер надо! (гроб, могилу).

Пока идет разговор, парни и девушки в стойбище приготовляют лодку и снасти. Мои собеседники шутливо-иронически поглядывают на меня и направляются к лодке. Остался со мной один Хорысь. Мы садимся на борт неводника. Хорысь рассказывает мне, каких осетров они ловили и ловят.

— Жил-был в городе Сургуте большой купец Тетюцкий. Приказал он нам самого большого осетра изловить и зимой на нартах в Сургут доставить. Много выловили осетров, да сразу определить не могли, который из них больше. Одного поймали — большой и хороший, другого поймали — еще больше. Наконец, поймали и решили, что это самый большой, и увезли его на нарте в Сургут купцу. Сказывают, — продолжал Хорысь, — этого осетра купец царю в царский город послал и большой золотой ковшик получил. А мы получили... (тут он виртуозно выругался по-русски) и ведро вина...

Вскоре мы увидели возвращающуюся лодку.

— Смотри, — сказал Хорысь. — Идут обратно. Ты слышишь, они кричат: «Счастливый человек!»

Я побежал к лодке, уже причалившей к берегу. Веселые, смеющиеся лица, со сверкающими глазами, как бы подмигивали мне: «а вот и поймали!» На берег был выброшен живой осетр. Да, это был настоящий сибирский осетр — наша гордость, богатство Тазовской губы и низовьев реки Таза! Тут я увидел, что верны были слова Хорыся: «По с собой в царский город не увезешь». Это был старый осетр длиной в три метра, весом по теоретическим расчетам в 100 килограммов. Конечно, в единственный мой «гроб» — цинковый ящик для сбора рыб — длиной в метр он бы не уместился. Осетра пустили в «садок», куда отсаживают до заморозков ценную рыбу для отправки зимой по кратчайшему прямому пути, через необозримую снежную равнину полярной ночью в Сургут, а оттуда за Урал.

Так транспортировался за Урал обитатель берегов древней Мангазеи в далеком, да и не так уж далеком прошлом.

4. НА РАЗВАЛИНАХ ДРЕВНЕГО ГОРОДА

Я у ворот древнего русского порта на берегах Таза — Мангазеи.

Мы начали переправу к Мангазейскому берегу. Все отчетливее и отчетливее вырисовывается этот древний, высокий, обрывистый, поросший густой травой, кустарником и различными деревьями, берег. Еще четверть часа — и мой проводник, старик Нытырма, причалил к нему лодку.

— Приехали! Вот здесь часовня! — сказал он.

Выгрузив снаряжение, я пошел вдоль берега. За буйной растительностью пока не было видно ничего. Пройдя некоторое расстояние, я увидел высокий обваливающийся яр. Из яра торчали бревна древних построек. Кое-где у берега из воды выглядывали пеньки свай. В разрезе берега выделялись наносный и культурный слои. Тут были видны угли, камни. Яр осыпался много лет, и в осыпи его я нашел клинки ножей, наконечники стрел и деревянный крестик древнерусского стиля. Я поднялся на яр. На буграх — развалинах древнего города рос кустарник — пихняк и ольховник да густые травы.

Метрах в ста от берега я заметил среди берез низенькую деревянную часовню. Вот она, часовня «Василия Убиенного», которая значилась на немногих картах реки Таза. Но она обозначалась на несуществующем острове, а оказалась в действительности на правом берегу реки Таза. Четырехугольный домик с двускатной крышей и двумя маленькими квадратными окошечками имел пристройку в виде шестиугольной башенки с двумя слюдяными окнами. На крыше виднелся высокий деревянный крест. За часовней — остатки башни, о чем свидетельствовали полуразвалившиеся три стены с бойницами. Лиственничные бревна покрылись мхом, но еще не совсем сгнили. Возле стен и дальше — бугры, сгнившие бревна, пеньки и опять кустарник и деревья.

Вот все, что я застал осенью 1914 года от древнего города. Заглянем в его историю.

После завоевания Сибири Ермаком Тимофеевичем русское правительство решило освоить славящуюся своими природными богатствами Тазовскую губу и реку Таз. Отряд сибирских казаков под началом воеводы князя Шаховского в 1601 году основал на реке Таз город Мангазею. К 1610 году в Мангазее насчитывалось 200 домов, 20 лавок, 2 церкви, 3 питейных дома (кабака), 6 борделей, пороховой и винный подвалы. Город был обнесен трехсаженным тыном (стеной) длиной 131 сажень с пятью сторожевыми башнями. Вооружение башен состояло из трех «затинных пищалей» (маленьких чугунных пушечек исетского литья) на каждой и запаса ядер с «зельем» (порохом).

Мангазея была одним из древнейших городов современной Омской области. Город вел торговлю с Западной Европой, Южной Азией, вплоть до Индии. Тазовские соболя были известны и в Египте, и в Испании.

В 1619 году Мангазея сильно пострадала от пожара, а с закрытием торгового пути через Ямал она постепенно стала терять свое значение. В 1672 году Мангазея была перенесена на устье реки Туруханом под названием Новой Мангазеи, где было зимовье, а в последствии образовался центр Туруханского края — город Туруханск.

Старая Мангазея исчезла. На месте осталась часовня местного «святого» Василия Убиенного. Василий — молодой приказчик одного из купцов, торговавших в Мангазее. Хозяин заподозрил юношу в краже, подверг его пытке и замучил. Впоследствии духовенство объявило Василия святым.

Исчезла Мангазея — «златокипящая вотчина государева», но богатства реки Таза манили промышленников. Больше чем через 200 лет, в 1883 году, торговая компания в составе Фудка, Мурзейна и Вардроннера основала в этих краях торговую факторию «Хальмер-Седэ». Плавали сюда из Обдорска на шхуне «Агнесса». Недовольные конкуренцией, обдорские купцы обратились с ходатайством к местному начальству о запрещении плавания в Мангазею. Помощник исправника Циммерман, снабженный купеческой субсидией, лично прибыл на факторию Хальмер-Седэ в 1888 году и купил ее. До 1891 года плавание в Тазовскую губу было запрещено. Затем снова возобновились посещения, но большей частью одиночками.

В 1907 году в Тобольске организовалось Нижне-Обское товарищество в составе Джемса Вардроннера, Дзирне и Берзина, которое имело моторно-парусную шхуну (тоже «Агнесса») и эксплоатировало вместе с рыбными богатствами и местное население. Крупный торговый капитал в лице Плотникова и его сыновей к февральской революции завершал хищническую эксплоатацию бассейна реки Таза.

Такова история Мангазеи с древнейших времен до Октября.

Пока я осматривал развалины Мангазеи, делал фотоснимки, небо затянули тучи. Приближалась гроза. Подул норд-ост. Я укрылся в часовне. Вскоре начался ливень, сопровождавшийся бурей. Заметно потемнело, белые барашки бегали по разбушевавшемуся Тазу. Шумели деревья, и в щелях пустой часовни завывал ветер. Было ясно, что Нытырма в такую погоду не приедет за мной. Наступала ночь. В часовне стало темно. Но я обнаружил в часовне запас церковных свечей. Я зажег две самые толстые восковые свечи в громадном никелированном подсвечнике, и в этой таинственной, фантастической обстановке стал приводить в порядок свои записи. Изредка, прерывая свою работу, я выходил на воздух — взглянуть на поведение реки и состояние погоды.

Наконец буря стихла. Перестал и дождь. Ветер еще шумел среди мангазейских зарослей. О берег ударяли бурные волны еще не утихшего Таза. Было темно. Я вышел из часовни на берег. Вскоре услышал окрик старика Нытырмы. На берегу в двухместной легкой, как скорлупка, ветке сидел Нытырма и ждал меня.

— Ветер шибко дул, плыть за тобой плохо было, — пояснил он, когда я усаживался в ветку.

— Ну, а как рыба? Поймал нельму? — спросил я.

— Чум приедем, покажу, — сухо ответил старик, и ловкими взмахами двухлопастного весла направил утлую ладью в черную мглу шумевшего Таза. Признаться, жутко было мне. Волны с треском ударялись о борт, обдавая меня холодными брызгами, а на середине Таза стали плескать и в лодку.

Когда мы подплывали к берегу, лодка была полна воды. Мои мысли уносились в далекое прошлое, и грезились мне торговые суда с заморскими товарами, стоявшие на причале у Мангазеи.

Утром, еще до чая, Нытырма повел меня к садку, где находилась пойманная им вчера рыба. Два сына Нытырмы показали мне

около десятка крупных нельм. Самую большую они изловили саком, и я ее измерил. Экземпляр был исключительный: он имел длину полтора метра и весил 12 килограммов. Кроме нельмы, здесь была и другая рыба: муксуны, щокуры, налимы. Не встречая соленой рыбы у туземцев Таза, я этим заинтересовался. Оказалось, что вверх по Тазу соль не доставлялась, а также не было и тары для засола рыбы.

Дальнейший путь вверх по реке Тазу я совершал с двумя сыновьями Нытырмы. Установившаяся ясная погода благоприятствовала плаванию. Осаждали только нещадно мириады комаров и мошки.

5. У КНЯЗЯ ТЫМСКО-КАРАГОНСКОГО РОДА

Мангазея осталась далеко позади. Мы приближались к стойбищу местного аристократа, князя тымско-карагонского рода. Он жил на устье реки Худосеи. Вечером мы достигли его чума.

За чаем с тобольскими кренделями, способными храниться как неприкосновенный запас в течение чуть ли не пяти лет и не терять своего вкуса, цвета и запаха, мы повели беседу.

— Мы много видели начальников, — сказал князь. — Был у нас инородный писарь за ясаком, был урядник второго стана, был податной. Все они брали в ясак и рыбку и пушнину. Что ты за человек? Реку пишешь, рыбу в банку садишь, гнус (насекомых) берешь в банку, траву в бумагу забираешь и народ лечишь, — так закончил князь свое вступление в беседу.

Невысокого роста, с черными волосами, достигавшими почти плеч, с хитрыми глазками на смуглом лице, князь мало отличался от своих сородичей. Русская новая рубаха, хорошие бродни на ногах и умение довольно хорошо объясняться на русском языке — таков был с виду этот князь Тымско-Карагонский.

Пока я был занят рассматриванием моих новых знакомых, князь задал еще один вопрос:

— Не открыли «ай-кабак» в часовне? (то есть на месте бывшей Мангазеи).

Настала моя очередь отвечать на вопросы.

— Катера и пароходы не идут к вам потому, что не знают реки, на мель могут сесть, и не везут к вам муки, сукна и всего, что вам надо. Вот и «пишу реку», чтобы пароходы пошли. Какая рыба у вас в реке есть и сколько ее, у нас не знают. Трава есть такая, что лекарство делать можно, да и хлеб здесь расти будет. Гнус всякий бывает, один дерево портит, другой — траву, а третий, вот, тебя ест...

Последние слова я сказал потому, что князь усиленно чесал живот и силился через рубаху изловить насекомое...

Ответы, видимо, удовлетворили князя, и он начал рассказывать о черных соболях, которые лет десять назад встречались в его вотчине; сколько гусей и уток они нынче добыли осенью и какой тут у них есть лес хороший, что можно целые пароходы строить.

Незаметно наступила ночь, и мы улеглись спать на специально отведенных в чуме местах. Рано утром я занимался энтомологическими

сборами. Князь, увидя меня с морилкой в руке, в которую я собирал с ивняка шмелей, взял стакан и стал мне помогать.

После завтрака и чая мы стали собираться в дальнейшее плавание по реке Худосее. К берегу пристала ветка, из нее вышел человек. Сперва — оживленный разговор на местном наречии, а затем и по-русски. Князь сообщил мне, что началась война: воюют семь царей.

Так, в конце августа 1914 года я впервые в бассейне реки Таза узнал о войне, только было неизвестно, с кем мы воюем.

При прощании князь просил передать царю, чтобы по Тазу стали ходить скорее пароходы, было много муки, а там, где часовня, открыли кабак. Князь считал, что место, где была Мангазея, наиболее удобное для постройки поселка: река широкая и глубокая, и всем близко — и с губы, и с вершины. Не знаю, дожил ли этот князь до настоящего времени и увидел ли катера, фактории и консервный завод в бассейне реки Таза, недалеко от того места, где была Мангазея.

6. В КРАЮ ЩОКУРА И ПЫЖЬЯНА

Стояли последние теплые августовские дни. Прибрежные смешанные леса пестрели золотом листьев и красными гроздьями рябины. С тихой глади Худосея — притока Таза — то и дело мы вспугивали стаи гусей и уток. Чуть не ежеминутно мои проводники брались за луки — и свистящие стрелы нередко били наповал молодых гусей.

До стойбища Неруйто было еще далеко. Мы продвигались медленно вверх по реке, часто останавливаясь для сбора добычи. В сумерках, выбрав место для ночлега, пристали к берегу. Быстро был разведен костер, затем с изумительной ловкостью мои спутники содрали с пяти гусей кожу вместе с перьями. Обмыв в холодной и прозрачной воде Худосея гусей, их опустили в ведерный котел.

Ночлег до рассвета, завтрак остатками ужина с громадным потреблением чая, и — снова путь вверх по реке Худосее.

Но вот за поворотным мысом на горизонте показались темные контуры чумов Неруйто. Гребцы налегли на весла — и через четверть часа наши ветки пристали к берегу. У берега стояли ветки, небольшие неводники. На берегу были развешаны разнообразные самодельные снасти для промысла рыбы. Наше прибытие, вопреки обычаю, было замечено не сразу. Мы вышли из веток и поднялись на яр.

На поляне, в стороне от пяти чумов, пылал огромный костер. Вокруг него ходили женщины, то нагибаясь и останавливаясь, то проходя просто по кругу. Несколько в стороне от костра, вдоль ствола дерева, ходили мужчины и что-то трясли руками. Картина была причудливая, и я сперва подумал, что это осенний праздник плодородия с жертвоприношением, еще существовавший в те времена у тазовских остяков.

Мы в сопровождении встречавших нас жителей чумов прошли к костру. Это был не праздник фаллического культа, не жертвоприноше-

ние, а заготовка продовольствия на зиму, после обильнейшего улова рыбы. Вот почему занятые обитатели стойбища нас не сразу заметили и не встретили на берегу. Вокруг огромного костра, на длинных колышках, воткнутых в землю, жарились в собственном соку щокуры и пыжьяны. Еще несколько десятков их, приготовленных к очистке, лежало на земле. Я взял и осмотрел рыб. Серебристо-стальные щокуры достигали полуметра и весили до полутора килограммов. Серо-стальные пыжьяны тоже отливали серебром, но были меньших размеров — длиной до 40 сантиметров и весом до полукилограмма. Женщины ходили вокруг костра, поворачивали жарившуюся рыбу, а готовую уносили в сторону от костра. На земле были разостланы берестяные полотнища — тиски, на нее бросали испеченную рыбу. Здесь, на солнце, она высыхала до сухаря. Высушенную рыбу уже другие женщины собирали и уносили в огромную колоду. Мужчины со смуглыми лицами и длинными волосами, в разноцветных платках от комаров, медленно передвигались вдоль колоды. Большинство из них было в штанах из налимьей кожи. У каждого был в руках огромный деревянный пест. Здесь сушеная рыба обращалась в рыбную муку «порсу». Девочки-подростки подносили шарообразные, похожие на громадный футбол, мешки из налимьей кожи. В мешки ссыпалась порса.

Неруйто повел нас в свой чум. Первым делом Неруйто был приказ приготовить «сырую». Огромный щокур в несколько минут был «отпрепарирован» охотничьим ножом так, что ни один известнейший препаратор-остеолог не мог бы сделать лучше. Весь скелет с головой и всеми плавниками остался цел. На столе лежали четыре ремня «мяса» без костей. Неруйто вытащил из ножен свой охотничий нож и, взяв его за клинок, рукояткой подал мне. Это означало знак дружбы, уважения и гостеприимства. Неруйто подали другой нож. Ремень рыбы брался в левую руку за конец, другим концом подбрасывался к губам и ловко ловился зубами. В это время в правой руке сверкал остроотточенный клинок ножа и обрезал кусок мяса, исчезавший во рту. Все это делалось с ловкостью жонглера. Заметно медленнее и далеко не артистически я проделывал то же самое. На меня смотрели и ухмылялись. Говорить тут совсем не приходилось.

Беседа за чаем началась.

— Много щокура и пыжьяна у нас, много налима, много муки рыбьей и жиру надо нам на зиму. Хлеб сюда купец не везет, далеко; вахтер мало-мало выдает зимой, нехватает. Оленя дикого бьем тоже мало. Из Туруханска зимой на партах Кучеренков (местный купец) приезжает, долг собирает, в долг дает суску (крендели). Плохо живем.

Так охарактеризовал свои нужды Неруйто.

В темной вершине чума висели какие-то закоптелые от дыма пузыри и скелеты отпрепарированных рыб. На мои расспросы Нейруто рассказал, что посуды, в чем жир сохранять, у них нет; ее заменяют пузыри из гусиной кожи. Ощиплют гуся, снимут кожу с него чулком, крылья от крыльев, ног и у гузки завяжут оленьими жилами, чулок надуют, высушат на солнце — и «четверть» для жира готова. Рыбьи

же скелеты высохнут, выкоптятся и пойдут в похлебку вместе с порсу.

Вот она, поразительная находчивость, изобретательность сынов никой северной Лукоморской страны.

До Великой Октябрьской революции, пока не приобщились к культуре северные народности, богатства Севера использовались очень мало. Они лишь частично и весьма варварски эксплоатировались купцами-тунгусниками. Лукоморье стало советским! В устье реки Таза — районный центр Хальмер-Седэ, настоящий культурный центр. Выше — фактории Тибей-Салэ, Нямбой-То, консервный завод, Сидоровская пристань... Но богатейшие районы у Тазовской губы, реки Таза и по берегам Ямала еще почти не заселены и рыбные богатства ждут своего использования. Освоение рыбных богатств предусматривается постановлением Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б). Продвижение рыбной промышленности на север создает возможность освоения и других ценнейших природных богатств Таза и Тазовской губы. Огромная программа рыбной промышленности имеет исключительное значение для Омской области. Обилие сырьевых запасов рыбы в водоемах обского севера говорит за то, что мы не только сможем выполнить устанавливаемые правительством планы, но и перевыполним их. Это мы должны сделать. Этого требуют интересы родины.

Обский север со своими природными богатствами в недалеком будущем будет превращен в богатый, культурный край.

— * —

ПУТЬ ПОЭТА

(ПОЭЗИЯ ЛЕОНИДА МАРТЫНОВА)

1

Назвать Леонида Мартынова «местным» поэтом — и правильно, и неправильно. Неправильно, если под этим названием мыслится поэт местного значения. Значение творчества Мартынова меряется не омским и не сибирским масштабом. А все же Мартынов — м е с т н ы й поэт. Не потому, что он живет в Сибири, а потому, что его творческое воображение связано с сибирскими темами, потому, что его поэтическая мысль работает над проблемами жизни Сибири.

Произведения, обеспечившие Леониду Мартынову прочное место в советской поэзии, — это его исторические поэмы. Действие их относится к разным эпохам, но почти всегда происходит в Сибири — в основном на территории Омской области. Действие «Сказки об атамане Василии Тюменце» — в эпоху царя Михаила Федоровича в Таре и во владениях сопредельных ханов: Алтына, владыки северных монголов, урянхайцев и киргизов, и Мечтана, властителя чжунгарцев. Действие «Домотканной Венеры»—в эпоху Елизаветы Петровны и Екатерины II в Тобольске и на гобеленной мануфактуре под Тюменью. В «Тобольском летописце»—опять-таки Тобольск 60-х годов XVIII века. В «Правдивой истории об Увенькае, воспитаннике школы азиатских толмачей в г. Омске» — Омск 30-х годов XIX века. В поэме «Поэзия как волшебство» — Омск начала XX века. В поэме «Встреча» — разъезд Чертокулич (между Омском и Барабинском) в 1917 г. В поэме «Сестра» — Омск в эпоху колчаковщины. И так далее.

Поражает точность местного и временного приурочения. Сюжет каждой поэмы имеет точную дату, либо указанную в самом тексте, либо установимую по описываемым происшествиям. «Сказка о Василии Тюменце» — 1615 год, центральный эпизод «Домотканной Венеры» — 1761 год, действие «Тобольского летописца» происходит в царствование Петра III, — значит, в 1762 году, «Увенькая» — в 1837 году... Причем если в 1837 году, — то читатель уже будет знать, что это год смерти Пушкина, год восстания казахов, год основания типографии в Омске.

Но эта хронологическая и историческая точность соединяется с гораздо большей свободой художественного вымысла, чем та, к которой мы привыкли. Наши поэты, берясь за исторические сюжеты, обычно идут по линии наименьшего сопротивления. Они выбирают всем известные, уже признанные «созвучными» исторические события и строят свои произведения, держась за перила исторических источников. Не то у Мартынова. Его герои не фигурируют в курсах истории. Это либо вымышленные, либо малоизвестные люди, о которых исторические источники дают скупые сведения. Перил здесь нет, творческому воображению предоставлен широкий простор. Но в этом жанре воображение должно опираться на гораздо более глубокое знание истории, чем то, которое нужно поэтам, строящим свои произведения, как собрания переложенных в стихи исторических эпизодов. И прошлое надо знать не только так, как его знает историк, но так, как знает жизнь поэт.

— Тех, кто вежлив, да нам покорен, — говорит атаман, — принимаем.
Вот в Тобольске один зюнгорин дом возвел, да еще с сараем!

...Был в Моголии жар несносен, а в Сибири в ту пору уж осень:
На березах листочки вянут, весь дымкой небосвод затянут,
тянет с севера запахом гари.
Значит, скоро будем и в Таре, потому что около Тары, что
ни осень, — лесные пожары!

На такие детали опирается здание поэмы, которая хочет воспроизвести не столько события истории, сколько жизнь народа. Мартынов берет рядовых людей и на событиях их жизни показывает действие исторических сил. Он любит места и эпохи, где скрещивались разнородные влияния культуры. Пленный швед в петровской Сибири, французский аббат в елизаветинском Тобольске, русский офеня на афганской границе, казахский мальчик в омском гарнизоне — вот типичные персонажи Мартынова.

Понятно, почему поэтическое воображение Мартынова так пленено грандиозной Омской областью, упирающейся в Ледовитый океан и в Среднеазиатские степи, — территорией, где веками скрещивались влияния разнообразных народов Севера, Запада и Востока.

Мартынов никогда не налегает, как некоторые другие сибирские поэты, на специфическую флору и фауну, не выискивает этнографическую экзотику, не загромождает своих поэм диалектальными (и архаическими) словами. Смысл «местной» темы для него — в ее связях с большими темами исторической жизни России. В такой постановке м е с т н о е это не мелкое, это к о н к р е т н о е, то есть то, с чем работает художественное мышление.

2

Поэмы Мартынова хочется назвать старинным термином «повесть в стихах». Они необычны по насыщенности событиями, — не переданными в ретроспективном рассказе эпического поэта, но быстро

развивающимися в обильных диалогах и сценах. Обстановка, психологические пояснения — это дано очень скупо. Скупо обрисован пейзаж, всегда связанный с ходом рассказа.

Фабульность поэм Мартынова, способ развития фабулы, объем включаемого материала — все это вообще требует лаконического изложения. Сжатость изложения в ряде эпизодов достигает, кажется, предела возможности. Вот, например, предыстория героя из «Правдивой истории об Увенькае»:

— О, это дело было так, — сказал полковник. — Есть у Тары
Екатерининский маяк. Там торг. Киргизы и татары,
Калмыки и джунгарцы даже порой съезжаются туда.
Там производится всегда рабов свободная продажа.
Мальца купил я у монгола за три с полтиной серебром,
Крестил мальчишку, отдал в школу — пусть вспомнит он меня
добром...

. . . . . .

...Все знает Увенькай, все помнит: родной аул, войну, разгром,
Монгольский плен и путь на рынок, маяк, стоящий за бугром,
Приезд полковника... Полковник платил казенным серебром.

Сжатость и точность этого рассказа может создать впечатление прозаичности, еще усиливаемое своеобразным начертанием стихов, имитирующим прозаическое повествование, и типичными для него словесными оборотами: «Это было так, — сказал полковник». Но сходство с прозой тут только внешнее. Краткость приведенной цитаты напоминает прозу, а в то же время подобная краткость в прозе немыслима, она возможна только в поэзии. Если бы рассказ полковника о прошлой жизни героя изложить тем же количеством слов в повести, получился бы какой-то странный конспект. Гораздо большая смысловая насыщенность слова в поэзии дает возможность подобной предельной краткости.

Вот первая глава поэмы «Тобольский летописец»:

Соймонов тосковал с утра, — во сне увидел он Петра. Царь
дал понюхать табаку, но усмехнулся, говоря:
— Просыпешь, рваная ноздря!
Сон вызвал острую тоску.

Март. Отступили холода. Но вьюги вьют. До самых крыш
в сугробах тонут города — Тобольск, Ялуторовск, Тавда.
А через месяц, поглядишь, пойдет и вешняя вода.
...Соймонов едет на Иртыш, дабы измерить толщу льда.
— Потопит нынче, говоришь? — кричит он кучеру.— А тот:
— Уж обязательно зальет! Отменно неспокойный год.

Сон Соймонова, которым открывается поэма, как своеобразная увертюра, сразу концентрирует основные ее мотивы. Федор Соймонов «птенец гнезда Петрова», ученый моряк, обер-прокурор сената и генерал-криге-комиссар, при Анне Иоанновне битый кнутом и с вы-

ваными ноздрями сосланный в каторжные работы, при Елизавете назначенный губернатором Сибири, со смертью Елизаветы чувствует крушение дела Петра, скорбит о тщетности усилий, боится вновь восстановить против себя власть, мечтает уйти на покой.

Характерно дальше: действие происходит в Тобольске, а пейзаж дается «общесибирский»: «В сугробах тонут города — Тобольск, Ялуторовск, Тавда». Так намечается масштаб повествования. Так же неимоверно компактно вводит Мартынов и более широкий фон:

У прорубей шумит бабье.
Полощут грубое белье из домоткaнного холста.
...Вода иртышская желта,
Как будто мылись в ней калмык,
Монгол, джунгарец, кашкарлык,
Китаец и каракиргиз,
И все течет к Тобольску вниз.
Зрит Азия из прорубей.

Такому ведению повествования соответствуют особенности ритмики. Собственно говоря, поэмы Мартынова написаны обычными размерами, но в ряде поэм автор прибегает к особой стиховой графике, соединяя с одну строку по два, по три или четыре стиха, выделяя диалоги по типу прозаической записи, а иногда (глава из летописи, письмо) и совсем ликвидируя стиховые обозначения, давая весь текст как бы «прозой». Конечно, границы стихов ясно ощущаются и в такой записи, красная же строка становится средством дополнительного обозначения. Стих, выделенный в отдельную строку, приобретает особый смысловой вес, два стиха, соединенные вместе, теснее связываются. Соединение нескольких строк в одну создает, благодаря ликвидации междустрочных пауз, иной темп речи, более быстрый и энергичный, соответствующий «деловому» тону повествования. Благодаря возможности дать четверостишие в одной, двух, трех или четырех строках, возможно значительное убыстрение и замедление речи, очень существенное при передаче живого разговора, играющего на редкость большую роль в поэмах Мартынова. Своеобразная графика облегчает возможность отступлений от размера, когда в четырехстопный ямб попадают трех-, двух- и одностопные стихи, — в особенности, опять-таки, при передаче речи персонажей, где этим достигается ритмическая выразительность. Мартынов практикует и более заметные выходы из традиционного ритма, когда (как это бывало у Маяковского) в стих вклинивается неметрическая строка, подхватываемая рифмой или даже с выпадом из рифмовки:

— Ты слышал — Пушкин твой убит?
Да, Он убит. А ты, калбит, сегодня мною будешь бит.
Рассказывай, о чем ты шептался на Казачьем базаре
со своим Садвокаской?!

Эти выходы из ритма, убыстрение и замедление темпа, имита-

ция живых интонаций, сильные ударения в рифмах (рифма, невыделенная междустрочной паузой, выделяется более сильным ударением) — все это приближает стих Мартынова, несмотря на его метрическую основу, к разговорному, к стиху народной драмы.

3

Между поэмами Леонида Мартынова есть тематическая общность. Почти все поэмы, действие которых происходит до революции, являют нам образы горячих и даровитых русских людей, усилия которых разбиваются о глухую стену.

Честный, умный и ученый Соймонов, не желавший мирволить плутам и ворам, сечен и с вырванными ноздрями сослан в каторгу. Впоследствии он вновь занял высокий пост, но чувствует, что бороться ему уже не под силу, что дело его жизни рассыпается. Летопись сибирских событий, дело жизни ямщика Ильи Черепанова, брошена в печь («Тобольский летописец»).

Замечательные русские художницы, крепостные ткачихи, заточенные в бане, день и ночь надрываются на работе, мастеря поддельные гобелены, а вместе с ними гибнет и жена хозяина, образованная, даровитая и умная русская женщина, тщетно пытавшаяся уйти от своей судьбы.

Искусниц-мастериц, каких не знал Париж,
О, муж, ты тростью бьешь и голодом моришь,
Чтоб девушки сии, прикованные к бане,
Одно мое лицо сумели ткать по ткани!
(«Домотканная Венера»).

Даровитый юноша казах Увенькай — переводчик с восточных языков, поэт, получивший из рук декабриста «Кавказского пленника», мечтающий перевести любимого Пушкина на родной язык. Его судьба не описана в поэме, но ясна: он участник восстания казахов против николаевского правительства («Правдивая история об Увенькае»).

Напрасно трудится инженер над проектом орошения калмыцкой степи. Проект отвергнут, ибо, по понятиям начальства,

Инородцы немирны и любят безделье,
И едва ль они примутся за земледелье.

Ничего не выходит и из строительных работ инженера. Кругом разнузданные хищники. Генерал-губернатор — их покровитель и соучастник. Инженер, пытающийся разорвать круговую поруку грабежа, умирает отравленный («Рассказ о русском инженере»).

Молодой садовод открыл способ переноса на дальний север неросших там древесных пород, но его открытию не дают ходу консерваторы-агрономы («Волшебные сады»).

Офеня Мартын Лощилин, беспокойный скиталец, мечтатель о счастливом будущем человечества, напрасно открыл в своих скитаниях драгоценную руду, напрасно задержал шпиона. Шпион ушел, дав взятку

полиции, концессию на руду получила иностранная фирма, а Лощилин кончает жизнь нищим рабочим примитивного кирпичного завода.

Никто бы здесь не опознал Мартына. В отрепьях, с обгорелой
бородой,
Он глину мял, и трепетала глина в его руке костлявой
и худой.
(«Искатель рая»).

Так талантливые русские люди, энергичные патриоты натыкаются на сопротивление мертвящего царского режима и погибают, разочарованные и несчастные. Только садовод, доживший до советской власти, дождался исполнения своих мечтаний.

Поэм с пореволюционной тематикой у Мартынова немного и они не принадлежат к числу лучших его произведений. Советские темы нашли себе место пока лишь в лирике Леонида Мартынова.

4

Лучшие лирические стихотворения Мартынова созданы, собственно говоря, по типу его поэм — историческая тема, сибирское окружение, эпизоды и положения, в которых скрещивается история различных народов («Ермак», «Пленный швед», «Поход на Восток»).

Тем же «историческим» методом разработана и оригинальная тема, характерная для лирики Мартынова последних двух лет. Это тема обского севера, где горы «лукой заходят в море», где издревле рисовалось народной фантазии сказочное Лукоморье, страна чудес:

Вы пройдите лес дремуч, поглядите с горных круч:
Ветер северный, могуч, гонит тучи снеговые.
У них выи меховые, соболя летят седые,
Белки валятся живые из косматых этих туч!

Образ этой сказочной страны Мартынов восстанавливает, изучая старинные предания, путешествия, карты, влезая в дебри филологических догадок:

Что мой пращур? Голытьба! Он в лохмотьях шел тайгою.
Но свела его судьба с мудрой бабою-ягою,
То есть с женщиной в яге — в теплой северной одежде.

Баба-яга народных преданий сближается со «Златой бабой» — идолом, которому, по ряду старинных известий, поклонялись народы обского севера.

Образ Лукоморья символизирует для Мартынова тему возрожденной Советской Сибири, страны новых чудес:

Там у дальних берегов, где гремят морские воды,
Где восстали из снегов возрожденные народы,
Лукоморье там мое!
Там стоит, вестократ богата,

Опираясь на копье, а быть может на ружье,
Молодая Дева Злата.
Я не знаю, кто она — инженер или пастушка,
Но далекая избушка, что за елками видна,
снова сказками полна.
Здравствуй, дивная страна!

Тема Советского Союза, где братски сливаются разнородные в прошлом народы и культуры, близка поэзии Мартынова в самых ее основах, — но в довоенных стихах эта тема разработана слишком эпично, лишь в стихах военного года Мартынов по-настоящему овладел пафосом этой темы.

Война изменила направление творчества многих советских поэтов, но у «историка» Мартынова перелом сказался особенно отчетливо. На великую войну советского народа с выродками человечества Мартынов откликнулся в первые же дни. Его стихи, печатавшиеся в начальные дни войны в «Омской правде», использовались в лозунгах и речах, укрепляли мужественную преданность родине и ненависть к фашистским бандитам в то время, когда стихи других поэтов еще не были известны омичам. Впоследствии эти первые военные стихи Мартынова были собраны в брошюре «За родину». Книга более поздних и более зрелых стихов — «Мы придем» заключает годовые итоги военного творчества Мартынова.

Обе книги целиком посвящены войне. Наша конечная победа, грядущее освобождение земель, поруганных врагом, любовь к своей земле, к ее чести и славе, живая связь с ее прошлой жизнью, а с другой стороны — обличение немцев, покорившихся худшему отребью своего племени, обличение варварства и бандитизма, невежества и хамства фашистской орды — вот основные темы новой книги Мартынова.

Но это ведь темы любого советского поэта в наши дни. Сотни стихов написаны на эти темы, — и в этом большая опасность для поэта. Стихи, похожие на чужие стихи, истертые слова, варианты и перепевы, повторение того, что уже много раз так же или почти так же сказано, — все это ни на кого не действует и никому не нужно. Право на существование даст поэту только свое творческое лицо, собственный поэтический голос. «Лица необщим выраженьем» военные стихи должны обладать по крайней мере в той же степени, что и «мирные».

Слышен ли свой поэтический голос в военных стихах Мартынова? — Несомненно; во всяком случае, в лучших. В них, прежде всего, сказывается типичное для Мартынова стремление найти выражение больших исторических явлений в конкретном, местном и личном, ощущение связи настоящего с прошлым, уменье сочетать рассказ

О старой славе и о новой славе
Больших и малых наших городов.

Вот замечательное стихотворение «Стена». В основе его — древнее поверье о незримой стене,

Которая будто б встает над Окой,
Москвою-рекой и Шелковкой-рекой
В те дни, когда вражеской дерзкой рукой,
Рукою поганой, рукой воровской
Бывает нарушен России покой.

Это предание поэт вводит, начав речь о маленьких старинных подмосковных городах:

О Волоке-Ламском, что добрый сосед
Можаю, который, от древности сед,
Монгольских мечей перезвону внимал,
И про Ярославец, который так мал,
Что каждый и помнить о нем перестал.

Эта речь обращена не к читателю вообще, но к другу, который жалуется, скучая в одном из подмосковных городков:

Сады Туркестана я видел в цвету,
И вечные льды в Мангазейском порту,
В Тянь-Шане бродил я небесной тропой.
Совсем не пора мне еще на покой
В равнину, что между Москвою-рекой
И тихою-тихою мирной Окой!

И только развернув эти «мирные» темы, поэт вводит новую, центральную тему стихотворения:

Вот тут-то тебя и застала война.

Друг становится бойцом за родину, и маленькая тема его судьбы сплетается с большой темой защиты Москвы, великих битв, в которых снова встала перед врагом легендарная стена. А за этой темой стоит еще более грандиозная тема — великой страны, поднявшейся на самозащиту.

Гроза! И не только она над Москвой —
Алтай и Кавказ, берега Чусовой,
И Тарбагатай, и хребет Становой
Встают, громоздясь, над твоей головой!
Сегодня вся Русь за твоею спиной,
А ты впереди над незримой стеной.
Ты понял! Ты здесь оказался не зря!
Над древней стеною багряна заря.
Стена нерушима во веки веков.
И в грохоте танков, и в звоне подков
Увидел ты Русь в ее вечной красе,
Увидел судьбу на Можайском шоссе!

Советский Союз с его многообразными народами, языками, обычаями, климатами, ландшафтами представляется Мартынову не в неразличимой слитности, но в единстве этого сложного организма, бо-

гатого разнообразной жизнью. Так ставится Мартыновым любимая тема Сибири, напрягающей свои могучие силы рядом с другими краями для общей великой цели всего союза советских народов:

Идем мы снова на врага,
Чтоб ни один тевтон не спасся!
Пусть знает «северная раса»
Каков бывает жар Кузбасса,
Каких сынов родит тайга!

Лучшие военные стихи Мартынова глубоко агитационны — именно потому, что они строятся не на зарифмовке общих мыслей, а на живых образах. Так, фашистским мечтам о владычестве над Волгой противопоставлен иной образ «тевтона на Волге» — труп немецкого солдата, вмерзший в сугроб у часовни, достроенной над истоком Волги.

В последнем сборнике Мартынов дает несколько политических памфлетов.

Сатирическая струя в творчестве Мартынова останавливала внимание и раньше. Так, поэма «Поэзия как волшебство», в которой описывается пребывание в Омске поэта Бальмонта и его публичная лекция, — выделяется ядовитостью насмешки над буржуазным поэтом, псевдобунтарем, отлично уживающимся с попсимым им мещанством.

В сборник 1939 года «Стихи и поэмы» вошли два антифашистских сатирических стихотворения. Они принадлежат к числу лучших стихотворений сборника, особенно «Нюренбергский портной». Здесь сказалось умение Мартынова говорить об исторических явлениях не «вообще», а найдя конкретный образ, в котором эти явления предстают особенно выпукло. В стихотворении «Нюренбергский портной» такой образ — фашистские моды. Фашист заказывает портному новомодные костюмы:

Такой костюм придумайте, портной, чтоб, распахнув, пахнула бы войной.

Портной выполняет заказ на наряд Валькирии, на костюм, «где б ротный зверьком, чтоб в горло ей впивался коготком», на макинтош из человечьих кож (в крайнем случае, из обезьяньих)...

Он повторял: «Из моды вышел газ? Заменит газ теперь противогаз!
Ну, что ж тут скажешь? Элегантно очень.
А галстук будет на манер бинта, как будто марля кровью залита
И в желтом гное краешек намочен».
Он повторял: «Вы бредите войной, берлинские вояки-забияки.
Запросите фасон кроить иной, когда в больничном скорчитесь бараке
Запросите фасон кроить другой, когда с одной останетесь ногой!»
И зло захохотал он в полумраке.

Лучший из новых памфлетов Мартынова — «Оленья голова». Так называлась немецкая дивизия, захватившая и разграбившая Ясную Поляну. Название это поэт развертывает в гротескный образ:

В музее рушит мебель,
От злобы сам не свой,
Фашистский хам-фельдфебель
С оленьей головой.
Рычит он, горячится
И, опустив рога,
На бюст Толстого мчится,
Как будто на врага.

Этому полуживотному противопоставлены два друга — уралец и ямалец, бок о бок сражающиеся за общую родину. Охотник-уралец оскорблен за благородное животное — оленя: ямалец узнает в рогатом чудище старого знакомого — шамана. И отсюда рождается заключительный образ стихотворения — образ пьяных кровью шаманов, тщетно старающихся внушить страх советскому народу, который стойко бьется за культуру против шаманства.

Так, часто прихотливым, затейливым ходом идет поэтическая мысль Мартынова, в основе которой — в лучших стихотворениях — лежит живой художественный образ.

Новые стихи Мартынова будут содействовать нашей победе. В наши дни у творчества нет более достойной цели. А расширение творческих возможностей, принесенное новой поэтической работой, не замедлит, мы надеемся, сказаться на новых крупных поэтических достижениях Леонида Мартынова. Плодотворный опыт агитационных, актуальных, военных стихов будет содействовать творческому росту этого значительного поэта.

СОДЕРЖАНИЕ

Леонид Мартынов. Писатели нашего края 3
Гвардии капитан Глеб Холоденин. Подруге, Брату, На разъезде (стихи) 10
Андрей Калинченко. Жизнь и смерть Тони Петровой (рассказ) . . 13
Лейтенант Георгий Суворов. Болото (стихи) 21
Борис Ковынев. Славен труд (стихи) 22
Павел Иоффе. Вишневый бостон (рассказ) 24
Илья Майберг. Нашим городам (стихи) 43
Николай Вигилянский. Валя (рассказ) 45
Давид Рахманов. Письма с фронта (стихи) 53
Лейтенант Иван Харламов. Лизе Чайкиной, Подарки (стихи) . . . 54
Феоктист Березовский. Над бездной (отрывок из романа) 55
Иван Коровкин. Николаю Карелину (стихи) 70
Иван Ного. Мой товарищ (рассказ, перевод с ненецкого) 71
Иван Истомин. Меховые кисы (стихи) 73
Елена Рывина. Мы вели эшелон (стихи) 74
Юрий Забинков. Ленинградским друзьям, Девятнадцатилетие (стихи) 76
Григорий Мерлинский. Черное море (стихи) 79
Александр Соколов. Мы все отстоим! (стихи) 80
Леонид Мартынов. Лукоморье (поэма) 81
Академик Б. М. Завадовский. Край непочатых возможностей (статья) 88
Леонид Мартынов. Судьба Омска (очерк) 103
Профессор Ин. Н. Шухов. Двадцать восемь лет назад (воспоминания) 110
Борис Бухштаб. Путь поэта (статья) 121

— * —

ОМГИЗ. 1943 г. Изд. № 55.
Индекс Х-5.

*

Подписано к печати 17/II-43 г.
Формат 60x92/16. Объем 4 1/3 бум. л.,
8 1/2 печ. л., 8,75 уч.-изд. л., 49 920
тип. знаков в печ. л.
Тираж 10 000 экз.

*

ПД21061.

*

Цена книги 7 р.

Редакционная коллегия: *Ф. А. Березовский.*
С. И. Жданов (отв. редактор).
И. П. Лебедев.
Л. Н. Мартынов.
Е. М. Тетерев.

Типография издательства „Омская правда". Омск, ул. Декабристов,
Заказ № 6671.